

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 2
1927

Изд-во
«П.П.СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

столько надежд, постепенно потеряла всякий кредит.

Требовался какой-то совершенно новый технический фактор, и надежды обратились к радио. Но и этот удивительный элемент, который с начала XX века привлекал глаза всех мечтателей и энтузиастов науки, оказав огромные услуги медицине и химии, успокоился, повидимому, на этом и почил в своем великолепном Дворце в Париже. Во всяком случае, на все зазывания междупланетных прожектеров он отвечивал солидным молчанием.

И вот, именно в это время, когда ракета, как реактивный двигатель казалась уже сданной в архив, появился проект профессора Готье.

Проект этот, оставаясь при старых средствах, давал им только новое назначение: ракета, как бы велика она ни была, не может доставить человека не только на Марс, но даже и на Луну, достижение которой, к слову сказать, не представляет особого интереса; но та же ракета, при величине, не выходящей из пределов технически достижимого, может вынести человека за пределы атмосферы, и, совершив довольно длинный перелет в пустоте межпланетного пространства, снова опустить его благополучно на Землю. Пущенная в направлении, наклонном к горизонту, ракета должна описать в пространстве огромную дугу параболы, большая часть которой окажется за пределами земной атмосферы. Она сделает прыжок в пятьсот километров высотой и около трех тысяч километров длиной, при чем заключенные в герметически запертой камере наблюдатели смогут в течение часа или двух обозреть межпланетное пространство и производить в нем различные научные наблюдения.

Но представляет ли подобный опыт научный интерес, достаточный, чтобы оправдать грандиозные работы, требующие громадных денежных затрат? Оправдывает ли этот интерес тот чудовищный риск, которому необходимо подвергнут себя все участники опыта?

В наличии такого интереса проф. Готье сумел убедить Академию и пра-

вительственные сферы. Общественное мнение также оказалось на его стороне, подогретое целым рядом публичных лекций, прочитанных им не только в разных городах Франции, но и в крупнейших центрах других государств. Профессор совершил обширное турне по всей Европе, всюду собирав бурные аплодисменты, а также более или менее крупные подписки.

На таких публичных лекциях профессор описывал свое предприятие в самых восторженных выражениях.

— «Мы живем на дне воздушного океана» — так обычно начиналась лекция — «и эта среда, кажущаяся нам столь прозрачной, но на самом деле в толстом слое весьма малопроницаемая для многих лучей, скрывает от нас все неопишное великолепие необъятного космоса. Об истинном виде Солнца, Луны, звезд и комет мы знаем столько же, сколько знает рыба, плавающая среди подводного мрака, о красотах зари и солнечного заката, об Альпийских пейзажах и грандиозных городах. Атмосфера — это «покрывало Изиды», скрывающее от нас истинное лицо богини. Поднять это покрывало, увидеть лицо богини во всем его величии, быть может страшном, быть может чарующе прекрасном — такова задача предприятия».

Возможно, конечно, что почтенный профессор немного преувеличивал и что о междупланетном пространстве мы знаем несколько более, чем глубоководная рыба об Альпийских пейзажах. Но все же в главном он был несомненно прав: атмосфера, действительно, скрывает от наших глаз очень многое, и прозрачность ее, действительно, только кажущаяся. Каждый, кто имел случай смотреть в большой телескоп, хорошо знает это: слои незаметного на глаз тумана, или просто струи воздуха разной плотности совершенно затемняют поле зрения, производя впечатление какой то пустой переливающейся среды, скрывающей все подробности наблюдаемого астрономического объекта. Эта среда ставит определенный предел увеличительной силе телескопа, в оптическом смысле неограниченной: если бы мы соорудили телескоп вдвое

Проф. Готье.

или втрое сильнее Пулковского рефрактора, то ничего кроме переливающихся струй в него нельзя было бы разглядеть.

Кроме того, атмосфера совершенно поглощает многие и несомненно испускаемые Солнцем и звездами: это преимущественно так называемые «ультрафиолетовые» лучи,

принадлежащие к числу «темных», т. е. невидимых для глаза лучей, производящих однако сильные химические действия. Рентгеновы и катодные лучи задерживаются даже тонким слоем воздуха. Из всей лучистой энергии, испускаемой Солнцем, до дна воздушного океана, т. е. до поверхности Земли, достигает лишь весьма небольшая часть,—все остальное задерживается атмосферой. Исследование всей этой энергии—полного солнечного спектра за пределами атмосферы представляло бы, действительно, громадный научный интерес и могло бы привести к результатам, значение которых не поддается предварительному учету.

Все это профессор Готье преподносил публике в своих лекциях в самой блестящей и увлекательной форме. Обращаясь далее к технической стороне своего опыта и в покровительственном тоне упомянув о своих предшественниках, он целиком однако отвергал почти все их достижения. Теоретические расчеты немецкого астронома Обера были, по его мнению, практически несостоятельны. Практические исследования Годдарда не давали основ для теоретических построений. О проектах Циолковского он упоминал лишь вскользь, как о восточной сказке. По его—профессора Готье—мнению, при сооружении первого действительно реального снаряда, надлежало ограничиваться только самыми простыми и испытанными конструкциями. А таковой являлась обыкновенная ракета, заряженная обыкновенным ракетным составом—смесью

пороха с углем; от предлагаемых его предшественниками сжиженных кислорода и водорода профессор считал необходимым отказаться: «как еще такая смесь будет гореть? безопасно ли это? практически осуществимо ли?»

Нельзя было отрицать основательности этих вопросов. С другой стороны, движение ракеты, т. е. его продолжительность и скорость, определяется всего более весом ее заряда; состав последнего обуславливал бы только скорость истечения газовой струи, а последняя мало увеличилась бы от замены обыкновенного пороха какой-либо иной взрывчатой смесью. Поэтому решение профессора остаться при старом, испытанном способе заряжения ракеты порохом, было в конце концов одобрено в академических кругах.

Но существенным новшеством в проекте профессора Готье была комбинация ракеты с аэропланом. Огромная тяжесть ракеты служила бы непреодолимым препятствием для ее взлета в вертикальном направлении; поэтому движущую силу ракеты предполагалось использовать, как пропеллер в аэроплане, т. е. для горизонтального движения; поднятие же вверх должно было осуществляться при посредстве огромных наклонных поддерживающих плоскостей, на подобие двух крыльев, расположенных по бокам ракеты. Эти крылья должны были поднять ее до крайних пределов атмосферы, так как разрежение воздуха компенсировалось в этом случае увеличением скорости полета¹⁾. За пределами атмосферы движение должно было продолжаться уже по инерции. Горизонтальный разбег снаряд должен был сделать на поверхности воды, для чего его надлежало снабдить водяными лыжами, как это принято в конструкции гидропланов.

Наконец, особенностью снаряда проф. Готье являлось соединение двух ракет

¹⁾ В обыкновенном аэроплане это не достигается потому, что поступательная скорость получается от пропеллера, отталкивающегося от воздуха. Скорость же ракеты в пустоте должна неограниченно возрастать, пока продолжается горение заряда.

в одну дуплекс-ракету. Этим, по его мнению, достигалась большая жесткость и прочность системы, а также лучшая возможность управлять снарядом, отклонять его вправо или влево, при помощи особых щитов, помещенных как раз у выхода из тела ракет струи раскаленных газов. Между двумя ракетными цилиндрами, в передней части снаряда, помещалась герметически запираемая камера с приборами для наблюдений и с самими наблюдателями. Эта камера могла, по желанию последних, быть отделена от снаряда в последний момент перед его падением и спуститься с относительной медленностью при помощи огромного, автоматически открывающегося парашюта.

Про этот парашют враги профессора говорили, что это—единственно целесообразная часть его снаряда, так как он все-таки дает участникам опыта маленький шанс к спасению, тогда как все остальное придумано со специальной целью убить их.

Чтобы еще уменьшить опасность спуска, имелось в виду произвести весь полет над поверхностью воды; с нее должен был начаться разбег при подъеме, на нее же следовало спуститься. Размеры этой водной поверхности должны были соответствовать величине прыжка. В этом смысле профессора Готье мог удовлетворить только Атлантический океан. Начавшись у берега Франции, путь ракеты должен был окончиться где-то у берегов Северной Америки. Разумеется, нельзя было с точностью предвидеть длину этого пути и определить место спуска; поэтому в день опыта множество парашютов и аэропланов должно будет крейсировать на достаточном протяжении, чтобы немедленно прийти на помощь спустившимся в камере небесным путешественникам.

Несмотря на все эти меры предосторожности, опыт заатмосферного прыжка представлял, несомненно, крайнюю опасность, и от участников его требовалось почти сверхчеловеческое самоотвержение. Все понимали это, и проф. Готье, помимо славы ученого, оказался окруженным ореолом добровольного мученика науки.

Блеск этого ореола распространялся и на его будущих спутников, в особенности концентрируясь на единственной дочери профессора, молодой, но мужественной девушке, не желавшей оставить отца в минуту крайней опасности. Другим спутником был избран строитель гигантской ракеты, инженер Лаваред, человек еще совсем молодой, но успевший составить себе имя благодаря участию в таком исключительном предприятии.

Более трех человек не могла вместить небольшая герметически запирающаяся камера снаряда; кроме того, профессор считал недопустимым подвергать опасности хотя бы одну лишнюю человеческую жизнь. Даже своему ассистенту, д-ру Дюрвиллю, он отказал, несмотря на все его просьбы.

Об этом ассистенте циркулировали странные слухи; говорили, например, что именно он-то и является истинным автором грандиозного проекта и что профессор Готье попросту украл его приоритет, и, не допуская его даже к участию в опыте, всячески старается отстранить и затушевать его. Вспоминали также, что около года назад он считался почти официально женихом дочери профессора, но потом был оттеснен более блестящим претендентом—инженером Лаваредом; поэтому последний будто бы и стал главным строителем ракеты, тогда как раньше ничем по своей специальности не отличался. Носплетни всегда трутся своими гнусными мордами около имени великого человека; это оборотная сторона славы. Все эти толки не могли подорвать доброго имени профессора Готье. Особенно в последнее время, когда ракета была почти готова, все внимание обращалось исключительно к предстоящему полету и разными пустяками никто уже не интересовался.

Но именно недели за две до этого решительного момента произошли одно за другим два события, опять давшие пищу разнообразным толкам. Во-первых, профессору было совершенно внезапно отказано в крупной правительственной субсидии, которую он уже считал в своем кармане и наперед израсходовал частью из собственных

Ассистент Дюрвилль.

средств, частью в виде кредитных обязательств.

Отказ этот был связан с переменой министерства, в новом составе которого, по видимому, оказались какие-то друзья ассистента Дюрвилля, несочувственно отнесшиеся к профессору. Ему воспретили даже общественную подписку. Еще месяц тому назад весьма состоятельный человек — он был теперь разорен и стоял перед перспективой банкротства и тюремного заключения.

Вторым событием был последовавший за этим отказ инженера Лавареда от чести участвовать в полете за пределы атмосферы. По его объяснениям, он предпочитал отдать свои знания и силы работам по установке громадной радио-станции у устья р. Конго, — делу, несравненно более приличествующему инженеру, чем какие-то сомнительные авантюры в межпланетном пространстве.

Его место в снаряде естественно переходило теперь к Дюрвиллю, и последнему скоро удалось уладить денежный вопрос. Правительством была назначена специальная комиссия с поручением ликвидировать долги профессора без банкротства и тюрьмы. Окончание работ комиссия взяла в свои руки.

II.

И полет, наконец, состоялся. Огромная толпа собралась на портовой территории С-Лазара, надеясь присутствовать при феерическом зрелище. Но надежды оказались напрасными: вся феерия свелась только к тому, что четыре военных крейсера при посредстве сложной системы причалов «впряглись» в огромную плавучую ракету и со всеми предосторожностями пробуксировали ее к выходу из порта и далее в открытое море. Полет должен был начаться на расстоянии двадцати километров от берега, и присутствовать при этом могли лишь немногие при-

вилегированные зрители: делегаты главнейших академий Европы и представители научных и правительственных учреждений Франции. Все они заранее получили места на четырех крейсерах и нескольких миноносцах, конвоировавших весь кортеж в открытое море.

Выход из порта состоялся рано утром, на восходе солнца, но лишь к полудню флотилия достигла места назначения и выстроилась около ракеты, предоставляя ей свободный путь для разбега, чтобы, поднявшись у одного берега океана, она могла закончить полет у другого, где ее готова была встретить американская эскадра. Ровно в полдень в парадной кают-компании одного из крейсеров был сервирован торжественный завтрак.

Профессор, его дочь и ассистент, как герои дня, были посажены во главе II-образного стола, так, чтобы их могло видеть и слышать большинство присутствующих. Министр авиации (тот самый, который месяц тому назад провалил правительственную субсидию) произнес подобающую случаю речь, в которой однако совершенно неожиданно для всех восхвалялись заслуги Дюрвилля, а имя профессора почти не упоминалось. Но на последнего это не произвело особого впечатления, и когда Дюрвилль, после долгих колебаний, собрался наконец с духом и встал, чтобы произнести ответную речь, профессор уже стоял с бокалом в руке и говорил с самым непринужденно-величественным видом. По обыкновению появилось в его речи «покрывало Изида», которое он смело срывал с лица богини, чтобы задрапировать в него собственную особу. Речь его лилась без перерывов и достаточно долго, чтобы вытеснить из памяти слушателей даже всякое воспоминание о словах министра, неправильно, по его мнению, адресованных.

Когда ассистент получил, наконец, возможность говорить, то никому уже не было понятно, на что именно и кому он отвечает. Он не обладал ни внушительной фигурой профессора, ни его плавной речью (как ассистенту и полагается); он не умел изящно и

своевременно помахать покрывалом Изида и драпироваться им; зато он обладал глухим и прерывающимся голосом. Содержания речи никто не понял, но все же оратор был награжден аплодисментами, подобающими герою дня, хотя бы второстепенному. Инцидент был впрочем тотчас же замят новым тостом профессора; потом говорили другие, потом опять профессор, и завтрак закончился при общем чрезвычайном оживлении.

Около трех часов пополудни участники полета, при торжественных звуках марша и несмолкаемых приветственных криках, сошли, наконец, с крейсера на миноносец, который должен был доставить их в камеру ракеты.

С борта крейсера посыпался целый дождь цветов и букетов, адресованных дочери профессора, и миноносец отошел по назначению, при салюте выстрелами и флагами.

Описав дугу, он подошел к переднему концу ракеты и остановился в промежутке между поддерживающими ее лыжами, непосредственно под камерой.

Путешественники взобрались в нее по особой приставной лестнице, сейчас же после того убранной, и заперли за собою герметический входной люк. В этот момент на всех судах оркестр опять заиграл марш, заглушаемый салютом орудий.

Окончив этот маневр, миноносец снова двинулся по коридору между лыжами и подпорными фермами к задней части ракеты, где ему надлежало зажечь фитиль, проведенный к ее заряду, совершенно как в обыкновенной увеселительной ракете.

Эту операцию невозможно было рассмотреть во всех деталях с крейсеров, расположенных на расстоянии полукилометра от снаряда, но все же зрители узнали об ее окончании, когда миноносец, на минуту остановившийся у заднего конца ракеты, внезапно полным ходом стал удаляться от опасного места, чтобы не оказаться в струе раскаленных газов, образующих «хвост» ракеты при ее полете.

Наступила минута величайшего напряжения. Большинству зрителей не

было в точности известно время горения фитиля, но все мысленно наблюдали маленький огонек, медленно подползающий к колоссальному заряду, заключенному в двух огромных цилиндрах ракеты, и который неминуемо должен был воспламенить его. Теперь отступление было уже вне сил человеческих; если бы участники опыта внезапно осознали в этот момент его страшную опасность, и страстно захотели бы выйти из своей камеры — они уже не в состоянии были бы это выполнить; несомненно, их ощущения в этот момент были не из приятных... Все знали это, и ждали... Минуты текли с невыразимой медлительностью среди гнетущей тишины. Музыка прекратилась, орудия молчали; слышен был только немолкаемый, однообразный шум моря.

Внезапно снаряд вздрогнул и рванулся вперед, как смертельно раненое морское чудовище. Две огромные струи серовато-белого дыма вырвались из его цилиндров, словно изверженные вулканом. Сотрясение воздуха было так сильно, что палуба и мачты крейсеров задрожали; зрители попадали, оглушенные страшным шипением и свистом, хотя находились на расстоянии почти километра от ракеты.

Когда они очнулись от потрясения, ракеты уже не было видно; огромные волны шли по морю и крейсеры качались на них, как лодки на приливе. Длинная струя серого дыма лежала на воде до края горизонта, и медленно рассеивалась, раздуваемая ветром.

Никто не видел, совершился ли ожидаемый взлет ракеты после разбега, но энтузиазм был полный и проявился в радостных возгласах, звуках оркестра и долго несмолкавшем салюте орудий всех четырех крейсеров.

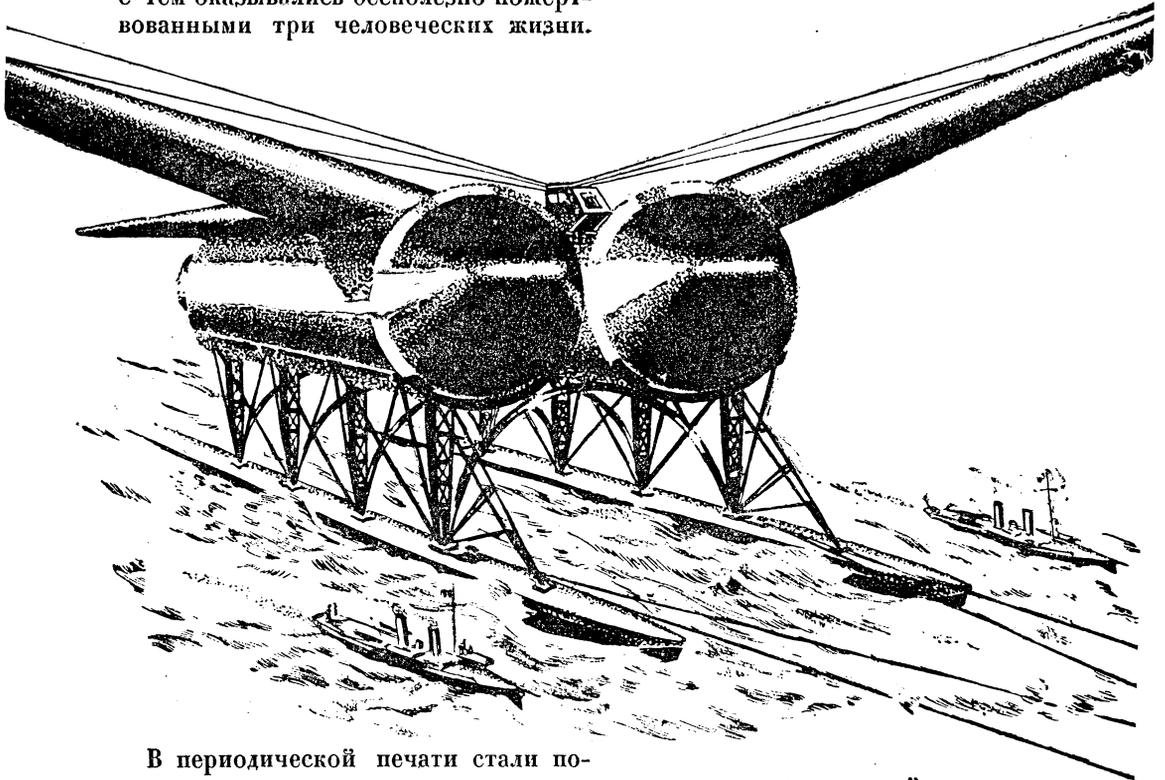
Вечером на бульварах и в кафе публика читала газеты. В них сообщались все подробности полета, в ярких красках описанные репортажами, бывшими на крейсерах; но о результате не было ни слова. Впрочем телеграмму с Американского побережья о благополучном спуске ракеты ожидали с часу на час, и она должна была, конечно, вызвать экстренный выпуск газет.

На следующее утро газеты содержали запоздалые сообщения, представлявшие повторение вчерашних; в вечерних выпусках не было и этого...

Прошло три дня, и ожидаемая телеграмма не приходила, хотя эскадра все еще крейсировала у восточного побережья Америки. Великий опыт, стоивший громадных затрат, пришлось признать неудавшимся. Вместе с тем оказывались бесполезно пожертвованными три человеческих жизни.

Другие авторы допускали как раз обратное: ракета не только долетела, но и перелетела через всю Америку; искать надо где-то среди необъятных пустынь Тихого океана. Мнение это поддерживали несколько серьезных ученых, и из С.-Франциско были командированы крейсера специально для поисков камеры.

Появилась еще статья, правда, без

В периодической печати стали появляться статьи, подписанные крупными научными именами, пытавшиеся так или иначе объяснить печальную неудачу. Мнения расходились; большинство предполагало, что ракета просто не долетела до того места, где ожидала ее эскадра; тогда ее надо было искать среди Атлантического океана. Но ни один из пароходов или аэропланов, совершающих рейсы по всем направлениям, не встретил плавающей камеры, громадный парашют которой мог бы быть замечен на большом расстоянии. Оставалось допустить, что парашют в решительный момент отказался, механизм его дал осечку, и камера вместе с ракетой пошла ко дну.

подписи, автор которой шел еще дальше: ракета вовсе не опустилась; достигнув пустоты и не встречая более сопротивления движению, она развила скорость, превосходящую восемь километров в секунду, а такая скорость достаточна для преодоления силы тяготения. Снаряд должен при таких условиях вечно обращаться вокруг Земли,—превратиться в своего рода искусственную Луну.

Статья безымянного автора произвела сенсацию. Она льстила национальному самолюбию: не всякий народ способен создать новое космическое тело—новую планету, да притом еще заведомо населенную мыслящими существами. И эти существа мыслили

по-французски! Правда, их ожидала неминуемая смерть, но ведь смерть ожидает все мыслящие существа. Многим судьба их казалась даже завидной.

Телескопы всех обсерваторий и всех любителей астрономии жадно и пристально исследовали небо, в надежде открыть новый спутник Земли. Дежурному наблюдателю Ликской обсерватории посчастливилось: в поле своего огромного рефрактора он усмотрел продолговатое тело с боковыми выступами в виде крыльев. Счастливец поспешил объявить о своем открытии по беспроволочному телеграфу и оно скоро облетело весь мир вместе с его именем. Но уже час спустя наблюдатель мог убедиться в своей ошибке: продолговатый предмет двигался в поле трубы с юга на север, в совершенном противоречии с прочими небесными телами; потом он вдруг резко повернул на восток, чем окончательно обнаружил свою истинную природу: это был просто высоко парящий в воздухе кондор. Ошибка была скандальная, и карьера астронома была покончена.

В это же время в «Nature» появилась новая статья; автор ее высказывал предположение, противоположное всем предыдущим: ракета вовсе не полетела. По мере выгорания ее заряда, передний конец стал перевешивать и наклоняться; вследствие этого ракета зарылась в воду, и вместо

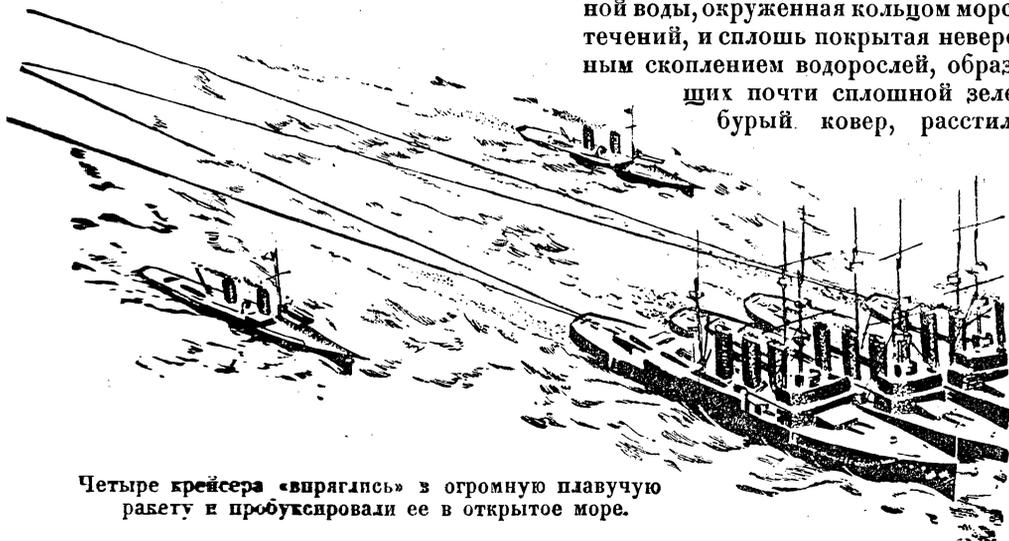
взлета к небу, отправилась вниз исследовать глубины океана. Судьба ее пассажиров не требовала комментариев.

Статья произвела крайне тягостное впечатление и соображения ее автора казались более чем вероятными. Впрочем, со времени несчастного опыта прошло уже более недели, и интерес к нему в публике успел значительно охладеть. Опыт потерпел фиаско, и этого было достаточно; оставалось предать его забвению, как и все неприятное.

Так и случилось. Не только газеты, но и научные периодические издания перешли к очередным темам. Три человеческие жертвы были преданы забвению; ведь, ежедневно случаются гораздо более тяжелые катастрофы.. не о чем, стало быть, и говорить...

И вдруг все опять заговорили: почти через три недели после злополучного опыта появилось экстренное сообщение о розыске следов заатмосферной экспедиции. Большой пассажирский аэроплан, совершавший срочный рейс из Нью-Йорка в Париж, был застигнут в пути сильным штормом, и в течение трех дней оставался игрушкой стихии. Когда аэроплан получил, наконец, возможность управляться, он оказался сбитым к югу и очутился над той пустынной частью Атлантического океана, которая известна под именем Саргассова моря.

Это—громадная площадь неподвижной воды, окруженная кольцом морских течений, и сплошь покрытая невероятным скоплением водорослей, образующих почти сплошной зелено-бурый ковер, расстилаю-

Четыре крейсера «выпрыглись» в огромную плавучую ракету и пробуксировали ее в открытое море.

щийся среди голубой равнины океана. Это колоссальное скопление морской травы, некогда задержавшее каравеллы Колумба, остается и теперь почти непроходимым даже для сильных океанских пароходов; оно образует среди океана область, совершенно не посещаемую судами, и лежащую в стороне от обычных морских путей.

Над этой-то зеленой равниной и оказался снесенный штормом аэроплан, и, пользуясь наступившим затишьем, он летел полным ходом на северо-восток, к месту назначения. Аэроплан держался на небольшой высоте, что и позволило дежурному офицеру усмотреть странный предмет, походивший издали на огромного спрута, неподвижно распростертого среди водорослей. Офицер, конечно, знал все подробности о заатмосферной экспедиции и скоро сообразил, что большой полукруглый предмет есть не что иное, как отделившийся от ракеты парашют, а четырехугольное тело, запутавшееся около него в водорослях — камера, в которой должны были находиться участники экспедиции. Он знал также, что с момента взлета ракеты прошло около трех недель, а потому не имел большой надежды найти их живыми.

Аэроплан снизился на зеленый ковер около жалких остатков великого опыта, и командир его с помощником, сойдя на шлюпку, подплыли к опутанной водорослями камере; благодаря последним, они без особого труда взобрались на крышу ее, где находился входной люк.

Люк этот оказался закрытым, но не запертым изнутри, и оба офицера беспрепятственно проникли к камере. Стены ее были снабжены иллюминаторами, но последние были больше чем на половину под водой, вследствие чего в помещение проникал лишь странный зеленоватый полусвет, не позволявший ясно рассмотреть обстановку. Воздух был сильно нагрет, благодаря солнечным лучам, накалившим металлические стенки, и вошедших сразу охватил тяжелый смрад трупного разложения.

Командир зажег карманный электрический фонарик, и при слабом

свете его увидал скорчившуюся в углу человеческую фигуру; человек был жив и с диким ужасом смотрел на вошедших. Он не отвечал на обращенные к нему вопросы и боязливо жался к стене, словно стараясь скрыться в ней. Пришлось употребить насилие, чтобы извлечь его через люк и перевести на аэроплан.

Исполнив это тяжелое дело, оба офицера приступили к детальному осмотру камеры. В углу ее была обнаружена отвратительная куча обглоданных костей и кусков гнилого мяса — несомненный остаток человеческого трупа; она-то и распространяла тот ужасный смрад, который сразу поразил вошедших и делал осмотр камеры почти невыносимым.

Забрав с собою все инструменты и бумаги, найденные в камере, офицеры выбили один из иллюминаторов, и хлынувшая через него струя воды потопила эту юдоль скорби и страдания, вместе с остатками ужасной трапезы сумасшедшего.

Собранные бумаги были позднее подвергнуты подробнейшему разбору. Большая часть их содержала заметки, относившиеся к научным наблюдениям, произведенным в пустоте межпланетного пространства. Великий опыт не оказался безрезультатным: он обогатил науку множеством новых данных, и она сохранит благодарную память о трех жертвах, которые ей были принесены не даром. Но кроме чисто научных документов в этих бумагах была найдена рукопись единственного, оставшегося в живых, участника экспедиции — несчастного ассистента Дюрвилля. В ней описаны все ее злоключения, начиная с момента отправления ракеты, и кончая теми днями, когда последние остатки разума покинули несчастного. В ней есть много лишних слов и неидущих к делу замечаний, но мы предпочли ничего не изменять и приводим ее далее без всяких поправок и сокращений.

III.

11 июля 19... Стоит ли писать? Зачем писать, когда знаешь наверное, что эти записки никогда не попадут в руки людей? Писать для того только,

чтобы мои записки пережили меня самого на несколько дней или недель, лежали бы здесь около моего трупа, а затем пошли бы ко дну вместе с этой камерой — теперь еще моим жилищем, а потом моим гробом? И все-таки я буду писать, чтобы хоть сколько-нибудь занять это ужасное, еле двигающееся время...

15 июля. Да, я буду писать, чтобы не сойти с ума, чтобы занять мысли, а главное, чтобы занять глаза и отвлечь их хоть на время от этого гнусного зрелища... вода и водоросли... я вижу их даже во сне, эти отвратительные серо-зеленые скользкие стебли и мясистые листья, более похожие на какие-то ядовитые плоды, что-то среднее между огурцом и виноградом... меня тошнит от них...

Если бы я был по крайней мере один! Но она все время тут, около меня, и ни мне, ни ей некуда уйти. Она все время молчит и ненавидит... за что? Разве я виноват, что я — не он? Что он далеко, а я тут, рядом? Но она так несчастна; ведь она потеряла все: отца, жениха и, наконец, зрение!... Но нет, я не вынес бы одиночества. Один среди этих водорослей... нет, только не это!

16 июля. Я принял решение: записывать свои впечатления изо дня в день, с часа на час, — не стоит: фактов нет, а есть лишь мучения... их все равно не опишешь. Я изложу лучше по порядку все пережитое мною в этой камере с момента нашего отправления. Это заставит меня отвлекаться от ужасной действительности. И, кроме того, вдруг... кто знает? Может быть и найдут эти записки? Итак... Как давно это было! Это было 9 июля, в три часа пополудни, когда я покинул общество элегантных, веселых, торжественно настроенных людей, собранных в великолепной кают-компании за роскошно сервированным столом, и перешел на палубу миноносца, а потом, по тонкой, дрожащей железной лестнице, поднялся в эту тесную коробку. Я вошел последним; первой вошла Мари, за ней сам профессор, не удержавшийся и тут от театрального жеста по адресу смотревшей на нас команды миноносца.

Я закрыл за собою люк и завинтил его изнутри. Сквозь металлические стенки камеры я слышал шум отходящего миноносца; слышал, как он остановился у задней части снаряда, и потом снова пошел полным ходом. Это он зажег фитиль ракеты и теперь спасался... Люди сделали свое дело и теперь предоставляли нас нашей судьбе.

Боялся ли я в этот момент? Тщательно анализируя теперь свои воспоминания, я нахожу все, что угодно, нововсенестрах.

За завтраком на крейсере я выпил слишком много вина и чувствовал себя очень скверно. Мне хотелось ясно и отчетливо перечувствовать каждую из этих исключительных минут моей жизни, чтобы потом навсегда удержать эти воспоминания, но все представлялось мне смутно и беспорядочно. Я досадовал и на себя, и на профессора; мне не давала покоя моя неудавшаяся речь, позволившая ему даже на этот раз выставить себя единственным творцом и инициатором нашей экспедиции, — право, принадлежавшее мне с начала до конца. Я не сумел использовать доброжелательную и справедливую речь министра и сразу в ответной речи разъяснить всей публике истинное положение дела и свои права. Я упустил момент, а потом еще хуже... пил, когда не следовало пить! Конечно, министр теперь чувствует ко мне только сострадательное презрение...

С борта крейсера посыпался дождь цветов, адресованных дочери профессора Марии.

Таковы были мои мысли в продолжение этих минут, пока горел фитиль и огонь приближался к заряду ракеты. Я все еще был мысленно за столом кают-компании и произносил про себя разумную, убедительную речь, доказывавшую с полной ясностью, что мне принадлежит и первоначальная идея экспедиции, и математический расчет всех частей снаряда, — словом все, что, пока я вычислял и проектировал, — профессор ездил по всем городам Европы и узурпировал мои права... Я был весь в этих «земных» интересах, и они вытеснили даже самую мысль о возможной сейчас смерти.

А время между тем шло и шло. Профессор с дочерью ушли в переднюю часть камеры, где были сосредоточены рычаги приводов к опорным поверхностям и рулям снаряда; это «машинное» помещение было отделено переборкой от задней части камеры, где находились все инструменты для производства заранее намеченных научных наблюдений в заатмосферном пространстве. Они тихо разговаривали между собой и не обращали на меня никакого внимания.

По предварительному соглашению, мне пришлось взять на себя всю работу по производству наблюдений, при чем Мари должна была помогать мне. Сам профессор, со свойственным ему легкомыслием, взялся управлять снарядом. Наша судьба была, так сказать, в его руках, но другого выхода не было, раз инженер Лаваред, узнав о банкротстве своего предполагаемого зятя, отказался от участия в экспедиции. Впрочем, без этого обстоятельства для меня не оказалось бы места...

Все эти мысли беспорядочно толпились в моей голове и не оставляли места для сознания действительности; раз, другой, я заставлял себя подумать об окружающем, но сейчас же опять мною овладевали переживания прошлого и связанное с ними раздражение. Все это не оставляло места для ожидания и страха.

И вдруг камера дрогнула, рванулась, понеслась, и я, каким-то чудом удержавшись на ногах, оказался с непреодолимой силой прижатым к задней

стенке камеры. В тот же момент дверца из переднего отделения, резко хлопнув, открылась, и оттуда вылетели Мари и профессор; опрокинутые на пол, они катились, пока стойки и опорные части инструментов, загромождавших заднее отделение камеры, не задержали их.

Это было самое простое и естественное явление — следствие ускорительного движения; его испытывают пассажиры поезда, когда он резко меняет скорость, напр., отходя от станции с неопытным машинистом. Но в настоящем случае оно было несравненно сильнее выражено и, кроме того, имело длительный характер: ракета неслась вперед, непрерывно увеличивая скорость, и ее ускорение воспринималось нами, как сила, действующая на наше тело в обратном направлении.

Это в высшей степени неприятное состояние длилось минуты две, может быть — три; я не могу подробно восстановить их в памяти, а тем более описать. Мари стонала на полу, прижата боком к постаменту спектроскопа; профессор произносил речь, состоявшую сплошь из криков боли и ругательства; что делал я сам — не помню; вероятно, тоже ругался. Во всяком случае, каждый из нас был как бы скован и заботился только о себе.

Наконец скорость ракеты достигла своего возможного максимума, и движение ее сделалось равномерным. Я почувствовал свободу и невыразимое физическое облегчение. Профессор с несвойственной ему поспешностью направился в переднее отделение, освещенное большими иллюминаторами со всех сторон; я же стал смотреть через маленькие иллюминаторы задней стенки и пола. Снаряд несомненно летел уже на значительной высоте, но на какой именно — определить было трудно; в нижний иллюминатор можно было рассмотреть только безграничную ярко освещенную белую поверхность — очевидно верхний слой облаков; непосредственно под нами он казался на неизмеримой глубине, а дальше, к краям горизонта, словно поднимался вро-

вень с глазами, образуя как бы огромную чашу. В задний иллюминатор я видел поверхности двух цилиндров и далеко извергавшийся из них «хвост», в виде двух мощных струй кружащегося дыма.

Единственным средством для суждения о высоте подъема являлся соединенный с внешним пространством манометр. Взглянув на него, я почувствовал некоторое разочарование: наружное давление измерялось шестьюдесятью миллиметрами ртутного столба. Следовательно, мы находились на небольшой еще высоте—тридцати или сорока километров. Но ртуть падала быстро, заметно даже на глаз; значит, мы продолжали подниматься.

Раз взявшись за инструменты, я уже не мог оторваться и занялся своим делом. Надлежало взять пробы воздуха на различной высоте, чтобы потом подвергнуть их анализу: предполагается, что наш обычный воздух (смесь кислорода с азотом) простирается лишь до высоты около пятидесяти километров; выше располагается слой почти чистого водорода, а еще выше—слой неисследованного пока газа—геокорония. Мари стояла уже около инструментов, и мы около четверти часа безмолвно и безостановочно выполняли заранее выработанную программу наблюдений.

Между тем манометр продолжал опускаться, и, удосужившись взглянуть на него, я увидел, что ртуть в нем упала почти до нуля... мы вы-

ходили из верхних слоев атмосферы...

Нестерпимое желание увидеть, наконец, собственными глазами никем не виданную картину межпланетного пространства, оторвало меня от спектроскопа, в котором солнечный спектр вырисовывался теперь с необычайной яркостью и силой, и потянуло к иллюминатору. Я стал смотреть...

Я знаю теперь, что никакое описание не может дать даже приблизительного понятия о том зрелище, которое раскрылось передо мною и которое мне даже трудно вызвать в памяти, закрыв глаза. Нет в человеческой речи таких слов и выражений, чтобы передать подавляющее величие межпланетного пространства, и тот неизреченный ужас, который вызывает оно в бедной и слабой душе человеческой...

Передо мною была неизмеримая черная бездна, о невероятной глубине которой давало представление бесчисленное множество ярких точек, сверкавших в не постижимой отдаленности.

Это—были звезды. Но не те милые, мягко и ласково мигающие на нашем голубом небе звезды, а какие-то страшные, раскаленные искры. Они не имели здесь того лучистого диска, который придает им земная атмосфера, а казались, действительно, точками, но точками, в каждой из которых сосредоточена световая энергия, невыносимая для глаза.

Они были всевозможных цветов: белые, синие, желтые, красные, и не-

Снаряд рванулся... Сотрясение было ужасно. Крейсера качались на волнах, точно лодки...

казались отнесенными на одинаковое расстояние: иллюзия небесного купола здесь отсутствовала, и простым глазом чувствовалась неодинаковая отдаленность звезд: пять звезд Большой Медведицы, которую я с трудом отыскал, представлялись почти на одинаковом расстоянии, но две другие казались отодвинутыми от них на невероятную глубину; от этой глубины захватывало дыхание, холоделов груди... А еще дальше за ними вырисовывалось туманное скопление — огромная масса Млечного Пути, которая подобно глыбообразной змее извивалась на самом дне этой невероятной бездны.

И вдруг я увидел Луну. Она медленно выплыла из-за рамки иллюминатора и заняла почти все поле моего зрения. Она была еще в начале первой четверти, и край ее, освещенный Солнцем, был так нестерпимо ярок, что я в первый момент должен был зажмурить глаза. Остальная часть ее, озаренная сравнительно слабым, отраженным от Земли, так называемым «пепельным» светом, была все же отчетливо видима, со всеми ее неровностями, кратерами и «морями», подобно селенографической карте.

Но все же она не давала спокойного впечатления карты: даже на этом расстоянии невооруженному глазу представлялась с удивительной отчетливостью страшная хаотичность нагромождения этих, застывших в мертвенном покое, скалистых обломков. Это был явно мертвый мир, и зрелище его так ясно говорило об этом, что душа у меня тягостно запыла, как от присутствия покойника. Это был космический труп, повисший над бездонной пропастью, и вид его нестерпимо давил мои нервы, как картина безнадежного конца всего живого.

Я так был расстроен зрелищем этого страшного мертведа, появившегося в поле иллюминатора, что даже не пытался отдать себе отчет в причинах этого явления. Мои мысли были, наконец, привлечены к этому восклицанием Мари, относившимся к исчезновению солнечного спектра из

поля зрения инструмента, с которым она работала.

— Ведь это значит, что снаряд поворачивается, изменяет курс,—проговорила она, обращаясь, очевидно, к себе самой. И тотчас же во мне мелькнула мысль:—Что же делает профессор? Продолжает ли управлять ракетой?

Но раз вернувшись к непосредственно окружавшей меня обстановке, я был поражен ее необычностью: прежде всего я убедился, что нахожусь перед иллюминатором, расположенным у самого потолка камеры, и что ноги мои не касаются вовсе пола... я висел в воздухе; я даже не заметил, как именно это произошло.

Между тем это было совершенно естественное и необходимое явление: пока снаряд летел еще в атмосфере, даже в самых верхних разряженных ее слоях, опираясь на нее своими крылообразными поддерживающими поверхностями, — все в камере происходило так же, как на обыкновенном аэроплане; все предметы, и я в том числе, сохраняли свой нормальный вес, и только все пульсирующее ускорение создавало силу, толкавшую к задней стене камеры. Но, выйдя за пределы атмосферы, снаряд летел уже по инерции и все предметы в нем потеряли вес.

Это было естественно, но страшно неудобно, вследствие полной непривычки организма к такого рода условиям. Нормальный вес, прижимающий нас всегда ногами к полу, исчез и заменился крайне неприятной тягой к задней стенке камеры.

Кое-как, цепляясь за окружающие предметы и двигаясь, как неизлечимый паралитик, я стал пробираться к закрытой двери средней переборки отделявшей наше помещение от передней части камеры, где были сосредоточены приводы и рычаги.

Необходимо было взглянуть, что делает там профессор и почему он допускает такое нелепое поворачивание снаряда. Ведь даже здесь, в абсолютной пустоте, можно было бы управлять движением ракеты, поворачивая небольшие рули у выходных отверстий и тем изменяя направле-

ние вытекающих из них газовых струй.

Но Мари предупредила меня. Ей, очевидно, пришли те же мысли, и она была гораздо ближе к двери, чем я.

До этого момента мои воспоминания идут довольно гладко, но дальше наступает путаница и хаос.

Мари сразу распахнула дверь, и вдруг с отчаянным воплем отлетела назад; я видел, как она пронеслась мимо меня, закрывая лицо руками, и запуталась где-то сзади, между ножками и постаментом прибора.

Из открытых дверей пахнуло жаром, как из плавильной печи. Широкий столб невыносимо яркого света, словно поток до-бела раскаленной стали, вырвался оттуда и залил собой большую часть заднего помещения. Все металлические, полированные и стеклянные части инструментов, на которые упали эти ужасные лучи, словно вспыхнули, отражая их по всем направлениям, и сами точно обратились в какие-то ярко сверкающие раскаленные груды. Все кругом точно запылало, испуская ослепительный свет и удушливую жару.

Все это произошло так мгновенно, что я ничего не успел ни сделать, ни сообразить, а лишь инстинктивно закрыл лицо руками, спасаясь от этого дьявольского наводнения.

На мое счастье, поток лучей из двери не задел меня непосредственно; я остался в теневой части помещения и подвергся лишь действию лучей, отраженных окружающими предметами. Это спасло меня и дало мне возможность понемногу осознать положение.

Страшное явление было просто солнечным светом. В нашей земной обстановке, особенно в умеренных и высоких широтах,—Солнце—друг человека; свет его радует и приветствуется. Но уже в тропических странах, где солнечные лучи, пронизывая атмосферу, сравнительно меньше ею задерживаются, свет его угнетает и ослепляет; от него стараются укрыться; иногда он даже поражает насмерть солнечным ударом.

Но здесь—в пустоте межпланетного пространства—ничем не задерживае-

Командир аэроплана осветил скорчившуюся человеческую фигуру, с диким ужасом смотревшую на вошедших...

мый солнечный свет является чем-то неопишимо ужасным. Я почти не могу передать тех ощущений, которые мне пришлось испытать, когда я, придя, наконец, немного в себя, стал осторожно, ползком подбираться к двери. Я не собирался проникнуть в переднее отделение: управлять рычагами в этой раскаленной печи—ничего было и думать; спасти профессора, вытащить его в наше заднее отделение—тоже невозможно. Да он в этом, конечно, уже не нуждался: он, как раньше постоянно это говорил, «сорвал покрывало Изиды с лица богини», и гневный взгляд ее ужасных огненных глаз обжег, ослепил и убил его на месте. Нет, мне хотелось только захлопнуть эту дверь, чтобы не задохнуться и не сгореть в быстро нагревавшемся воздухе нашего помещения.

Я подполз к двери и здесь, закрыв голову куском черного полотна, снятого с одного из оптических приборов, я взглянул... Этого, конечно, не следовало бы делать; но я не мог утерпеть: раз уж покрывало Изиды снято, то как же не взглянуть хоть исподтишка на лицо богини? И я увидел...

Еще задолго до появления в иллюминаторе самого солнечного диска, я мог почти безопасно любоваться его

великолепной короной. С Земли ее можно наблюдать только при полном солнечном затмении; но здесь она захватывала широкие полосы неба в обе стороны от диска, простираясь на черном фоне в виде яркого зеленого ореола.

Но постепенно несравненный цвет нефрита стал поглощаться красным отблеском протуберанцев, а за ними явился диск Солнца.

Как оно выглядело?.. Мне показалось, что какая-то невероятно сильная рука схватила меня за шею и сразу погрузила мою голову в море расплавленной стали... вот, как оно выглядело, и лучше описать его я не умею.

Оглушенный, опаленный, несмотря на защиту черного каленкора, я едва имел силы захлопнуть страшную дверь, показавшуюся мне адовой пастью, и, обессиленный, отдался влиянию ускорения, которое понесло меня к задней стенке камеры.

А снаряд продолжал нестись в пространстве, никем не управляемый, и развивал все большую скорость, пока горел еще состав, сохранившийся в ракетном цилиндре.

Долго ли это продолжалось? Не знаю, не помню... Я уцепился за какой-то штатив, и это позволило мне, несмотря на потерю веса и силу ускорения, удержаться на полу около проделанного в нем иллюминатора. Но я в него ничего не увидел, кроме блестящего голубоватого тумана: это была земная атмосфера, отражавшая солнечные лучи, которые препятствовали взгляду проникать в глубину. Я не мог из-за них видеть земную поверхность, совершенно так же, как не видит дно озера человек, стоящий на берегу его.

Уже несколько раз прежде и с особой ясностью теперь, когда я лежал без сил у нижнего иллюминатора, приходили мне на ум фантастические рассказы о межпланетных путешествиях, читанные мною раньше. Как далеки были их авторы от действительности! Мне вспомнились знаменитые Барбикен, Николь и Мишель Ардан ¹⁾, летящие в ядре на Луну и

большую часть времени занимающиеся едой, питьем и сном; а когда они не ели и не спали, а выглядывали в иллюминаторы, мимо них проносились болиды и кометы, чтобы им не было скучно. Земля поворачивала к ним то одно, то другое полушарие, а Солнце мирно согревало и освещало их ядро. Повидимому, ни одному из таких авторов не приходило даже в голову, какой тяжелой, беспредметный ужас вызывает в душе человеческой вид этой бездонной черной бездны! А Солнце?! Одно его существование делает все эти фантастические путешествия на другие планеты совершенно невысказанным. Я оказался лишь на пороге этой неизмеримой беспредельности, и одного взгляда в глубину ее было достаточно, чтобы наполнить душу неизреченным ужасом.

От этих смутных мыслей, или вернее полузабытия, отвлек меня гневный возглас Мари, попрежнему лежавшей около постаментов с закрытым руками лицом:

— Да пойдите же, наконец, туда! Разве вы не чувствуете, что мы падаем!? Умерли вы, что ли!

Я опять вернулся к окружающей действительности и сейчас же ощутил в ней резкую перемену: в помещении царствовала полная тишина; шипящий звук горения ракетного заряда, который был слышен даже в пустоте, передаваемый металлическими частями и стенками камеры, теперь совершенно прекратился: заряд выгорел до конца. Вместе с этим исчезла и сила, обусловливаемая ускорением: меня уже не влекло к задней стене. Но явственнее всего я ощутил восстановление моего нормального веса, связанное с огромным улучшением физического самочувствия. Это означало, что ракета возвратилась в верхние слои атмосферы, и теперь плавно спускается на своих поддерживающих поверхностях, как аэроплан.

Вместе с тем это означало наступление величайшей опасности. Оставаться в такой момент снаряд без управления означало идти к верной гибели. Спасительный инстинкт самосохранения поднял меня на ноги

¹⁾ Из известного романа Жюль-Верна.

и погнался к двери в переднее отделение; я осторожно приоткрыл ее и заглянул.

В камере царил ужасная жара; свет врвался в ее большие иллюминаторы все еще ослепительный и жгучий, но что-то в нем теперь изменилось: это не был уже убийственный взгляд египетского Ра или смертоносная стрела Ваала; тонкое «покрывало Изиды» уже распростерлось на лик разгневанного бога. Наша милая земная атмосфера, хотя тонким еще слоем, но все же прикрывала Солнце и успевала поглощать те смертоносные лавовые лучи его, которые в пустоте распространялись беспрепятственно. Теперь это был просто солнечный свет, необычайно яркий и жгучий, но не поток расплавленной стали, прожигающей до костей.

Первое, что я увидел, был труп профессора. Страшной, бесформенной, раздутой массой лежал он около рычагов, раскинув руки и обратив вверх почерневшее, как уголь, лицо с огромными бельмами лопнувших глаз.

Я никогда не симпатизировал этому человеку и никогда он не казался мне красивым или изящным; но то, во что превратился он теперь,—превосходило всякое описание: это было не лицо человеческое, а подгоревшее в духовой печи печеное яблоко, с треснувшей кожицей и вытекшим содержимым. Мне не хотелось бы, чтобы бедная Мари увидела его!

Но я не имел времени рассматривать. Один взгляд, брошенный в передний иллюминатор, показал мне, что ракета летит вниз по крутой линии, а там, под нею, на огромной еще глубине, расстилается безграничная сверкающая поверхность—море. Я бросился к рычагам и несколькими поворотами мне удалось выровнять полет снаряда и придать ему менее наклонное направление. Это была трудная задача; даже опытный пилот едва ли справился бы с ней; нам просто благоприятствовало слепое счастье, иначе снаряд, давно уже лишенный управления, должен был бы уже перекувырнуться. Может быть

Передо мною была неизмеримая черная бездна... Луна заняла почти все поле иллюминатора...

делу помогли бы громадные гидроскопы, своим быстрым вращением препятствовавшие резким поворотам, но теперь они бездействовали, и всю надежду приходилось возлагать на управление рулями и опорными поверхностями.

Я переводил то один рычаг, то другой, и снаряд описывал какие-то дикие петли; то он летел почти вертикально вниз, то снова немного выправлялся. Несколько раз гибель казалось мне неизбежной... но не наступала. И все же мы все время неудержимо падали. Наконец, наступил страшный момент... В передний иллюминатор я увидел под нами море в виде сверкающей голубой чаши, показавшейся мне огромной отверстой хищной пастью, готовой поглотить нас. Каждая минута промедления могла привести к катастрофе. С решимостью отчаяния я изо всей силы налег на рычаг механизма, автоматически отделяющего камеру от ракеты...

Последовало страшное сотрясение, сразу опрокинувшее меня на пол, но, уже падал, я все же успел заметить, как огромная масса ракеты, словно вырвавшись у меня из под ног, стремительно ринулась куда-то вперед.

Почти сейчас же я поднялся на колени и, ухватившись за бесполезные теперь рычаги, стал смотреть в иллюминатор. Камера неистово раскачивалась из стороны в сторону, но все же я увидел в огромном отдалении еще летевшую по инерции ра-

кету, казавшуюся маленькой стрекозой с продолговатым телом и раскинутыми крыльями. В течение нескольких секунд я наблюдал ее полет в почти горизонтальном направлении, после чего она, сделав вдруг резкий поворот вниз, нырнула в море, выбросив вверх огромный столб воды и пены.

А камера, в которой я находился, сравнительно медленно и спокойно опускалась вниз. Громадный автоматический парашют великолепно исполнял свое назначение. Сверкающая голубоватая пелена, казалось, неслась снизу вверх нам навстречу.

Я закрыл глаза... Оглушительный шум и плеск раздался со всех сторон, и я опять очутился на полу, рядом с ужасным трупом профессора. Никаких серьезных повреждений я не получил и без труда поднялся на ноги. Теперь я мог спокойно осмотреться: путешествие в межпланетное пространство было закончено...

Передний иллюминатор был наполнен погружен в воду и сквозь него вырисовывались какие-то массы перепутанных зеленых стеблей. Боковые иллюминаторы были вровень с поверхностью воды и из них открывался узкий горизонт моря, сплошь покрытого ковром водорослей. Пол камеры имел небольшой уклон к передней части, не затруднявший, впрочем, хождения по нему. Я перешел в заднее помещение и по железной лесенке легко добрался до люка в крыше камеры. Отвинтить его, благодаря тщательной и остроумной конструкции затвора, было делом одной минуты и я очутился на крыше камеры среди яркого и радостного солнечного света, в изобилии лившегося с чистого голубого неба. Мои легкие с наслаждением вдыхали вольную земную атмосферу, пропитанную терпким запахом моря. Я снова был на Земле!

Я взглянул на часы; они показали 4 ч. 42 мин. Таким образом, полет наш продолжался, не более получаса вместо двух часов, определенных предварительными вычислениями; они оказались, следовательно, очень ошибочными. И, тем не менее, мы про-

летели огромное расстояние, отделяющее берег Франции от Саргассова моря; что это было именно оно—я понял сразу, по одному виду необозримого ковра водорослей, окружавшего нас со всех сторон. Кроме того об этом же можно было заключить по положению солнца на небе: оно стояло очень высоко, почти в зените, что, в соответствии с временем года, указывало на близость к тропику Рака. Вместе с этим, его положение позволяло определить местное время, а, следовательно, и долготу; ракета полетела приблизительно в четыре часа по парижскому времени, а опустилась около полудня по местному времени: опустилась раньше, чем полетела! Опередила время! Она летела быстрее, чем движется Солнце по небесному своду. Если бы она продолжала таким же образом свой полет и возвратилась в Париж с восточной стороны, то нам—ее пассажирам, показалось бы, что свод небесный вращается в обратную сторону и что мы возвратились утром того же дня, хотя полетели вечером.

Я достал инструменты и точно определил наше положение; оно оказалось: 34°25' сев. широты и 55°10' зап. долготы. Нанеся этот пункт на карту, я убедился лишь в том, что знал уже раньше: камера упала, действительно, в области Саргассова моря и притом почти на самой его середине.

Открытие это сразу наполнило мою душу беспросветным отчаянием: наше положение было совершенно безнадежное и рассчитывать на помощь извне было невозможно: никому не может прийти в голову искать нас здесь, совершенно в стороне от намеченного направления; да и искать маленькую камеру, затерянную в этих водорослях, как иголка в стоге сена, было бы заведомо бесплодным занятием. Нас, конечно, и не станут искать; нас просто сочтут погибшими в океане; так оно и есть в действительности: мы несомненно погибли!

Я устал писать... Как глупо, что я описал все путешествие за один раз; можно было растянуть это на три дня и более; можно описать все подробнее... А, впрочем, что мог бы я

прибавить? Разве можно передать словами гнетущий ужас межпланетной бездны? А Луна—этог космический мертвец, и это ужасное ядовитое Солнце,—разве их можно описать тому, кто их не видал? И притом, не все ли равно? Что написал, то написал! Кто это сказал? Пилат, кажется? А ну его к чорту!..

17 июля. Мари несомненно умирает. Я останусь один... один, среди этой ужасной пустыни, среди этих гнусных водорослей и гнусных тварей, которые в них копошатся. Случится именно то, чего я больше всего боюсь!

Но я буду писать. Это отвлекает от ужасной действительности. Вчера я делых четыре часа писал и не взглянул на несчастную Мари, не слышал кажется даже стонов, которые у нее вырываются, несмотря на все усилия сдерживаться. Вот она сидит теперь на койке и проводит ослабевшей рукой по волосам; и волосы остаются на руке—выпадают целыми пучками; скоро ничего уж не останется. Она сидит опустив голову, и глазная повязка закрывает все ее лицо. И все-таки, пока она жива, я сохраняю какую-то нелепую надежду и это меня поддерживает. А когда она умрет, что я тогда буду делать один?!

Надо писать! Итак, по порядку...

Память как будто начинает мне изменять; что я делал сейчас после спуска? Вышел из камеры на ее крышу. Огляделся. Все понял; да, сразу все понял. Об этом я уже написал.

Потом я по лесенке опять спустился в камеру. Мари уже не лежала на полу; она сидела на койке, где и сейчас сидит, и, услышав мои шаги, заговорила; в ее голосе не было прежнего

раздражения, а только глубокая, безнадежная печаль.

— Он умер... Я знаю... Где мы находимся?

Я в кратких словах объяснил ей наше положение. С минуту она молчала.

— Значит надежды никакой... ни откуда..

Я попытался возразить, ободрить ее, но она сразу оборвала меня.

— Придется его похоронить... опустить в море. Вам придется это сделать одному; я не смогу помочь вам.

Вы видите?... Но я прошу вас подождать с этим, хотя один день... пока будет возможно...

Тут только я обратил внимание на ее странную неподвижность и заметил кусок коленкора, которым были завязаны ее глаза.

— Что с вами?

Она ничего не ответила, и я услышал только тихий плач... жалкий, безнадежный плач...

Я вспомнил, как криком закрыла она лицо, когда страшные лучи Солнца обожгли ее из неосторожно открытой двери.

Вспомнил, как она стонала после этого, лежа на полу между штативами инструментов. Вспомнил ее дальнейшую бездеятельность и отсутствие попыток проникнуть в переднее помещение, где лежал ее отец. Вспомнил все это и понял...

Она тоже взглянула на непокрытое лицо гневного божества, и этот взгляд был для нее последним. Больше она уже ничего не увидит. По крайней мере не увидит ужасный труп своего отца, и память о нем не будет для нее осквернена этими отвратительными останками.

Я не пробовал ее утешать; это было бы бесполезно и только раз-

Мари распахнула дверь и вдруг с отчаянным воплем отлетела назад, закрывая лицо руками.

дражило бы ее. Я достал из нашей аптечки несколько лекарств и, приготовив микстуру для примочки глаз и ожогов лица, поставил около нее все необходимое.

Потом я занялся осмотром наших запасов провизии и пришел к отвратительным выводам: готовясь к полету, мы отнеслись к этому делу с самым преступным легкомыслием. Возможность продолжительного пребывания в камере, без помощи извне, нам даже не приходила в голову. Из провизии оказалось налицо только несколько коробок с консервами, немного сухарей, две бутылки вина и маленький боченок воды — все это, рассчитанное лишь на первый случай. Этого могло хватить дня на три-четыре при условии крайней бережливости. Это открытие привело меня в состояние, близкое к отчаянию. Особенно — недостаток воды. Первые дни я совершенно не знал, что делать, и естественно потому ничего и не делал.

На второй день пришлось «похоронить» профессора. Труп быстро разлагался и распространял зловоние. Мари не противилась необходимости: она молчала и даже не плакала. Впрочем, не знаю; ведь, у нее глаза все время завязаны.

Задача оказалась нелегкой: труп был очень тяжел, а я совсем ослабел от голода. После долгих усилий я вытащил наконец труп через люк на крышу камеры; мне не во что было завернуть его, а в качестве груза пришлось воспользоваться тяжелым мегаллическим штативом от спектроскопа. Потом, с немалым трудом и опасностью потерять равновесие, я столкнул его в море.

Сначала он стал было погружаться, но, повидимому, груз был недостаточен, а труп — сильно раздут газами разложения. Он опустился метра на два, а затем остановился, запутавшись в водорослях. Тотчас же целая стая рыб и еще каких-то тварей бросилась на труп и стала его терзать. Мне как-то невольно вспомнилось время, когда часто, после лекций, толпа студентов, окружив профессора, также терзала его частными вопро-

сами и почти скрывала его из вида своим беспокойным кольцом. И теперь повторялось нечто подобное в ужасающей и отвратительной каррикатуре.

Я был почти рад в этот момент, что Мари слепа. Она тоже выбралась с огромным трудом на крышу камеры и стояла возле меня на коленях, протянув руки к морю... О! если бы она видела..

Что происходило в продолжение последующих трех дней — трудно описать; я почти ничего не ел и не пил, стараясь сохранить нашу жалкую провизию для бедной Мари; но она, повидимому, догадалась, и тоже почти ничего не ест и не пьет. Но вода необходима ей для примочек; она, видимо, сильно страдает от их недостаточности.

Но на четвертый день судьба сжалась над нами: после шквала, едва не потопившего нашу камеру, пошел сильный дождь, продолжавшийся около получаса. Это редкое здесь явление дало мне возможность собрать большой запас воды; для этой цели мне пришлось пожертвовать сосудами, заключавшими в себе пробы воздуха из верхних слоев атмосферы. Это было серьезной потерей для науки... что за вздор я написал! Разве не все, что мы сделали, потеряно для науки? Разве все эти материалы не пойдут на дно?!

20 июля. Я остался один... И так страшно, так безумно страшно мне, в этом унылом, угрюмом одиночестве...

Только небо и море кругом, и эта камера, каждый предмет которой так безнадежно знаком, так невыносимо опротивел...

Мари умерла вчера утром. Я даже не видел ее последних минут: невыносимая усталость и истощение сил погрузили меня в тяжелый сон, когда я сидел около ее койки... а когда я проснулся...

Она совсем переменялась за последние дни; стала трусливой и жалкой. Ей так не хотелось умирать! Даже в этой ужасной обстановке, среди жестоких страданий, она все еще хотела на что-то надеяться, искать какого-то спасения.

Но жизнь ее утекала с часу на час. Страшные прямые лучи солнца, облившие ее всю с головы до ног, не только выжгли ей глаза и опалили кожу лица и головы, но отравили весь ее организм до самой глубины.

Мне приходилось читать, что солнечные ванны излечивают даже внутренние болезни. Но до дна воздушного океана достигают только лучи, благодетельные для живой протоплазмы; атмосфера задерживает даже в тонком слое лучи с малой длиной волны — Рентгеновские, Милликэновские и ультрафиолетовые. Присутствие их делает солнечные лучи в пустоте межпланетного пространства сходными с излучениями радия; подобно последним, они причиняют жестокие внутренние ожоги. От этих ожогов и погибла бедная Мари, как погибли многие исследовате-

ли при первых опытах с радием. У нее сошла сначала кожа на лице, потом целыми прядями стали выпадать волосы, и, наконец,

Это была отвратительнейшая из всех морских тварей, — спрут или осминог...

началось общее разложение тканей организма, вызывающее неопишьюемые страдания. Глядя на них, я много раз чувствовал искушение применить хлороформ и сразу избавиться ее от этой адской муки: ведь она на моих глазах заживо горела на медленном огне... Но она так боялась смерти! Так хотела жить, несмотря на невыносимые страдания!

И вот теперь она мертва. И все кругом мертво. Я никогда уже не услышу человеческого голоса. А за последние дни она много говорила, совершенно переменяла свое обращение со мной. Вспоминала прошлое, когда мы еще были женихом

и известой, когда еще не появился этот негодяй Лаваред. Хорошо ему теперь! Он между людьми, на твердой земле... и, конечно, радуется, что порвал во время с этой нелепой затеей. Она просила не выбрасывать ее после смерти в море. Разве я могу ее выбросить!? Видеть, как ее будут рвать рыбы?!

21 июля. Сегодня на крышу камеры вполз краб; я схватил его и съел сырым, почти живьем. Ах, он был такой маленький! Но все же это ничтожное питание оживило меня, подняло мои силы, Я стал обдумывать вопрос о пище: уже несколько дней я питаюсь только водорослями; меня тошнит от этой мерзости. Почему бы мне не попробовать ловить рыбу?

Я сделал крючок из проволоки и привязал его к тонкой, но крепкой бичевке; необходимо было нацепить на него приманку. Я долго колебался, не мог решиться; это казалось мне кощунством... было неприятно до кошмара... И все же я сделал это: отрезал маленький кусочек мяса... и спустил крючок в воду.

Но тут случилось нечто необычайное: рыбки, до того спокойно плававшие около камеры, вдруг стремительно исчезли, и из заросли водорослей выплыло что-то большое... какой-то дурацкий колпак, но жпвой, двигающийся. Он подплыл совсем близко и вдруг вытянулся, развернулся, как огромный клубок разъяренных змей. Это была отвратительнейшая из всех морских тварей, и хотя я увидел ее в первый раз в жизни, но сейчас же узнал: это был спрут или осминог — головоногий моллюск, страшный по своей силе и свирепости. Но в этот момент я даже не подумал об опасности: самый вид этой твари заключал в себе что-то невыносимое для глаз, что-то возбуждающее леденящую дрожь и панический ужас. Я опрометью бросился в люк и свалился на пол камеры. Омерзительные, жестокие рыбы глаза гадины стояли передо мною, навек запечатлевшись в памяти, хотя я видел их всего одно мгновение.

Я тщательно запер отверстие люка, боясь, что громадные, змеоб-

разные щупальцы чудовища проникнут в камеру. Я весь дрожал от ужаса и отвращения.

23 июля. Я не смею больше выходить на крышу: я чувствую, что гадина стережет меня, что она считает меня своей неотъемлемой добычей. Я два дня ничего не ел, даже водорослей; слабость порождает кошмары. Камера наполнена тяжелым зловонием разлагающегося трупа, а я не смею даже приоткрыть люк, чтобы освежить воздух.

Несколько дней позже. Какое сегодня число? Я потерял счет этим лунным ночам. Я еще что-то потерял... не знаю, что именно, но что-то во мне оборвалось.

Еще позже. Я перечитываю свои записки и все это кажется мне таким странным... Разве Луна умерла? Отчего же она теперь так ярко светит по ночам? Все у меня в голове как-то путается... я помню, что очень голодал, пока не нашел в камере много мяса. Раньше я почему-то не видел его; или это было что-то другое? Мне почему-то стыдно и страшно есть это мясо: оно мне что-то напоминает. Раньше я, кажется, знал, а теперь не помню...

На другой день. Что за ужасный шум вокруг меня? Камера качается и огромные волны перекатываются через крышу. Это, вероятно, спрут там снаружи разбушевался: его раздражает, что я не выхожу из люка. Пусть бесится! А люк я не открою и мяса ему не дам!..

Много дней спустя. Как тихо стало вокруг меня! И как страшно! Сколько времени я здесь нахожусь? Я не знаю, забыл... вероятно, очень долго: я поседел и стал стариком...

В тот же день, позднее. Какая-то огромная птица реет высоко в воздухе над моей камерой. Я боюсь ее... очень боюсь... Или это не птица, а что-то другое? Это, конечно, птица, огромная, страшная, хищная птица... Она чует мясо и хочет отнять его у меня!... не отдам!

На этом кончалась рукопись.

Рассказ В. В. РЮМИНА

Иллюстрации А. УШИНА

Мое знакомство с охотником за бабочками, Альбертом Грау.

Летом исторического 1914 года я был командирован по службе в Мюнхен.

Жара там стояла изрядная, а пиво было прекрасное, и не мудрено, что, покончив с дневной работой, вечерами я заглядывал то в один, то в другой пивной погребок, а их в Мюнхене много. В этих экскурсиях мне зачастую сопутствовал один мой тамошний знакомый, инженер Вилли Грунт, знавший чуть ли не всех жителей города, так или иначе выдававшихся из толпы. Как-то сидели мы с ним в знаменитом погребе королевской пивоварни, вмещающем не помню уже какое именно, но какое-то поражающее число посетителей.

— Знаете ли вы, русский коллега, (так обычно называл меня Грунт), — что у нас в Мюнхене сейчас гостит самый наиболее богатый человек в мире, перед которым все эти Ротшильды и Вандербильты только-только что не нищие?

И Грунт указал мне на высокого загорелого блондина, что сидел боком к нам за третьим столиком справа.

— По его внешности этого не видно. Костюм не из модных и не слишком свеж, лицо усталое и озабоченное. Я бы скорее сказал, что он производит впечатление человека, ближе знакомого с бедностью, чем с богатством.

— А между тем Альберт Грау богатейший человек из всех, когда-либо живших на свете.

— Его профессия?

— Он, собственно говоря, охотник за бабочками, путешественник-энтомолог, но числится чем-то при каком-то из зоологических музеев Германии, в которой, впрочем, бывает только наездом. Обычное же его пребывание где-нибудь в болотах центральной Африки, на гребне Кордильер или в скрубберах Австралии. Хотите с ним познакомиться? Мы приятели, были когда-то вместе в школе в Бреславле. Я сейчас его к вам приведу.

В архимиллионерство моего нового знакомого я не очень-то поверил, но его профессия меня заинтересовала. Инженер по диплому, я в то же время дилетант естествовед, в частности немного энтомолог. Поговорить о насекомых со специалистом было заманчиво. Узнав, что я не чужд энтомологии, Грау оживился и стал меня спрашивать о бабочках Уссурийского края, в котором я прожил в юности около двух лет. Край этот в фаунистическом отношении, действительно, весьма интересен и до сих пор сравнительно мало изучен. Вилли Грунту скоро наскучило нас слушать, и он, захватив свою кружку, отключивал в компанию каких-то тирольцев, среди которых у него тоже, видимо, нашлись приятели.

Удовлетворив любознательность Грау, я, в свою очередь, попросил его поделиться со мною своими переживаниями охотника за бабочками, упомянув, что в его лице впервые сталкиваюсь с одним из них.

— Да, нас не много, — охотно ответил он. — Это дело требует не только некоторых познаний в энтомологии, но чего-то вроде призвания. Охота опасна не меньше, чем на крупного зверя. Многие виды бабочек, жуков и других насекомых держатся в местах, изобилующих ядовитыми змеями и хищными животными. Да и самый климат с его убийственными лихорадками, зноем и избыточной влажностью или, наоборот, нестерпимо сухой, — не способствует долголетию собирателей тропических насекомых.

— А туземцы? — спросил я.

В большинстве случаев дикари даже самых свирепых племен нас не трогают. Они, — улыбнулся рассказчик, — смотрят на нас, как на душевно-больных, а сумасшедшие у них неприкосновенны. Да и в самом деле, чем-то ненормальным должно казаться этим узко-практическим, недалеко ушедшим от животных людям, что взрослый человек целыми часами гоняется за каким-нибудь мотыльком, пренебрегая съедобной дичью. Кроме того, я лично никогда не хожу среди дикарей открыто вооруженным. Представьте, они очень ценят это доверие к ним.

— В материальном отношении ваша профессия хорошо оплачивается?

— Крупные фирмы, торгующие коллекциями насекомых, платят нам недурно. Я работаю преимущественно для известной дрезденской фирмы Штандфус и Ван-Баас и зарабатываю много больше, чем если бы оставался в военной службе.

— Вы офицер?

— Да, ротмистр резерва. Наша семья традиционно военная, и пока был жив отец, я и помыслить не смел отдаться своему призванию. Когда он скончался, я снял мундир и теперь надеваю его только в дни учебных сборов, если, конечно, не нахожусь в это время где-либо у подножья Гималаев или на берегах Амазонки.

— Но мой приятель отрекомендовал вас доктором зоологии...

— Да, *honoris causa*, — почетный. Эту степень дал мне Лейпцигский университет за кое-какие мои работы в области энтомологии. В частности мною открыты некоторые новые виды и изучены причины изоморфизма африканских бражников. Я по натуре, впрочем, более авантюрист, бродяга, искатель приключений, а не кабинетный ученый. Быть военным во время войны я понимаю, а в мирное время — это скучно. Опасность быть съеденным крокодилом или зажаренным каннибалами, это я опять-таки понимаю, а риск угодить на сутки под арест или получить разнос от полковника... Да, ну его совсем!

Он улыбнулся, махнув рукой.

— А это правда, — немного стесняясь, спросил я, — что в свое последнее путешествие вы открыли какой-то клад или нечто в этом роде, как намекал мне наш общий приятель, Грунт?

— Ах, он болтун этакий! — слегка нахмурился Грау. А, ведь, как клялся, что моя тайна умрет вместе с ним. Ну, уж раз она нарушена, я в благодарность за ваши интересные сведения об Уссурийском крае, расскажу вам это самое замечательное из всех моих приключений. А у меня их, сказать без ложной скромности, было не мало.

Мы потребовали еще по кружке пива, и, подсев ко мне ближе, он начал, несколько понизив голос, свой рассказ.

Рассказ Альберта Грау.

— Издали все горы кажутся голубыми, но в стране Каррисов, в Каррислэнде, как зовут ее англичане, есть действительно совершенно голубая гора. Европейцы о ней не знают, на картах Каррислэнда она не отмечена. Каррисы, они, впрочем, называют себя «мхатами», т. е. просто людьми, апатичное и недалекое племя. Не постигаю, как-бы они жили, не будь у них собак. Не могу даже сказать, их ли предки праручили этих полезных животных, или собаки из жалости к людям поселились совме-

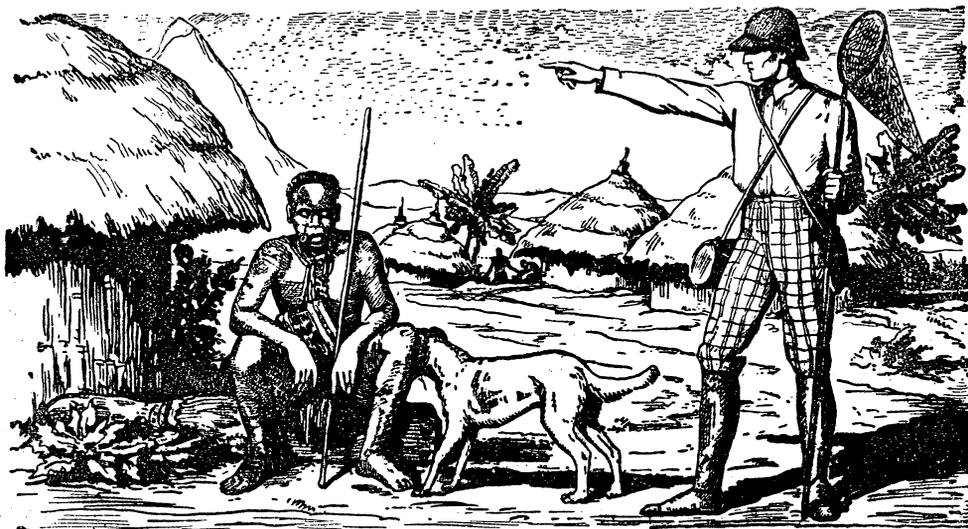
стно с ними. Каррисы не даром зовут собаку — «мгхави», что значит — «более, чем человек». Только живя среди них я вполне оценил мудрость древнеиндусского изречения: «умом собаки держится мир». Одно несомненно, что умные собаки каррисов заботятся о прокорме своих господ. С утра разбегаются они из селения по окрестным лесам, и к вечеру возвращаются домой с пойманным кроликом, крысой или водящейся там в изобилии крупной птицей из породы куриных. Не знаю ее названия, Каррисы зовут ее «мгхнашта», — «птица, которую едят», хотя я не могу себе представить ка-

могли понимать друг друга. Одним из моих первых вопросов, обращенных к старому вождю племени, в хижине которого я жил, был вопрос о голубой горе. Меня удивил ее цвет и таинственный блеск на ее вершине в часы восхода и заката солнца. Снега там быть не могло, она для этого была слишком низка.

— Что это за гора? — спросил я у дикаря.

— «Псао» — «смотри», — отвечал он.

Смотрел я на нее и так с утра до ночи, так как ее нельзя было не видеть, живя недалеко от ее подножья. Вообразите колоссальную сахарную

— Что это за гора? — спросил я у дикаря.

кую птицу, зверя или гада не стали бы есть эти несчастные дикари. Свою добычу собаки складывают у ног хозяев, а затем, усевшись на задние лапы, виляют хвостом и ждут, когда на их долю достанется внутренности и кости. Возможно, впрочем, что они проделывают это только из вежливости, насыщаясь более основательно во время своих дневных скитаний.

Хотя язык каррисов и не из легких, но я довольно скоро овладел их речью. Число слов у них не велико, сообразно ограниченности их понятий, я же хорошо знаю язык банту, который так же распространен в Африке, как английский в Европе. Словом, мы

голову, завернутую в светло-синюю плотную бумагу, и вы получите полное представление о том, какою казалась гора из селения. Завзятый альпинист, быть может, отказался бы признать ее горою, а назвал бы просто высоким холмом.

— Что там? — спросил я вновь.

— Ничего.

— Мгхатами ходят на гору?

— Зачем? Там ничего нет, — лениво проговорил вождь.

Я понял, что под словом «ничего» он подразумевал «ничего, годного в пищу»...

— Никто никогда не всходил на нее?

— Деды наших дедов ходили. Пришли назад, сказали «ничего нет»... зачем ходить? Ходить по горам трудно.

Добрые каррисы, надо отдать им справедливость, очень берегли свои силы. Не корми их собаки и не работай за них их жены, затрудняюсь сказать, до чего бы довела их эта, с точки зрения европейца, излишняя экономия сил. Кажется, если бы они и узнали, что на горе есть нечто для них интересное, они послали бы за ним своих собак или жен. Вернее жен, для собак гора слишком крута. Я тогда же решил, что при первой возможности взберусь на вершину конуса.

Но исполнить задуманное я смог не скоро. Мое прямое дело не оставляло времени для посторонних экскурсий. Только перед началом сезона дождей, когда охота за насекомыми стала делаться все менее и менее добычливой, а срок моего пребывания среди мхгхатамов близился к концу, собрался я, наконец, в эту экспедицию.

К тому времени я уже успел добыть свыше двух тысяч красивых зеленовато-голубых крупных жуков из рода *Calos ma*, которыми славится Каррислэнд, и наловил не мало редких бабочек, так что с сознанием исполненного долга мог ожидать возвращения Али Магомета, моего проводника, суданского негра, который обещал вернуться за мною раньше, чем начнутся дожди.

Я запасся импровизованным альпенштоком—прочной длинной палкой, с заостренным и обугленным на костре концом, веревкой, свитой жемами каррисов из волокон лианы, небольшим количеством скудной пищи и манеркой, наполненной теплой, пахнущей гнилью водой,—другой не было в селении. Мое снаряжение дополняли: карманный американский нож, вернее целая коллекция всяческих инструментов в одном черенке, и неизбежная у энтомолога сетка для бабочек.

Гора, до которой я считал менее километра, оказалась отстоящей довольно далеко от селения. Ее голубой, вернее светло-синий, конус все рос и рос по мере того, как я к ней приближался. Через полчаса, когда я

подошел к самому ее подножью, она заслонила половину горизонта и ее вершина казалась уходящей в небо. Где-нибудь в Альпах Голубая гора была бы едва заметным бугром, но, расположенная среди ровной долины, одиноко стоящая, не дающая возможности сравнить свою высоту с высотой других гор, она производила внушительное впечатление. Я не геолог, но и меня не могла не поразить эта величественная синяя масса, повидимому, лишенная всякой растительности, такая правильная по форме, такая одинокая среди окрестных лесов, так не соответствующая остальному пейзажу.

Словно из глубочайших недр земли какая-то неведомая сила выдвинула этот громадный синий конус первобытных пород. Это была золотоносная синяя глина, вообще говоря, не редкая в Южной Африке, но обычно залегающая значительно ниже уровня почвы. Мой интерес к горе обострился. Под жгучими лучами тропического солнца глина ссохлась до твердости камня и растрескалась тысячью щелей, бороздивших поверхность горы по всем направлениям. Вблизи гора представлялась далеко не такой гладкой и недоступной для подъема, как издали. На глаз я определил ее высоту приблизительно в полкилометра. Первые минуты путь был не труден, но, поднявшись выше, я принужден был опуститься на колени и продолжать подъем ползком. Я цеплялся пальцами за края горизонтальных трещин и подтягивался на руках вверх. Это страшно меня утомило. Было уже недалеко до вершины, когда я почувствовал, что выбился из сил. Высоко стоявшее солнце накалило поверхность горы и, казалось, прожигало меня насквозь своими лучами. Стучало в висках, сердце билось неровно и сильно.

Что таила в себе Голубая гора.

Я полз, да полз, не поднимая головы, видя только ближайšie мелкие щели в глине, и вдруг моему взору открылась пропасть, показавшаяся мне в первый момент бездонной. Подняв голову и приподнявшись на локтях,

я увидел, что достиг вершины, вернее сказать, что я дополз до верхнего края поверхности горы. Вершина, как ни была она близка от меня, оставалась мне недоступной. Осмотревшись, я понял, что лежу на вершине кратера—глиняной, опрокинутой воронке, окружающей, как скорлупой, массив самой горы. Синяя глина была только его оболочкой. Наклонная наружная стенка здесь, вверху, имела толщину не более фута. В каждый момент она могла рухнуть вниз, в темную расщелину, не шире двух метров, но глубоко-глубокую, шедшую наклонно к подножью горы, отделяя ее от равномерно отслоившейся повсюду оболочкой. Эта оболочка, утолщавшаяся книзу, где-то там, в глубине, прилежала к самой горе.

Всползши выше, чтобы можно было заглянуть в пропасть, я заметил, что недалеко от меня ее край имеет крупную выемку, как будто бы он обвалился в этом месте вниз. Добравшись сюда, я убедился, что оно так и случилось когда-то. Слой глиняной оболочкой здесь, у самого гребня обвала, был достаточно толст, и я смог, ухватившись за него руками, свесить голову в расщелину и заглянуть в ее глубину.

В эту минуту солнце ненадолго прорвало слой туч и его лучи, ставшие к этому времени уже наклонными, скользнули в темное пространство между горой и ее голубой оболочкой. Пропасть оказалась действительно глубокой, она спускалась примерно до половины горы, ниже же глина примыкала к горе вплотную. Всмотревшись внимательно вглубь расщелины, я увидел, как раз под тем местом, на котором лежал, белеющие кости скелета. Чей он был,—разобрать было нельзя. Вероятно, какое-нибудь крупное животное, а еще правдоподобнее—один из предков каррисов, добравшись до края щели, свалился в нее вместе с осыпавшейся под тяжестью его тела глиной—участь, которая, при малейшей неосторожности, грозила и мне. Выбраться из расщелины без посторонней помощи было невысказанно. Неубившемуся при падении, предстояло умирать долгой и мучительной смертью.

До сих пор я умолчал вам о главном.

Ядро горы, скрытое синей оболочкой, было сплошь золотое.

Солнечный луч, упав в расщелину, озарил боковую поверхность внутренней горы. Шероховатая снизу, усыпанная крупными октаэдрическими кристаллами золота, она, по мере возвышения, становилась все глаже и глаже, росшие на ней кристаллы мельчали и их было тем меньше, чем выше поднимался сплошной золотой конус, закапчивающийся совершенно гладкой, слегка выпуклой, отполированной дождем блестящей шапкой. Ее-то блеск при восходе и закате солнца и видел мне был из селения.

— А, может быть,—прервал я рассказчика,—гора состояла не из золота, а из пирита—сернистого колчедана, он иногда очень похож на золото.

— Это-то сомнение в первый момент возникло и у меня,—отвечал Грау.—Оттого я и решил выяснить, действительно ли она золотая. Я связал конец моей палки с палкой сетки для бабочек и пытался сбить с нее хоть один из кристаллов, покрывавших гору. Но сколько я ни делал попыток, ни одна не увенчалась успехом. Даже кристаллы, державшиеся, казалось, одной точкой, не поддавались слабым ударам обруча сетки.

Чтобы отломить кристалл от горы, надо было предварительно его подпилить. По счастью, в моем универсальном складном ноже в числе других инструментов была и стальная пила. Я отвинтил сачек с палки и, открыв нож, укрепил его веревкой за черенок на месте сетки. По началу и тут удачи мне не было: кристалл за кристаллом падали с легким звоном в бездну при одном-двух лишних движениях пилы. Будь у меня свободны обе руки, и имей я при себе достаточно длинную палку, тогда дело было бы просто! Подставил бы сачек под кристалл, который подпиливаю, и все тут. Но мне приходилось работать одной рукой, перевесившись через край расщелины, в положении крайне неудобном.

Только после долгих усилий, когда солнце, выйдя из под туч, склонялось к западу, мне удалось, наконец, достичь цели. Я подпилил один из кристаллов так удачно, что он погнулся на своем основании, но все же держался, не падая.

Тогда я опять притянул к себе палку и вторично укрепил на ней металлическое кольцо с сачком, отвязав нож и, увы, уронив его случайно в пропасть. Это была досадная потеря: универсальный нож оказывал мне разнообразные услуги во время путешествия. Зато, когда я подвел кольцо под подпиленный кристалл и слегка надавил на него, он упал на дно сетки. Через минуту я держал свою добычу в руках. Да, без сомнения, это было золото!

И вот в этот-то момент я, человек привыкший к опасностям, испытывал такой ужас, какого не переживал ни разу в жизни. Подавшись всем корпусом вверх, опираясь на непрочный слой сухой глины коленами и локтем левой руки, я ощутил, что земля оседает подо мной. Холодный пот выступил у меня, я понял, что еще секунда и она рухнет в бездну. Ах, какое это было ужасное ощущение!

По счастью, мое подсознательное «я» оказалось хладнокровнее его сознательной части. Инстинктивным движением мускулов, я ослабил давление на почву и прильнул к ней всем телом, распределив его тяжесть на возможно большую площадь. Повторяю, что в тот миг я не рассуждал, я проделал это бессознательно.

Я не шевельнулся, когда вся вышележащая часть оболочки с гулом рухнула в темные недра расщелины. Она скатывалась все ниже и ниже по блестящей поверхности золотой горы и, свалившись на дно, покрыла собою лежавшие там кости скелета.

Устал я страшно! Но отдыхать долго было нельзя. Солнце уже касалось краем горизонта, а тропические сумерки длятся недолго. Во избежание рискованной для безоружного встречи с гиенами, необходимо было добраться до дому раньше, чем наступит ночь. Как только мое сердце стало биться

ровнее, я возобновил не лишенный опасности спуск. Через долину от горы до деревни пришлось почти бежать. Добравшись до хижины, в которой я жил, не раздеваясь я бросился в гамак и уснул, как убитый.

Сверхмиллиардер.

Спал я чуть ли не сутки и проснулся вполне отдохнувшим и голодным, как волк. И только тогда, когда я удовлетворил свой аппетит, я впервые ясно понял, что могу стать таким богачем, каких еще не знал мир. А еще через день явился в деревню мой brave Али-Магомет, и мы покинули с ним страну каррисов и ее Голубую гору.

Грау умолк и задумался.

— Вы показывали кристалл специалистам?—спросил я.

— Конечно.

— Действительно:—золото?

— Золото!

Он помолчал, допил оставшееся в кружке пиво и сказал задумчиво:

— Самое курьезное, что я и сейчас еще не решил окончательно, воспользоваться ли мне своим открытием или постараться забыть о нем, счесть его грезой переутомленного тропическим зноем мозга?

— Как,—удивился я,—знать, что в таком-то месте земного шара, месте, никому кроме вас неизвестном, лежит колоссальное сокровище, и не воспользоваться им? Это уж верх бессребренности! Неужели вас не прельщает возможность стать богачем?

— Стать богачем,—медленно протянул Грау,—это, конечно, не плохо, но перспектива быть самым богатым из всех богачей мне не улыбается. Зачем мне такое чрезмерное богатство?

Я не удержался от банальной фразы: с ним можно сделать так много добра.

— Ах, не верю я в это добро за деньги! Глубоко убежден, что мое золото, вынесенное в мир, наделает в конечном счете больше зла, чем добра. Притом же подумайте о размерах Голубой горы! Если извлечь все золото, что в ней таится, оно зальет все банки и биржи мира. Зо-

Золото упадет в цене вдесятеро, вдесятеро, может быть в еще большее число раз. Что это означает? Это означает, что все покупаемое за золото соответственно вздорожает. Выкинуть такое количество золота на мировой рынок это — не только произвести катастрофу среди капиталистов, но и разорить миллионы мелких собственников и более ухудшить жизнь пролетариата. Трудно на все это решиться!

И подумайте, как легко будет добывать золото Голубой горы! Не понадобятся ни толчеи и вашгерды, ни чаны с цианистым калием. Просто будут отпиливать от горы брусья золота и грузить их в трюмы пароходов. Конечно, первоначальные затраты будут громадны. Понадобится провести железную дорогу от ближайшего порта до самого подножья горы, оборудовать прииск, зафрахтовать или купить пароходы, нанять штат служащих, издалека привезти рабочих; ведь каррисы разбегутся по лесам, если попытаться заставить их что-нибудь делать, — на все это понадобятся средства. Зато, когда дело наладится, себестоимость каррислендского золота будет ничтожной.

Мы лишим золото его теперешней роли — мерил всех других ценностей, мы обратим его в простой, технически применимый металл, как медь, как алюминий... Притом же, — кто знает, как глубоко погружено в землю основание золотого ядра Голубой горы? Да, довольно и виденного мною количества золота! Оно во много раз больше всего, находящегося в мировом обращении. Ах, это надо видеть, как видел я, чтобы понять, как там его много!

— Хорошо, — сказал я, — я понимаю, что такое чрезмерное богатство вас пугает, но отчего вам не взять из запасов Голубой горы столько, чтобы обеспечить себя на всю жизнь?

— Я никогда не был богат, — отвечал Грау, — и у меня нет стремлений к роскоши.

Мне даже кажется как-то стыдно стать богатым, когда вокруг столько нужды. Быть богачем среди бедняков не то ли же самое, что объедаться в кругу голодных? Знаете, — оживился

Я заглянул в пропасть... Ядро горы, скрытое синей оболочкой, было сплошь золотое...

он, — все это лучше устроено среди моих дикарей. Там, если голод, то голодают все, если пища в избытке, то наедаются все до отвала. Но не скажу, чтобы я не знал, что делать с деньгами, будь они у меня. Я бы сумел их истратить! Меня, например, очень привлекает возможность при их помощи посетить те уголки земного шара, в которых я еще не бывал.

— Да, это, конечно, заманчиво!

— Пожалуй, от небольшой части открытых мною сокровищ я бы не отказался. Но как ее оттуда взять?

Как сохранить тайну находки? Ведь, все же нужны средства, чтобы вновь вернуться к Голубой горе, извлечь из нее часть золота и вывезти его из Каррислэнда. Все это далеко не так просто, как может казаться. На-днях еду в Блазовиц. Это местечко под Дрезденом, где собственно находится фирма Штандфуса и Ван-Бааса. Думаю поговорить с принципалами об этом деле. Они меня давно знают и скорее поверят мне, чем незнающие меня капиталисты. Если у них найдутся свободные деньги, хотя сами они не так-то богаты, они, быть может, финансируют мое предприятие. Другого пути пока не вижу.— Вот только, — улыбнулся энтомолог, — побаиваюсь, не осветит ли меня золото, положенное в банк, больше, чем вершина Голубой горы, горевшая в лучах солнца? Боюсь, что не удержусь в благоразумных границах и в конце концов захочу стать архимиллиардером. А главное страшно, что начну считать такое желание вполне понятным. Ох! Надо всем этим надо еще крепко подумать!..

Становилось поздно, погреб пустел, пора была расставаться.

— Будете в Дрездене, заезжайте к нам, в Блазовиц.

Что случилось с Альбертом Грау.

К сожалению, воспользоваться любезным приглашением путешественника-энтомолога мне не удалось. В Дрезден я не попал, так как пришлось возвращаться в Россию кружным путем через Швейцарию. Напомню, что это было в 1914 году. Война, начавшаяся

в конце лета, затянулась на годы. За нею пришла революция и гражданская война. Грау и его Голубая гора были сметены из памяти вихрем исторических событий.

В конце 1925 г. к нам, в Донбас, на рудник, на котором я теперь служу, явился в качестве представителя какой-то немецкой фирмы мой старый мюнхенский приятель Вилли Грунт. Я и его потерял из виду за эти годы.

Но до чего же он постарел и осунулся! Куда делась его жизнерадостность и веселый смех? Это был глубокий старик, усталый и апатичный. С первых же слов разговора я узнал о причине такой перемены. Бедняга потерял сына, павшего у Суассона, а крах германских банков унес все его сбережения. Вечером, покончив с делами, Грунт сидел у меня в комнате, курил папиросу за папиросой и вспоминал Мюнхен и наших тамошних общих знакомых.

— А что тот охотник за бабочками, открывший золотую гору? Что случилось с ним?—спросил я.

— Вы говорите об Альберте Грау? Грау погиб на вашем фронте в первый же год войны. Он стал летчиком, удачно сбивал ваши аппараты, но однажды и сам был сбит и упал где-то в Пинских болотах. В списках потерь он значится без вести пропавшим. Может быть разбился при падении, может быть умер военнопленным в Сибири.

— А его Голубая гора? Скажите, Грунт, можно верить, что она действительно существует?

— Думаю, что—да. Грау даже в шутку никогда не лгал. Я знал его с детства.

— Значит, ее когда-нибудь снова откроют?

— Непременно откроют, — убежденно сказал Вилли Грунт, — и произойдет такой биржевой крах, какого мы еще не видали!..

Вот и все, что мне удалось узнать об охотнике за бабочками Альберте Грау и об открытой им в недрах Африки золотой горе.

О последней мир узнает когда-нибудь больше.

РАБЫНЯ РАДЖИ

Рассказ А. А. ИРВИНА

Иллюстрации Ф. МАТАНИА

Рошанара, девушка-танцовщица с Севера, смотрела с балкона на толпу, двигавшуюся взад и вперед.

Темные, живые глаза девушки вспыхивали веселыми огоньками под накрашенными ресницами. Золотое кольцо было продето через нежные ноздри, спускаясь почти до самых полных, алых губ. Ногти тонких рук розвели от хны, а подошвы обнаженных ног были покрыты красным лаком. На шпиколотках этих стройных ног при каждом движении позванивали бубенчики, прикрепленные к серебряным браслетам.

Рошанаре было шестнадцать лет, но она за свою жизнь видела гораздо больше, чем многие из индусских женщин. Долог был путь от гор Пенджаба до Ранатора, столицы Раджапу. Но Рошанаре это путешествие не показалось утомительным. Кругом было столько чудес: новые города, новые люди, терявшие голову от ее танцев. Это воспитательница ее, Тота, ворчала на неудобства пути. Тота была старая и гучная, и любила комфорт.

Но сама же Тота и выдумала это путешествие. Мать Рошанары тоже была танцовщица и умерла, давая Рошанаре жизнь. Отца своего она никогда не знавала. Тота, давно оставившая ремесло танцовщицы, взяла к себе ребенка. В ее искусных руках Рошанара оказалась способной ученицей.

Но Тота обладала пылким воображением и ей не давали покоя речи, частенько слышанные на базаре. Люди говорили, что где-то далеко на юге живет раджа, сказочно богатый и щедрый. Говорили, что трон его выточен из одного гигантского изумруда. Если он в золотой колеснице и ради нескольких часов развлечения выбросит целое море руший на потешную судьбу мыши с куклой.

Тота долго раздумывала над этими рассказами. Красота Рошанары становилась с каждым днем все ярче. Она изучила все танцы. Голосом, подобным нежной лютне, она могла спеть все однотонные любовные песни Севера. Нет сомнения, что ей обеспечен путь к богатству. Тота предвкушала плоды своих трудов, а Рошанара пела и плясала, не подозревая о готовившейся ей судьбе.

В результате, после долгих скитаний, Тота и ее воспитанница нашли кров в большом, ветхом доме на Мал-Базаре.

День склонялся к вечеру, и толпа под балконом становилась все гуще. Продавцы щербета и разносчики громко выкрикивали свой товар. Им вторили заклинатели и предсказатели. Раздвигая толпу, прошел караван верблюдов, нагруженных тюками и черноглазыми детишками. Сзади их на большом вороном коне ехал человек в темносиней одежде воина раджи. Со своего балкона Рошанара бомбардировала все и всех ореховой скорлупой.

Одна скорлупа ударила по носу лошади и она шарахнулась в сторону. Наездник возмущенно крикнул и одернул лошадь. Потом вдруг расхохотался, сверкая белыми зубами. Айт Синг был не только хороший наездник, но и поэт в душе.

— Ого! — воскликнул он. — Вместо ведьмы шайтана — настоящая волшебница!

Рошанара довольно улыбнулась. Ей приятны были слова этого красивого, смелого мужчины.

— Я не в тебя бросила скорлупой, — сказала она. — Прости свою рабу. — А как тебя зовут?

— Айт Синг. А тебя?

— Ты уже назвал меня волшебницей.

На обрюзгшем лице раджи появилось выражение интереса. Глаза уставились на стройную девушку...

— Я был слеп. Что за польза человеку от волшебницы! Ты ядовитый нектар-женщина!

— Конечно, женщина. Но мое имя, глупый?

— Раз ты неутомима, я сам скажу, как тебя зовут. Не Дурга ли, дочь снегов?

— Ро-ша-нара!—шепнула девушка.

— Сверкающая! Твое имя подходит к тебе.

Сидя, точно статуя, на своем беспокойном вороном коне, Аит Синг придумывал дальнейшие комплименты. Толпа не обращала внимания на па-

Рошавара начала танцевать...

рочку. Не было ничего удивительного в том, что молодой наездник любовался на красавицу-танцовщицу.

— Твое имя, действительно, подходит к тебе, — повторил он. — Лицо твое сверкает холодным светом луны.

Рошавара захлопала в ладоши. Этот наездник говорит такие прекрасные

слова. Не то, что толстый сын ростовщика в Дели.

— Аит Синг, говори еще! — Она вся насторожилась.

— Волосы твои подобны грозовой туче в апреле. Твои ножки...

— Подожди! Подожди, пока ты их увидишь... Ноги Рошавары были, мо-

жет быть, самой большой ее гордостью. Она просунула в решетку балкона маленькую, звенящую браслетами ножку.

— Настоящий бутон лотоса!

Аит вдруг замолк. На балкон выкатилась неуклюжая фигура.

— Это что такое! — пронзительно закричала Тота. — Разве есть такой закон, чтобы мы, бедные женщины, должны были вести беседу со всяким городским сбродом? — Она замахала на Аита рукой. — Иди своей дорогой! Красавица не для тебя!

Аит с притворной торжественностью отвесил поклон, потом взглянул наверх и весело засмеялся.

— Верю, верю! — воскликнул он. — Она, наверно, будет правительницей всего Индостана, а ты — ее первым министром.

— И для тебя тогда найдется местечко — мусорщика! — крикнула рассерженно Тота. — Убирайся! Если тебе нужна женщина — возьми себе жену!

— Красавица, я не находил достойной, пока не увидел тебя!

Тота хихикнула. Она сама частенько еще заглядывалась на красивых мужчин.

— Идем! — сказала она Рошанаре, уводя ее с балкона. — Убирайся! — крикнула она через плечо. — Не лишай нас, бедных женщин, чести!

— Твоя честь — травинка в лесном пожаре! — Аит Синг засмеялся и прищипнул лошадь.

В пустой комнате с выбеленными стенами Рошанара отдалась во власть Тоты. Настал час вечернего туалета танцовщицы, плетения кос и втирания ароматных масел.

Массируя нежные ноги Рошанары, Тота раздумывала. Удастся ли ее план? Оправдает ли ее питомица возлагаемые на нее надежды? И что это за странные разговоры слышала она на базаре! Будто у раджи есть черный леопард, Бийли, с которым раджа никогда не расстанется. Но Рошанара так прекрасна. Она способна укротить раджу так же, как тот укротил леопарда.

Большой праздничный зал дворца горел огнями. Тота и ее питомица сидели в группе танцовщиц и музыкантов и, как зачарованные, смотрели на представлявшееся их глазам зрелище. Несмотря на все слышанные рассказы, им не снилась такая роскошь.

Астрологи объявили день счастливым для праздника в честь посольства соседнего государства. Седоволосый правитель дворца раджи принял свои меры, чтобы послам было что порассказать на родине.

Купол огромного зала поддерживался колоннами, к которым прикреплены были фонари цветного стекла. Свет их отражался на потолке филигранного серебра. Вокруг белого мраморного пола били маленькие фонтаны, ароматная, сверкающая вода которых падала в хрустальные бассейны.

Взгляды Рошанары были прикованы к страже раджи, стоявшей в глубине зала. Среди них выделялся один, настоящий гигант! Кровь прилила к лицу Рошанары. Узнал ли он ее — ведь это, без сомнения, был Аит Синг!

Среди гостей неслышно ступали прислужники, разносившие подносы с лакомствами и чашами, наполненными вином, остуженным в садовых ручьях.

На возвышении, скрестив ноги на драгоценном ковре, сидел раджа. Рошанара с любопытством разглядывала его из своего угла.

Перед ней был человек лет сорока, с лицом жестоким и надменным, с сонным от наркотиков глазами, устало смотревшими из-под тяжелых век. Лень и чувственность были в позе этого разжиревшего тела.

— Капризный, жестокий человек, — думала Рошанара. Жизнь научила ее узнавать людей.

Она долго, не отрываясь, смотрела на драгоценности, которыми был увешен, точно идол, раджа. На парчевой одежде висели в несколько рядов нити жемчуга. На всех пальцах сверкали кольца. В бледно-зеленом тюрбане красовалась огромная бриллиантовая пряжка. Слуги плавно колыхали над

Рошанара жадно
слушала предсказателя,
но льстивые речи говорили
только о могуществе, о богатстве...

его головой веерами из павлиньих перьев.

У ног раджи, на золотой цепи, лежал Бийли, черный леопард из далеких джунглей Ассама. Раджа верил, что леопард приносит ему счастье. Фавориты появлялись и исчезали. Все они ласкали Бийли, многие завидовали ему. Леопард равнодушно смотрел на них своими желтыми, сверкающими глазами.

Празднество приходило к концу. Акробаты, фокусники, канатные плясуны исполнили свои номера. Опущенная пальцы в чашу с розовой водой, раджа отдал приказание правителю дворца. Пора было выступить танцовщицам. Под аккомпанимент систр, свирелей и барабанов вышла вперед высокая, красивая танцовщица—Рукмани. Она была любимая танцовщица раджи, но владычество ее было слыш-

ком продолжительно, и она стала небрежно относиться к своим обязанностям. В ее топоте, в хриплом голосе, доходящем до гнусавого визга, ничего не было привлекательного.

Рошанара следила за ней критическим взглядом. Нетерпение ее росло. За спиной ей шептала Тота:

— После этой коровы ты—газель!

Кончив исступленным топотом, Рукмани с поклоном отступила на свое место

Систры и свирели затянули горную мелодию.

Рошанара легкими шагами вышла вперед и запела. Тотчас же раздался шопот восхищения. Короткий серебряный лиф подчеркивал нежную округленность молодого тела. Широкая, затканная цветами шелковая юбка, — она сделала большую брешь в капиталах Тоты! — не могла скрыть грацию стройных членов.

Под звуки систр и своего нежного голоса, Рошанара начала танцевать. Сначала это были медленные движения, игра с развевающимся шарфом, отбивание ритма маленькой ножкой. Это были мечты влюбленной девушки. Она должна очаровать его! Она заставит его полюбить себя!

Зрители уже были очарованы. Эти знатоки танцев никогда еще не видели такого тонкого искусства.

На обрюзгшем лице раджи вдруг появилось выражение интереса. Глаза с жадностью уставились на стройную девушку. Это была новая, забавная игрушка.

Он кивнул седому правителю дворца. Тота вся надулась от важности. Наставал час ее торжества.

Музыка ускорила темп. Перед зрителями была женщина в экстазе разделенной любви. Даже сама учительница, Тота, раскрыла от удивления рот. Рошанара никогда еще так не танцевала. С последним треском цимбалов послышались восторженные крики гостей.

— Боги милостивы к нам, малютка! — с воодушевлением воскликнула Тота, уводя тяжело дышавшую девушку из зала. На террасе их встретил невероятно жирный человек. Это был Мохан-Назир, глава евнухов.

— Идемте.— коротко сказал он.— Таков приказ раджи.

Он повел их на женскую половину дворца.

Для Рошанары началась ленивая, роскошная жизнь фаворитки раджи. Сплетни и интриги в лабиринте корридов, полных жужжания, как в улье. Приходили бродячие певцы, фокусники, предсказатели. Рошанара жадно слушала их льстивые речи и хотела услышать то, о чем так тосковало ее сердце. Но предсказатели говорили о могуществе, о богатстве... и только.

Тота была теперь наперсницей своей любимицы и находилась в расцвете славы. Ее короткие юбки торчали во все стороны. Ювелиры из Дели приносили напоказ драгоценности. Тота покупала себе драгоценностей без конца, Рошанара же выбрала еще всего только пару золотых ножных браслетов с колокольчиками в виде лотосов. Это напоминало ей слова Ант Синга про ее ножку: настоящий бутон лотоса!

У Рошанары была теперь толпа прислужниц, но они только мешали ей своим присутствием. А чернобровая Рукмани страшила ее пристальным взглядом исподлобья.

Рошанара не была женщиной юга, способной наслаждаться роскошью и бездельем. Она была женщиной с гор, жизнерадостной, смелой и пылкой. Ее не очаровывали ни шелка, ни драгоценности. Ведь она всего только игрушка раджи! Раба, плясавшая и певшая своему господину.

Рошанара скоро поняла, что для раджи она значит меньше, чем черный леопард, лениво дремавший на солнце. Иногда она ненавидела Бийли.

Мысли Рошанары упорно возвращались к встрече с Ант Сингом. Вспоминает ли он ее? Никогда ей больше не увидеть его!

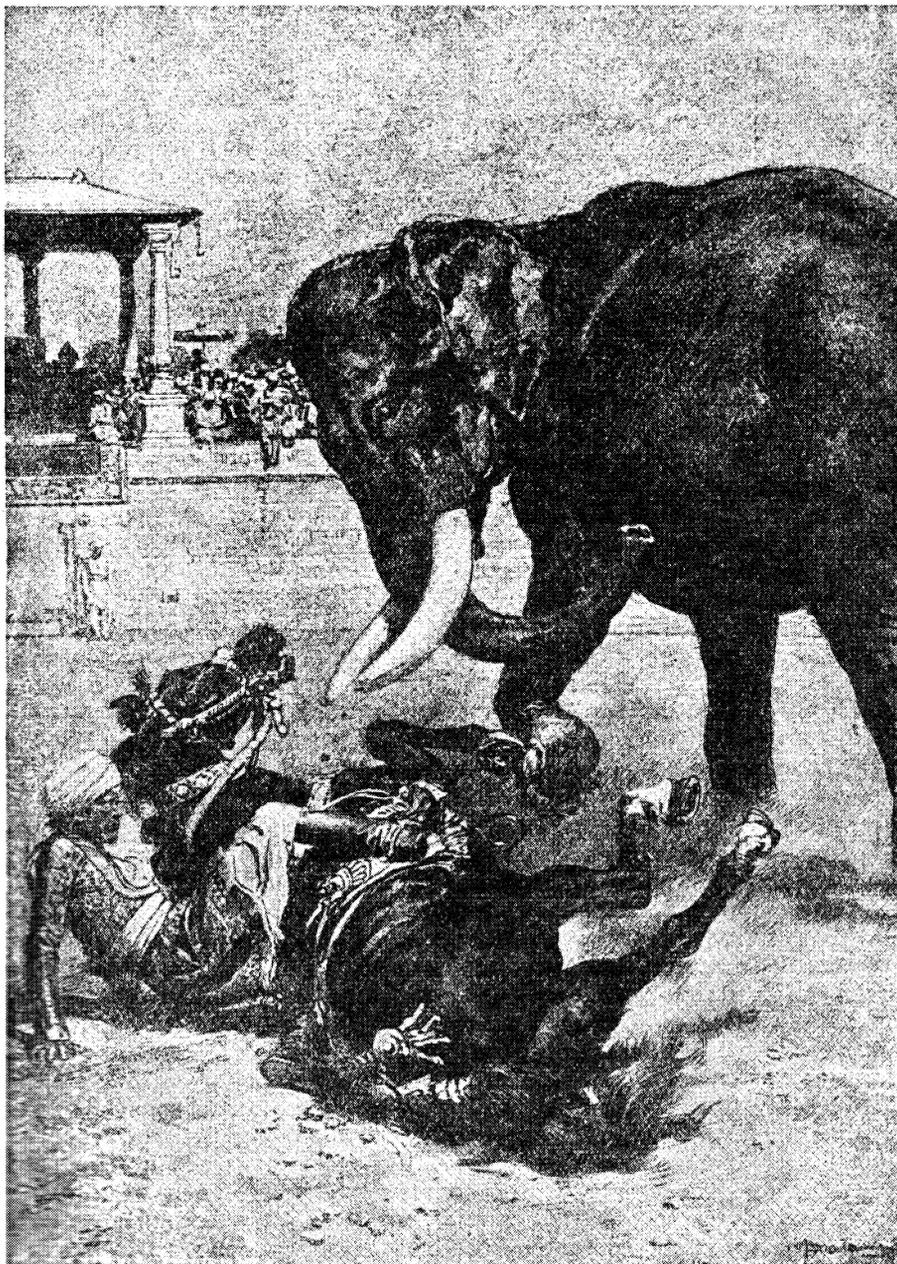
Но она увидела его, и такая встреча способна была взволновать женскую душу. Это было в день Дазахра — военного праздника.

Вскоре после восхода солнца толпы людей стали стекаться к укреплению

сочений.

за городом, где должно было произойти состязание. Бои животных, борьба людей, отвага наездников — вот, что привлекало жадных до зрелищ людей. Укрепление было выстроено из красных кирпичей много лет тому назад старым раджей. В стенах были стойла для слонов, для лошадей и клетки для диких зверей.

Раджа восседал высоко на стене укрепления. Там стоял трон, высеченный из целой глыбы мрамора. Шелковый шатер защищал его от лучей солнца. У подножия трона на груде подушек, лежала рядом с Бийли Ропанара. Она играла новым бриллиантовым ошейником любимца раджи и задумчиво смотрела вниз на толпу.

Огромный хобот уложил на землю лошадь. Аит Синг покотился по песку...

Раджа подал сигнал. Толпа заревела от восторга, когда началась битва тигров и когда почти совсем обнаженные мужчины с остриями на кожаных перчатках стали терзать друг друга, пока песок не покраснел от крови. Казалось задрожала земля, когда два огромных слона налетели друг на друга и бились клыками и хоботами, пока один из них со страшным грохотом не повалился наземь.

Потом наступило великое событие дня.

В одном конце арены широко распахнулись ворота. Под звуки барабанного боя в них въехал человек на большом вороном коне.

Рошанара откинулась на подушки. Вся душа ее была теперь в ее глазах.

Зрители заволновались. В Раджапу все мужчины—наездники, и это их любимое зрелище.

Посреди арены вороной конь остановился и Аит Синг низко поклонился. Потом удар шпор—и лошадь стрелой полетела к тому месту, где слон-победитель, помахивая хоботом, враждебно смотрел на нового противника.

Шагах в двадцати от него Аит Синг остановил коня и в неподвижной позе спокойно ждал нападения. Но в то мгновение, когда хобот взмахнул перед самым всадником, Аит Синг повернул лошадь и промчался мимо огромной серой глыбы.

С невероятной для своей тяжести быстротой начал слон погоню за лошадью. Аит Синг два раза промчался галлопом вокруг арены. Потом снова выехал на середину и стал ждать. Но на этот раз он не рассчитал быстроты нападения. Огромный хобот одним ударом уложил наземь лошадь. Аит Синг покатился по песку, но когда гигантское животное опустилось на колени, чтобы прикончить жертву, Аит Синг вскочил на ноги и, быстрым движением подняв лошадь, прыгнул в седло.

Людская толпа напряженно следила за ним. Она понимала, что задумал всадник. В отдаленном конце арены, в стене, был туннель, достаточно широкий для проезда всадника, но такой

низкий, что наезднику пришлось бы прижаться головой к гриве коня.

Аит Синг не колеблясь помчался к этому туннелю. Он оглянулся назад и затем приник головой к голове лошади. У толпы вырвался крик облегчения. Теперь всадник и его лошадь были в безопасности. Мгновенно спустя, разъяренный слон клыками стал разбивать стену, осыпая себя градом извести.

Снова раздались крики восторга, когда Аит Синг, вынырнув из противоположного отверстия в туннеле, поклонился радже и получил от него тяжелый кошелек с золотом. И в это мгновение сердце его зажгли горящие взгляды девушки, откинувшейся на подушки.

Рошанара вернулась в свою темницу со страстной тоской на сердце. Она знала теперь, что Аит Синг ее любит. Слишком глубоко в душу ей заглянули его глаза. И неволя стала ей еще невыносимее. Она должна его увидеть! И пусть Тота устроит это. Она должна помочь ей.

Напрасно уговаривала свою питомицу Тота. Ведь, это безумие! За это можно поплатиться жизнью.

Но Рошанара и слушать не хотела. Она ничего не боится и готова на все.

Однако, ни ласки, ни приказание не привели ни к чему. Тота твердо помнила свою выгоду. Не даром же она выростила такой дорогой товар! Надо пользоваться плодами, а не губить посевов.

Рошанара прибегла тогда к подкупу. Если Тота поможет ей, она получит от Рошанары жемчужную нить, о которой она давно мечтает. Тота сдалась.

Три ночи встречались в саду Рошанара и Аит. Кругом была тишина, плескался только фонтан и вскрикивали в ветвях манговых деревьев маленькие совы.

В четвертую ночь он просил ее бежать с ним. За границей владений раджи они будут в безопасности.

Тота, прятаясь в тени беседки, слышала шопот их голосов.

— Я не могу затушить огонь охапкой сена!—говорил Аит.—Ты зачаровала меня. Я запутался в сетях твоих волос.

Что-то зашуршало в кустах. На лице Аит Синга пробежала тень тревоги.

Рошанара тихонько засмеялась.

— Не бойся, милый, это Тота. Она сторожит.

Аит снова стал уговаривать Рошанару бежать. Было решено: завтра, в ночь. Он все подготовит.

В это время танцовщица Рукмани прибежала к главе евнухов Мохан-Назиру...

Было уже далеко за полночь, когда Мохан-Назир передал Рошанаре приказание раджи явиться к нему. В этом не было ничего удивительного. Раджа очнулся от снов, навеванных опиумом, и пожелал свидания с любимой танцовщицей.

Тота опрашивала на Рошанаре складки шелка, а мысли девушки были заняты Аитом. Что у него за планы? Удастся ли им сегодня ночью бежать? Или завтра? Она-то будет готова...

В покоях раджи не было ни души. Только на веранде спал черный леопард. Рошанара легла на широкий диван и лениво улыбнулась Мохан-Назиру, когда он поставил возле нее стул из сандалового дерева, а на него лакированную шкатулку.

Евнух молча скрылся за занавесами.

Рошанара потянулась за шкатулкой. Какие-нибудь украшения или яркая шелковая юбка для танцев? Но ей нужен был только один дар—любовь Аита. Она широко раскрыла глаза...

Рошанара вне себя стояла у дивана и смотрела на бледное, тихое лицо, невидящие глаза которого уставились на нее из шкатулки. Не было и тени страха в ужасной злобе, охватившей

Рошанару, хотя она и знала теперь, что и ее ждет смертный приговор. Что другое могло ждать рабу, которая осмелилась изменить своему господину? Они убили его, скоро убьют и ее. Но прежде чем умереть...

Что могла она сделать? Руки ее сжали украшенный драгоценными камнями кинжал у пояса. Он скоро придет сюда, этот раджа, приговоривший к смерти Аита. Если бы она могла нанести только один удар! Но это было невозможно. Он придет, как приличествует тирану, окруженный телохранителями.

Взгляд Рошанары упал на Бийли, спавшего на золотой цепи. Счастье раджи! Один удар кинжалом в эту мягкую, черную шею!.. Она вынула кинжал и на ципочках пошла по ковру.

В глубине комнаты раздвинулся занавес. Входил раджа, окруженный свитой. На его жестоком лице не было ни следа сожаления. Монарх карал ослушавшуюся рабу, он ломал игрушку, которая рассердила его.

Большая кошка на террасе сделала прыжок. Потом упала, царапая когтями воздух. Свита раджи с ужасом смотрела на вытянувшееся на ковре сильное тело леопарда. Он больше не двигался.

Раджа не спускал горящих злобой глаз с женщины, стоявшей перед ним. Она отняла у него счастье и умрет через час. Тота будет брошена в темницу, где погибнет от голода и жажды.

Рошанара спокойно выслушала приговор. Она бесстрашно отвечала взглядом на грозный взгляд раджи и не была похожа на рабу. Сердце ее насытилось мстью монарху, который отнял у нее самое дорогое.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Рассказан инж. В. Д. НИКОЛЬСКИМ

Иллюстрации И. ВЛАДИМИРОВА

Осень 1903 года...

Серый сумрак петербургского хмурого вечера вползал в окно лаборатории, вуалировал углы, затушевывал стены, незаметно стлался по полу, забирался в темные шкафы с химическими приборами и стирал заглавия разбросанных всюду книг... Над письменным столом, сбоку от окна, низко ссутулилась чья-то плотная человеческая фигура и быстро писала на продолговатых четвертушках бумаги, нервно ломая карандаши и тщетно пытаясь напряженным взглядом уловить последние отблески потухавшего вечера. Но сумеречный туман продолжал ползти, наполнил комнату, залил стол, зыбкой пеленой стал между глазами и бумагой... Пишущий, наконец, остановил быстрое мельканье карандаша, отбросил листок и устало откинулся на кресле.

— Темно, ничего не видно, но формула выведена правильно, — послышалось неясное бормотание, — частота и глубина колебаний достаточны для группы нитратов бензойного кольца. — Возможно, что окажет действие и на нитроклетчатку... Посмотрим, посмотрим... Но все-таки, неужели это будет возможно на сколько-нибудь большом расстоянии?.. Впрочем...

Наступило молчание. Голова писавшего склонилась на грудь. Карандаш выпал из разжавшихся пальцев. В лаборатории послышалось ровное дыхание заснувшего и мягкий звук падающих капель из плохо прикрученного крана в углу. Серый сумрак стал бархатно-синим, дымчатым покровом задернул все предметы, — оставил лишь два оконных пепельных прореза, резко очеркнутых рамами. А за ними сизая вечерняя муть ползла уже по городу, кутая дома, трубы, деревья, и пугливо обегала лишь

круги света под зажигавшимися фонарями и под окнами магазинов.

Мерный бой часов разбудил спящего.

— Ого! восемь часов, я, кажется, задремал! Немудрено, две ночи почти без сна, видно и кофе не действует. Но скоро конец, а теперь — за дело!

И быстро выпрямившись, спавший поднялся и повернул выключатель. Свет круглого матового шара залил комнату, почти сплошь заставленную столами и полками, на которых поблескивали ряды банок, пробирок, змеевиков, колб, реторт, тиглей, каких-то непонятных сложных аппаратов, химических печей, горелок, фильтров...

Целая сеть электрических проводов, паутина каучуковых трубок, и настоящий хаос физических приборов, причудливой формы сосудов, гальванических элементов, гейслеровых и рентгеновских трубок, баллонов с кислородом, — ясно показывали посетителю, который решил бы зайти сюда, — с риском немедленно что-нибудь разбить, — что он попал в лабораторию физика или химика.

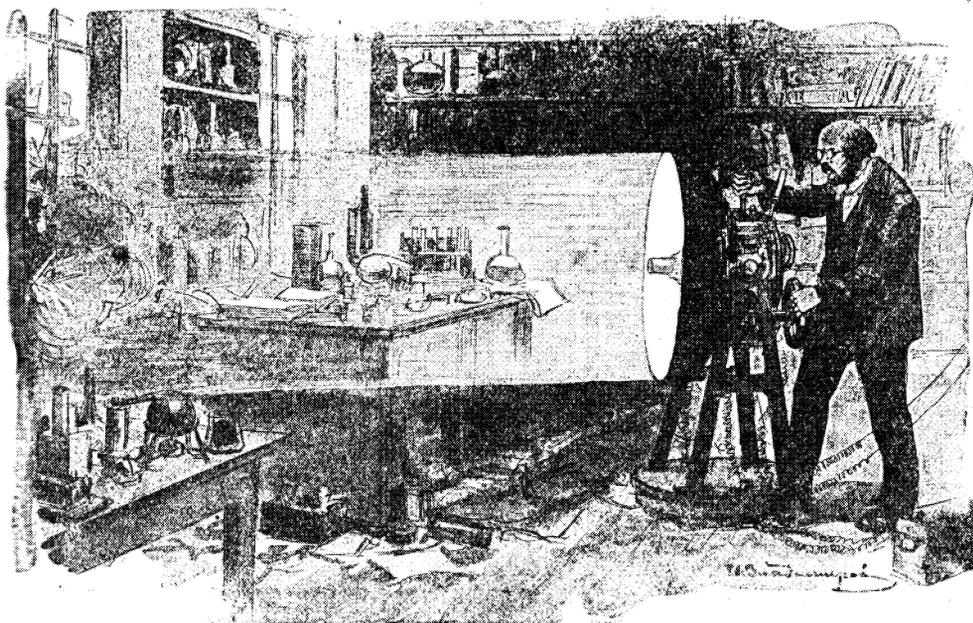
Еще более он укрепился бы в этом мнении, если бы хотя бегло оглядел заглавия на корешках бесчисленных фолиантов, книг и брошюр, синих, серых, белых, черных, переплетенных и растрепанных, неразрезанных и захватанных от чтения, кожаных, коленкоровых, бумажных, — разложенных, уставленных, рассыпанных и приткнутых на полках шкафов, на столах, подоконниках, на полу, — словом всюду, где только оставалось маленькое место от бесчисленных склянок и приборов. Здесь было все крупное и значительное, что только появилось в Европе за последние два — три десятка лет по вопросам химии и электричества.

Был там еще один обширный отдел, занимавший целый ряд полок, с заглавиями, как будто, не стоящими близко к содержанию других книг. Платон, Гераклит, Сенека, Спиноза, Декарт, Локк, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Маркс, Прудон и Соловьев — стояли в непосредственной близости от трудов Либиха, Менделеева, Гельмгольца, Герца, Томсона, Анналов Погендорфа и трудов Лондонского Королевского Общества...

Душа и мозг всего этого, — хаоса для посторонних, — гармонии для его

лаборатории, был не кто иной, как известный всему ученому миру Петербурга и не только Петербурга, но и многим заграничным ученым обществам, популярный философ и химик любимец учащейся молодежи, профессор Ф.

— Итак, за дело, — снова повторил он, — направляясь в соседнюю комнату, откуда через несколько минут появился обратно, с усилием катя перед собой какую-то металлическую станину со множеством рукояток и кнопок. Спереди этого странного соору-

Стеклянный цилиндр засветился голубоватым блеском. Мелькнуло яркое пламя. Банка с осколками оконного стекла вылетела на улицу...

хозяйина, был среднего роста, слегка сутулый, крепко сколоченный человек лет под сорок пять, с крупными славянскими чертами лица и сильно выбысевшей головой, сохранившей лишь на боках редкие завитки рыжеватых волос; с глазами, поблескивавшими из-под густых черных бровей тем особым непередаваемым внутренним огоньком, который свойственен только оригинально мыслящим личностям, глубоко захваченным процессом творческой работы. Словом, человек, уснувший в один из серых петербургских вечеров в своей

женила было укреплено круглое, аршина два в диаметре, металлическое вогнутое зеркало, с небольшим стеклянным цилиндром посредине, откуда шли витки электрических проводов к продолговатому серому ящику сзади, с какими-то указателями и рычагами...

Ящик этот профессор соединил проводами с рядами лейденских банок и большой индукционной спиралью и замкнул рубильник на стенной распределительной доске. Послышался характерный треск электрических искр и в воздухе почувствовался легкий запах озона. Еще поворот-другой

...Чугуном мне мало-мало кунпол не проломил — забубнил младший дворник...

рукоятки: от аппарата заструились фиолетовые огоньки тихих разрядов, громче защелкали искры и мягко засветился бархатным синим светом стеклянный цилиндр, заполнив своим сиянием все зеркало.

— Повидимому, аппарат в порядке, — проговорил профессор, бросая взгляд на показания электрических приборов, — надо думать, что частота и проницающая способность достаточно велики, чтобы вызвать детонацию бензойных групп... Попробуем! Так, напряжение держится постоянным... — и, остановив машину, он принялся за составление какого-то химического соединения.

— Гремучая ртуть, ну, это, пожалуй, будет немного сильно, — разве взять пикриновую кислоту? — бормотал профессор, привычно роясь в беспорядке реактивов и склянок. Быстрым движением зажег горелку, что-то отвесил, что-то отмерил, перемешал, поставил на огонь. С часами в руках заходил от одной банки к другой, забормотал, насупился, и сразу стал похож на средневекового алхимика, варящего зелья с наговорами. Вчера эта же самая химическая реакция едва не стоила профессору зрения, — вечная рассеянность виновата, — что-то было перегрето или плохо размешано, и в результате — генеральный ремонт стеклянного вытяжного шкафа и профессорских очков также...

На этот раз, однако, реакция была доведена вполне благополучно до конца и красноватый мелкокристаллический осадок на дне колбы вызвал легкую улыбку удовлетворения на лице профессора.

— Теперь испробуем это разложить частотой и комбинацией волн В4...

И с этими словами получившийся порошок был положен на ближайший подоконник, с которого пришлось для этого снять охапку книг, и накрыт массивной металлической банкой. Затем профессор снова включил ток, повернул зеркало по направлению к окну и стал вращать рукоять регулятора, пока стеклянный цилиндр посредине круглого зеркала не засветился голубоватым блеском. Резким движением повернул рукоять вправо — в аппарате мелькнуло яркое пламя, в стеклянном цилиндре под металлической банкой раздался легкий треск, банка подскочила, перевернулась и с осколками оконного стекла вылетела на улицу...

— Вот это так, — значит все верно и правильно. Аппарат действует, можно сказать, преисправнейшим образом, — радостно потирал руки профессор, торопливо принимаясь записывать показания контрольных приборов и совершенно не заботясь ни о сквозном ветре через разбитое окно, ни о возможных последствиях неожиданного полета металлической банки с высоты четвертого этажа...

В кухне резко задребезжал звонок. Через минуту в дверях кабинета появилась Марьевна — пожилая, полуглая профессорская домоправительница, и всплеснула руками при виде разбитого окна.

— Ну, так и есть, опять у нас! Да, что это, батюшка, за наказание такое? — зачастила она, обращаясь к недоумевающему профессору, — у нас опять стекло разбили, опять зови стекольщика! Вас там младшой спрашивает, говорит, что за эти дела мы и в ответе будем...

За ее спиной появилась бородатая физиономия младшего дворника.

— Так, Михал Михалыч, никак невозможно, — забубнил он, — давеча жильцов из шашнацатого обеспокоили, думали у вас тут пол проваливается! Теперича чугуном мне мало-мало кунпол не проломали! Стою я это у ворот, с Феклушей из пятого номера разговариваю... Как это — дзень, сверху от вас стеклышки псыпались и, враз — чугуном мне под ноги — бух! — напополам... Вот на-те, как было три

куска, так и принес... Без вершка в темя! Феклуша с перепугу, как была, так и села, и посейчас на лавке у ворот сидит, бонба! кричит... Известно—дура, каки-таки бонбы, рази мы не понимаем,—жилец вы, как есть аккуратный и такими делами не занимаетесь, а вот только, чтоб чугуном по голове, энтото, барин, никак не полагается...

— Что, что такое вы несете, Василий? Какой чугун, какие бомбы?—Досадливо перебил профессор разошедшегося дворника,—только сейчас начиная понимать происшедшее,—что за вздор вы несете? Просто упала у меня с подоконника железная банка... очень, очень сожалею, что так вышло,—и, вынув из жилетного кармана скомканную трехрублевку, протянул ее дворнику. — Вот вам за беспокойство, Василий, а сейчас я очень занят, и, не слушая благодарностей и уверений дворника, что, «мы ничего, а с нас спрашивают»,—захлопнул дверь за досадным посетителем.

— Да, — думал профессор, поглядывая на дыру в окне,—следующий опыт придется произвести где-нибудь на вольном воздухе; здесь, того и гляди, при несколько большем масштабе эксперимента, дело может закончиться крупными неприятностями, хотя бы с тою же полицией, что мне сейчас особенно не улыбается. Благодаря моей излишней откровенности в разговорах, кое о чем они, кажется, начинают догадываться. Особенно важно для меня произвести опыт с группами волн СЗ и № 8 со значительно большей глубиной и большей детонирующей силой... можно будет испробовать взрывание черного бездымного пороха...

И профессор снова погрузился в свои вычисления и схемы, забыв о времени и пространстве.

Часы пробили одиннадцать, двенадцать, час, наконец, только когда стрелка часов остановилась на цифре шесть, профессор в изнеможении откинулся на спинку кресла и усталым голосом прогворил.—Да, повидимому, ошибки нет. Задача решена полностью.

Утреннее солнце ярко заливало лабораторию, играло на металлических частях приборов, отражалось в банках, искорками сверкало на иглах кристаллов и скользило по ворохам книг и рукописей на письменном столе, когда из соседней комнаты-спальни появился профессор в накинутом на плечи халате, испешренным разнообразными и многоцветными пятнами от щелочей и кислот, красочно дополнявшими первоначальный рисунок материи.

Наскоро хлебнув чаю и съев несколько бутербродов, заблаговременно принесенных Марьевной в лабораторию («не дашь, дык и не попросит, так не евши и просидит весь день над банками»), — профессор снова с жаром принялся за работу.

Робкий звонок, раздавшийся с парадной, не дошел до его сознания и Марьевне пришлось дважды повторить: — К вам студент приотцы, — пока профессор сообразил в чем дело.

— Кто такой? Зачем?—недовольно спросил он.

— Говорит, велено, в десять.

— Ах, да! Я совершенно позабыл! Это вы, Веровский? Да входите же, коллега, — ласково кивнул он через открытую дверь кабинета юному розовому студенту, смущенно топтавшемуся у порога со свертком книг в руках.

— Здравствуйте, здравствуйте, закончили перевод главы тринадцатой и конца пятнадцатой? Затруднений не встретилось?

— Я почти закончил все, профессор, — отвечал студент,—только несколько неясен для меня остался конец пятнадцатой главы... но я, кажется, помешал вам, профессор?

Хозяин только что хотел использовать этот вопрос и сократить визит посетителя, но, пристально взглядев-

...— Не дашь, дык и не попросит, так не евши и просидит...

шись в голубые, как-то по-детски открытые глаза студента, на минуту задумался, слегка нахмурил брови и решительным тоном попросил его остаться.

Несмотря на свою несколько суровую внешность и замкнутость, профессор Ф. любил свою молодежь, своих слушателей в университете, и чутко прислушивался к ее подчас бессистемным, спутанным, но всегда искренним и горячим спорам, когда у него изредка собирались несколько товарищей профессоров и студентов, чтобы за стаканом чая обменяться мыслями о новейших течениях философской и научной мысли. Среди посетителей этих дружеских вечеринок, где в спорах и прениях как-то сглаживалась и исчезала некоторая натянутость и неравенство между старыми, умудренными жизненным опытом, профессорами и безусыми юнцами, для которых все «проклятые вопросы» были так ясны и так просто разрешались партийной догматикой,— студент Веровский был один из самых юных и горячих. Относился он к своему профессору с чувством даже несколько наивного обожания, что нередко вызывало насмешки товарищей, называвших его шутя «профессорским оруженосцем».

Это самое и пришло на память профессору, когда он попросил студента остаться.

— Вот что, Веровский, положите-ка сюда ваш перевод, сейчас мне положительно не до него. Теперь садьте и слушайте. Я имею сказать вам нечто чрезвычайной серьезное...

Лицо студента испуганно вытянулось.

— Я надеюсь, профессор, что я... — смущенно забормогал он.

— Дело здесь касается, собственно, меня, — усмехнулся профессор. — Ваш приход сегодня явился для меня как нельзя более кстати. Сегодня вы можете, если захотите, оказать крупную услугу мне и содействовать успеху тех идей, которые, наверно, близки и вашему сердцу.

Вы — честный и прямой юноша и, хотя я значительно старше вас и на многое мы смотрим неодинаково, но

есть одна черта, общая нашим мировоззрениям. — это ненависть ко злу и насилию, в каких бы формах они ни проявлялись... Много, много еще жертв потребует эта вековая борьба с угнетением человека человеком, пока, наконец, люди добьются такого строя, где труд и знание будут единственными реальными ценностями, и рука об руку начнут строить светлое здание новой человеческой жизни...

Дело не в названии и не в тех путях, которыми человечество придет к этому светлому будущему, — а оно придет, в это я верю твердо! — Облегчить, укрепить этот тяжелый путь, уменьшить число бесполозных жертв, вырвать у современных насильников их главное орудие угнетения, — вооруженную силу, уничтожить эти горы смертоносных веществ и орудий, ежеминутно готовых обрушиться на головы народов всех стран, затопив их в море слез и крови, — вот цель, вот задача, о которой я начал неустанно думать, когда еще был таким же юным, как и вы, — задача, которой я посвятил годы труда и исканий, начав работать над действием электромагнитных волн на различные химические соединения...

— Простите, — продолжал профессор волнуясь, — сегодня я говорю бесвязно, но сейчас вы поймете причину моего состояния. Вы, конечно, знаете, что в природе существуют колебания эфира, часть которых воспринимается нашими органами чувств, как явления света... Открытые гениальным Герцом электрические волны, применяемые нами в радиотелеграфе, так же представляют собою только более медленные колебания эфирных волн. Что световые колебания — особенно правой стороны спектра, способны разлагать и воздействовать на некоторые химические соединения — это вы отлично знаете, — доказательством тому служит хотя бы разложение азотно-серебряной соли в фотографии, или соединение, сопровождаемое взрывом, смеси хлора и водорода. Моя основная мысль была добиться комплекса особого рода эфирных колебаний такой частоты и силы, чтобы они могли произвести разложение

ряда так же и других химических соединений... Не стану вам рассказывать, это было бы и долго, да вряд ли все для вас и понятно, какими путями и приемами шел я в своих поисках,— скажу вам только, что недавно моя работа как будто увенчалась полным успехом... Здесь,—профессор положил руку на зеленую папку на столе,— здесь изложены моя теория и методы, дающие возможность достигнуть электрических эфирных колебаний достаточной интенсивности, чтобы проникнуть через любые препятствия и вызвать мгновенное разложение некоторых неустойчивых химических соединений, а ими являются в первую очередь все взрывчатые вещества— порохи, пироксилин, динамит...

— Профессор, но, ведь, это невероятно! — задыхаясь от волнения, сорвался с места Веровский.— Если бы не вы сами сказали мне это, я ни за что не мог бы поверить... Ведь это...

— Да,—движением руки остановил его профессор,—это успех... большая победа... Это сможет перевернуть многие современные человеческие отношения, но в то же время на мои плечи ложится огромная ответственность за дальнейшее.

Обычная сдержанность покинула профессора... Он вскочил и с горящим взглядом подбежал к своему аппарату.

— Вот, милый юноша, смотрите, это первая модель моего аппарата, с которой я вчера добился решительного успеха. Это мой детонатор типа А. Потом, когда-нибудь, я расскажу, как он устроен. Скажу лишь, что вот в этом ящике помещается род особых трансформаторов и вибраторов, создающих систему электро-магнитных волн, которые, при посредстве этого зеркала, могут быть направлены куда угодно в виде тонкого пучка невидимых и неощутимых лучей. Этот электрический луч может пронизывать землю, камни, здания, металлы, воду, мгновенно разлагая на своем пути все вещества, которые способны взорваться, в каких бы пороховых погребах их ни прятали... Вы спрашиваете, как далеко может распространиться действие этого луча? Этого

еще я и сам хорошенько не знаю... Теоретически я не вижу препятствий действию моего аппарата, конечно более мощного, чем этот,—хоть на 2—3 тысячи километров.

Голос профессора зазвучал глуше, легкая судорога пробежала по его внезапно побледневшему лицу...

— Что с вами, дорогой профессор? — испуганно вскочил с места Веровский,—вам нездоровится?

— Нет, нет, это так. Простое переутомление, да и сердце пошаливает,— слабо улыбнулся профессор, закрывая на несколько секунд глаза.— Вот все и прошло.

— Ну, так вот, — снова заговорил он,—слушайте дальше. Теперь вы поймете, что может сделать группа достаточно сильных и решительных людей, которая овладеет моим прибором.— Война—войне! может она крикнуть всему миру... И вооруженная мощь всех государств рассеется в грохоте неотвратимых таинственных взрывов... Но где гарантия, что упоенная победой и властью эта группа сама не станет новой, еще худшей тиранией, вызовет лишь из темных бездн современного общества—демона всеобщего разрушения и анархии?

— Отдать эту тайну в руки какой-нибудь одной державы—даже в руки моей родины—для того, чтобы кучка душителей свободной мысли, возглавляющая Россию и называющаяся царским правительством—еще сильнее могла бы укрепить свое положение и диктовать свою волю всему миру? Никогда! Я решил после долгих размышлений,— продолжал профессор— переписать свою записку с проектом в нескольких экземплярах и разослать их всем государствам, а также одновременно опубликовать во всеобщее сведение,— тогда каждая страна может построить мой детонатор. К чему же тогда сведется война? К бессмысленному взаимострелению и взаимовзрыванию. Война станет невозможной и бессмысленной... Тогда быть может это сознание ее бессельности станет первым шагом на пути к всеобщему миру и к установлению новых социальных отношений, ибо старые держатся исключительно силой

военной техники, находящейся в руках одного класса...

Веровский сидел молча, бледный и потрясенный услышанным.

— Ну,—сказал профессор, обнимая взволнованного юношу,—я не сказал еще, что мне надо от вас. Вы должны мне помочь в моем последнем опыте.

— Я? Помочь? Но конечно, если я только хоть чем-нибудь могу,—радостно заволновался студент.

— Можете, милый юноша, можете,—перешел профессор на добродушный тон.—Дело в том, что для последнего небольшого опыта, который мог бы окончательно подтвердить правильность конструкции моего аппарата, его необходимо испытывать на более далекое расстояние, чем длина этой комнаты. Вчерашний опыт—профессор улыбаясь показал на разбитое окно, которое Марьевна успела уже утром заклеить листом бумаги,—был даже слишком удачен. Но еще одна такая удача—и мне придется познакомиться с предварилкой или крепостью...

Вот о чем я вас попрошу: возьмите эти три небольшие пакета, они уместятся у вас в кармане; в них находится по несколько грамм черного пороха, пироксилина и моего нового одного взрывчатого соединения,—вот здесь они помечены буквами а, б, в. Мне хотелось бы,—профессор взглянул на висевшую на стене карту Петербурга,—чтобы вы отвезли их, ну, хоть в Лесной, там, поблизости от строящегося политехнического института, в конце, кажется, Яшумова переулочка, начинается лес и на его опушке есть широкая песчаная выемка... Я ее помню потому, что в прошлом году собирал там кое-какие образцы почв,—там вы положите эти пакеты на расстоянии саженей тридцати один от другого и, отойдя в сторону, станете наблюдать. Где ваши часы? Что? В ломбарде? В таком случае вот вам мои, только я их сверю со стенными. Ровно в три часа я попробую, ориентируя мой аппарат в нужном направлении, произвести взрыв пакета а, затем через 5 минут—пакета б и еще через 5 минут пакета в. Еще одно замечание—впрочем

вы и сами понимаете—все это должно быть сделано совершенно незаметно. Было бы довольно печально, если бы вас забрали с этими порошками. Вот и все. А затем,—единым духом гоните ко мне,—я с нетерпением буду ждать вашего отчета о результатах опыта...

После ухода Веровского, профессор вооружился компасом и разложил карту Петербурга на краю стола. Затем отметил на ней точками положение своей квартиры и места, где должны быть разложены взятые студентом пакеты, соединил эти точки прямой линией и измерил транспортиром угол, образуемый ею с направлением севера. Выкатил затем на середину лаборатории станок с зеркалом, установил посредине точный компас и стал медленно поворачивать весь аппарат, пока ось его составила с направлением магнитной стрелки угол, измеренный на карте.

Затем профессор внимательно просмотрел установленные приборы, проверил контакты и соединения и, вынув папиросу, уселся в кресло, время от времени поглядывая на часы.

2 часа 57 минут... Рука профессора легла на рычаг аппарата. 3 часа... и последний удар часов слился со звоном повернутой рукоятки и оглушительным треском искры в детонаторе...

Часа полтора спустя, когда профессор, в сотый раз глядя на часы, окончательно решил, что с его помощником что-то случилось и опыт не удался, раздался резкий звонок и через полминуты в дверях появилось сияющее лицо Веровского. С первого взгляда на него было видно, что все в порядке... Не снимая пальто и галош, студент бросился к профессору и с жаром стал пожимать его руку.

— Удача, полная удача, дорогой профессор!

— Ну, рассказывайте живее—как было дело!

— Как вы мне сказали,—начал студент,—я доехал до Муринского, взял извозчика...

— Ну, это—не блестяще, сделали его, значит, благородным свидетелем

происшедшего? — иронически вставил профессор.

— Ну, за кого же вы меня принимаете! — обиженно протянул Веровский, — я боялся опоздать и отпустил его около постройки. — Яму, о которой вы мне говорили, я нашел сразу. На мое счастье кругом никого не было и я по вашим указаниям разложил тут же все три пакета — стал в сторону, за дерево, и начал ждать. Смотрю на часы — дело близко к трем идет и вдруг, — вообразите, профессор, как я испугался! Вижу из леса, прямо к яме, идет какая-то парочка. Ну, думаю, будет хлопот, как у них под носом взвоятся ваши снаряды, однако все обошлось благополучно: заметили меня и повернули обратно... В ту же минуту слышу легкий треск и от первого пакета взлетает легкий дымок и клочки бумаги. — Гляжу на часы — три часа! Ровно через пять минут — с маленькой вспышкой исчез второй пакет, — а еще через пять — третий, маленький, — этот взрыв был значительно сильнее первых двух — точно в медный таз ударило, и земля облачком поднялась... Я побежал к пеньку, на который я положил третий пакет, смотрю: от пенька даже щепок не осталось и на том месте — яма с аршин глубиной.

— Успех, полный успех, я просто не

верил своим глазам, — ах, дорогой профессор! Какой исторический опыт!

Профессор взволнованно обнял Веровского.

— Ну, дорогой мой, тысячу раз вам спасибо! Значит, я не ошибся... Завтра же я разошлю представителям крупных держав копии моей работы, а сейчас я попрошу вас отнести в редакции «Молвы» и «Биржевых Ведомостей» письмо, которое я набросал в ожидании вас и где я рассказываю о достигнутых мною результатах и о скором опубликовании моего изобретения. Еще раз спасибо, мой молодой друг, за услугу...

И с этими словами, проводив Веровского до передней, профессор снова углубился в работу.

Снова вечер, снова ночь...

Над столом, заваленным исписанными листками и табачным пеплом, снова склоняется голова профессора... Перо, как живое, бегаёт по бумаге — две записки уже готовы и запечатаны... От усталости начинает рябить в глазах и дрожат руки. Марьевна безрезультатно два раза уже наведывалась в кабинет, но стакан чаю, принесенный ею, стоит нетронутый и холодный. Процесс работы целиком захватил петербургского ученого.

Успех произведенного опыта рисовал перед ним блестящие картины дальнейших достижений... Усовершенствовал и усилил мощь аппарата,

Студент следил за взрывами, которые производил профессор из своей лаборатории.

профессор уже окрестил его мысленно именем «Антибеллум», что значит: «против войны», — удастся посылать могучие лучи электрических волн по любому направлению, взрывая на его пути все, что может быть взорвано... Никакие пороховые казематы, никакие криюйт-камеры не остановят молниеносного эффекта его Антибеллума... Вековой спор между броней и пушкой станет бесцельным... Незачем будет вооружаться, незачем будет копить оружие и взваливать на трудовые плечи народов многомиллиардное бремя военных налогов... Как приблизится к нам тогда—еще такой загадочный и туманный грядущий строй!

— Да, работа многих лет пропала не даром, — размышлял профессор, — правда, здоровье и силы ушли, но разве достигнутое не вознаграждает меня сторицей за это? Плохо, что сердце пошаливает, вот и сейчас эта странная колющая боль... Кажется, опять начинается сердцебиение, надо бы принять валериановых капель, и профессор потянулся к одной из полок с химическими реактивами, с усилием перегнувшись через стол, где на газовой горелке что-то булькало и шипело.

Но в этот момент нога, неудобно опиравшаяся о табурет, скользит, равновесие нарушено, рука профессора инстинктивно ищет опоры и резким движением сбрасывает на горячую печь какой то пузырек с белой бесцветной жидкостью... Легкий треск, брызги, шипение, и острый запах горького миндаля наполняет лабораторию...

— Синильная кислота... не дышать... скорей отсюда... кружатся в мозгу профессора обрывки мыслей... Слишком поздно: при первом невольном вздохе испуга ядовитые пары уже проникают в легкие... Перед глазами быстро мечутся какие-то огненные полосы, слышится гулкий звон в ушах и, чувствуя, что пол уходит под ногами и комната падает на него сверху, профессор судорожно хватается воздух пальцами и грузно валится на стол, разбивая и разбрасывая стоящие на нем аппараты...

И снова все тихо... Часы продолжают так же мерно отбивать секунды.

Желтый уголек электрической лампы продолжает так же ровно гореть, бросая ровный свет на рабочий стол с разбросанными на нем приборами и на согнувшуюся рядом человеческую фигуру.

Марьевне, принесшей утром обычный кофе, показалось сразу, что профессор спит.

— Вот уж, — недовольно ворчала старуха, — как за малым дитем глаз за ним нужен. — Умаялся видно, сердечный, да и заснул тут же... Михаил Михалыч! — принялась она тормошить профессора, — что это вы право, — этак и захворать недолго!

Спящая фигура внезапно потеряла равновесие и тяжело рухнула на пол с каким-то особым зловещим стуком, который может производить лишь мертвое тело. С бледного, покрытого синими пятнами лица, на Марьевну глядели остекленевшие глаза, в которых не было уже ничего живого... С диким воплем, выронив поднос на пол, старуха бросилась опрометью вон из кабинета...

Через полчаса в комнате уже бестолково суетились фигуры дворника, помощника пристава и окологородного с неизменным портфелем под мышкой, а в дверях пара городских сдерживала любопытных, густо набившихся в кухню, где Марьевна с причитаниями в сотый раз рассказывала всем желающим слушать, как она принесла кофий с газетами, «а барин над склянками сидит, спит, ровно выпимши... Я его за рукав, а он не живой, и с лица весь синий—пресиний»...

Началась бесполезная и такая ничтожная перед торжественным лицом смерти обычная канитель с протоколом и осмотром тела, опросом свидетелей; настоящих свидетелей, впрочем, не было. Строились предположения одно нелепее другого, пока, неожиданно, на лестнице не раздался «малиновый звон» жандармских шпор... Мимо почтительно вытянувшихся и козырявших городских в лабораторию быстрыми шагами вошел бравый, подтянутый жандармский полковник. За ним виднелись еще несколько жандармов и определенного типа личностей.

— Попрошу немедленно очистить квартиру и лестницу от посторонних, — властным баском начал распоряжаться вошедший, — у дверей и ворот поставить охрану. В квартиру никого без моего разрешения не впускать... Вас я попрошу также удалиться, — обратился он к помощнику пристава.

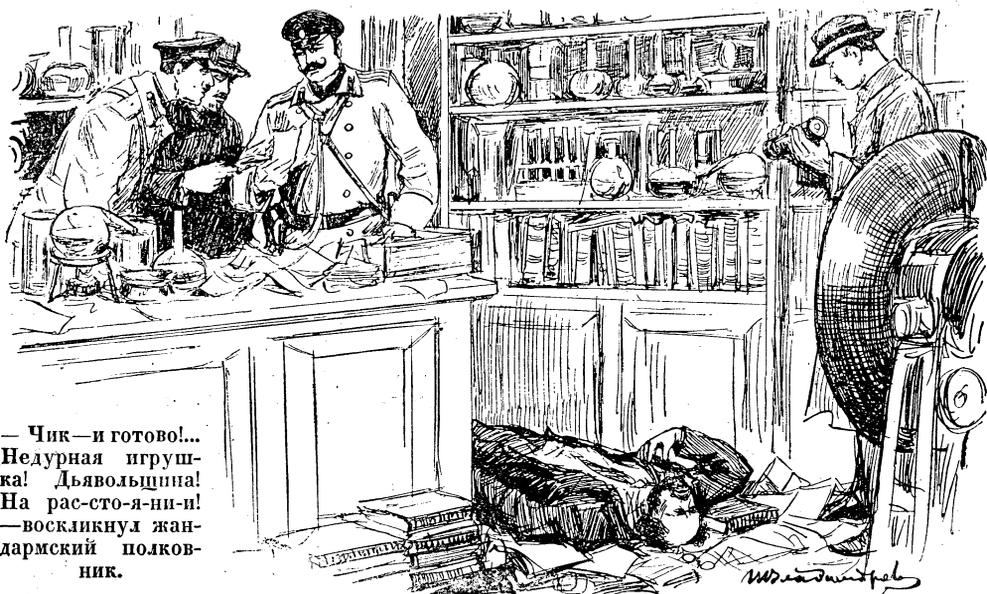
— Но здесь, господин полковник, протокольчик не совсем закончен, — почтительно склонился по направлению к полковнику полицейский.

— Вы меня поняли? — нетерпеливо повторил полковник, — оставьте мате-

над новыми взрывчатыми веществами. Вдобавок политическая репутация покойного — он кинул косой взгляд на попрежнему безжизненно распростертое тело профессора с судорожно сведенными руками, — репутация покойного была из таких, что наше посещение его лаборатории все равно было лишь делом времени...

Прежде всего: причины смерти? Ваше мнение, Сергей Сергеевич? — обратился он к одному из своих спутников.

— Мм.. да, причина, пожалуй, доста-

— Чик — и готово!... Недурная игрушка! Дьявольщина! На рас-сто-я-ни-и! — воскликнул жандармский полковник.

риалы дознания здесь, лично вы мне сейчас не нужны, я вас не задерживаю.

— Чортовы синемундирики, как что поинтереснее, — обязательно первые нос суют, а нас — по боку... — досадливо подумал помощник пристава, недоуменно откланиваясь и уходя со своими подчиненными.

— Ну-с, господа, — обратился полковник после их ухода к своим спутникам. Это совершенно исключительный случай; его превосходительство придает этому происшествию, благодаря некоторым приходящим обстоятельствам, совершенно особое значение, в виду чего необходимо произвести подробнейшую выемку всех документов и приборов... По нашим сведениям, здесь идет дело о каких-то опытах

точно ясна, — отвечал последний, нюхая осколки одного из разбитых пузырьков... Этот характерный запах вишневых косточек... Несомненно — налицо отравление синильной кислотой. — Но вопрос: отравление намеренное или несчастный случай?

— Ну, это мы быть может узнаем из писем, — сказал полковник и привычно профессиональным движением начал рыться в содержимом письменного стола.

— Ого! — вырвалось у него радостное восклицание, — письма, адресованные в иностранные посольства! Поглядим, поглядим...

По мере чтения вскрытых пакетов, в водянистых глазах полковника начало сквозить легкое недоумение,

затем они стали совершенно круглыми от изумления и испуга:—так страшно, так неожиданно было содержание этих писем...—Было похоже на то, что он вышел ловить котенка и вместо него нарвался на тигра, — правда, мертвого...

Звяканье упавшего медного стакана, нечаянное задегетого одним из агентов, копавшихся в приборах, вернуло сознание полковника к действительности.

— Осторожнее вы там, чорт побери, нервно крикнул он,—тут, кажется, такие сюрпризы, что даже эсеровская фабрика бомб — детской игрушкой покажется... Там по крайней мере знаешь, с чем имеешь дело, а эта, эта чертовщина с зеркалами... Сергей Сергеевич, пожалуйста-ка сюда, не угодно ли вам будет прочесть сей документ?

И он торжествующе стал наблюдать за изменениями лица своего подчиненного.

— Каково? А? На расстоянии: чик и готово...—Нервно посмеиваясь, сыпал он восклицаниями.—Нечего сказать — недурная игрушка! Хорошенькие бы дела они здесь наделали! Дьявольщина! На рас-сто-я-н-ии! Вы это понимаете.

И колючки завитых усов, точно две пиявки, задвигались над его губами.

— Вот уж, поистине, неожиданность для его высокопревосходительства... Сидорчук! Самушкин! Поезжайте немедленно назад и распорядитесь о вызове его превосходительства и двух сотрудников пятого отдела. Озаботьтесь также о срочной присылке двух закрытых фургонков. Полная конспирация — это чрезвычайно важно, понимаете? — На словах передайте его превосходительству, что, в виду обстоятельства исключительной важности, требуется его личное присутствие!

— Так, значит, на расстоянии, Сергей Сергеевич, а? — снова обратился к своему товарищу никак не могший успокоиться полковник...

Через два—три часа внутренность лаборатории являла собою картину полного разгрома и опустошения: все содержимое столов, шкафов, все, сколько-нибудь подозрительное (там разберут!), все сложные приборы, аппараты, банки с растворами, химические реактивы, индукционные спи-

рали—и в первую очередь таинственное зеркало с паутиной проводов,— словом все, что носило на себе след творческой мысли погибшего ученого, было осторожно снято, свинчено, занумеровано, упаковано и увезено. Куда? — Сперва к Цепному мосту в Охранное Отделение, в своего рода государство в государстве, где потом вообще все каким-то непонятным образом исчезло бесследно, что, впрочем, там иногда случалось не только с вещами, но и с людьми...

Так погибло одно из величайших открытий начала нашего века, которое, быть может, могло бы сделаться началом новой эпохи...

В рассказе этом вымыслом является только форма и оболочка событий. Некоторым еще памятна наделавшая в свое время много шума в Петербурге загадочная смерть в своей лаборатории известного химика и философа, редактора издававшегося П. П. Сойкиным журнала «Научное Обозрение» — М. М. Филиппова.

Загадочность этого события увеличивалась еще тем обстоятельством, что немедленно после смерти ученого все аппараты и рукописи, найденные в его квартире, были опечатаны нагрянувшими чинами охранного отделения и куда-то увезены при соблюдении множества предосторожностей... Еще более сгустилась эта тайна появлением в некоторых газетах в тот же день — короткого сообщения, посланного покойным, очевидно, накануне самой смерти, где говорилось, что им, М. Филипповым, открыт новый способ производить взрывание на расстоянии, при чем дальность этого взрывания может быть сделана весьма значительной, хотя бы из Петербурга — в Константинополь, — и что подробности его открытия будут им опубликованы в самое ближайшее время...

Тайна смерти М. М. Филиппова и его гениального открытия не разгадана и посейчас... Быть может это был просто несчастный случай, а быть может кому-то было необходимо уничтожить тайну этого страшного изобретения и ее обладателя.

Мертвые не говорят... Рукописи и приборы погибшего также исчезли без следа.

Но мысль человеческая неуничтожаема.

Огромные успехи, достигнутые современной электро и радио-техникой последних лет, позволяют с уверенностью предполагать, что покойный М. М. Филиппов стоял на верном пути и осуществление его идеи — есть дело, может быть, ближайшего времени...

Над задачей передачи энергии и производства взрывов на расстоянии работали и работают не мало ученых

всего мира... Совсем недавно за границей много шуму подняло изобретение английским физиком. Гринделем Метьюсом тайнственных «лучей смерти», взрывающих на расстоянии порох и останавливавших работу моторов. Это изобретение не разделило участи работ Филиппова. Судя по газетным сведениям, оно немедленно было приобретено английским правительством. Но выиграет ли от этого мир — еще большой вопрос, так как пока нет надежды на то, чтобы подобное оружие технического прогресса могло бы послужить для пользы и для мирного развития культуры всего человечества.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 6.

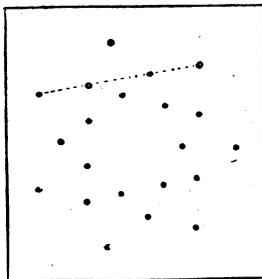
Собразительны ли Вы? Путешественник стоит перед картой, где нанесены города, и соображает, глядя на железнодорожные линии, какой маршрут ему нужно избрать,

чтобы посетить все города, обозначенные на диаграмме номерами, выехав из № 1 и кончив № 23, но так, чтобы не проезжать дважды по одному и тому же пути: — (черные линии, соединяющие кружки с №№). (Решение на стр. 80).

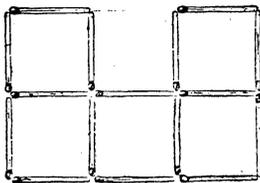
Задача № 7.

Острый ли у Вас глаз? Проверьте свою способность к быстрому схватыванию очертаний предметов с часами в руках. Вот ряд точек. Сколько прямых линий можно здесь провести таким образом, чтобы на каждой из них лежало 4 точки? Не получится ли при этом правильная геометрическая фигура? На решение задачи надо потратить не более 10 минут. (Решение на стр. 80).

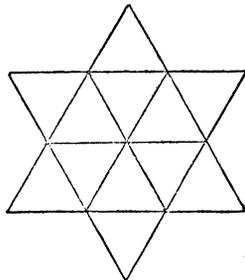
Задача № 8.

Находчивы ли Вы? Вот 5 квадратов, сложенных из 16 спичек. Надо переставить 3 спички так, чтобы образовалось только 4 квадрата. Проверьте время, потраченное Вами на решение. (См. стр. 80).

Задача № 9.

Сколько треугольников разных размеров видите Вы в этой шестиконечной звезде? Время для решения этой задачи — не более трех минут. (См. стр. 80).

ТАЙНА „ЛЬВИНОЙ ГРИВЫ“

Приключение Шерлока Холмса, рассказанное им самим

Рассказ А. КОНАН-ДОЙЛЯ

— В высшей степени странно, что именно тогда, когда я отошел от дел, мне представилась задача, не менее необычайная и таинственная, чем те, которые мне приходилось разрешать за свою долгую профессиональную деятельность. И притом все произошло, можно сказать, у самых моих дверей.

Я только что переселился в мой домик в Суссексе и предался укрепляющей жизни на лоне природы, о которой долгие годы мечтал среди туманов Лондона. В этот период моей жизни дорогой мой Ватсон почти совсем исчез с моего горизонта. Он только изредка приезжал ко мне провести воскресный день. Поэтому я должен сделаться сам своим собственным хроникером. Ах, если бы он был со мной, что бы он сделал из такого удивительного происшествия и из моего случайного торжества над всеми затруднениями! Теперь же я должен сам, бесхитростными, простыми словами, рассказать эту историю и отметить каждый мой шаг на трудном пути, который лежал передо мной, когда я пытался разгадать тайну «Львиной гривы».

Моя вилла расположена на южных склонах дюн, с которых открывается широкий вид на море. В этой части береговая линия состоит почти из одних меловых скал, с которых можно спуститься по одной только длинной, извилистой тропинке, крутой и скользкой.

Внизу тропинки на сотню ярдов тянется покрытый гальками берег, который не заливается даже приливом. Но в разных местах есть изгибы берега и заливчики, — великолепные бассейны для купанья, наполняющиеся свежей водой после каждого прилива. Этот прекрасный берег тянется на

несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте маленькой бухточкой, где расположена деревня Фулверс.

Мой дом стоит одиноко. Мне, моей старой экономке и моим пчелам, нам одним принадлежит вся усадьба. Но все же в полумиле расстояния находится учебное заведение Гарольда Стэкхерста, прозванное из-за своей крыши «Коньками», — школа, где молодые люди, под руководством нескольких учителей, готовятся к различным профессиям. Мы с Стэкхерстом подружились со дня моего приезда и у нас установились такие отношения, что мы без предупреждения могли по вечерам заходить друг к другу.

К концу июля 1926 года поднялась сильная буря, море гнало волны к самым скалам и оставляло при отливе целые озера на берегу. На утро того дня, о котором я говорю, ветер утих, и вся природа точно заново вымылась и освежилась. В такой прекрасный день невозможно было работать и я вышел побродить перед завтраком, чтобы насладиться чудным воздухом. Я шел по скалистой тропинке, ведущей к крутому спуску к берегу. За моей спиной кто-то окликнул меня и я увидел Гарольда Стэкхерста, приветливо махавшего мне рукой.

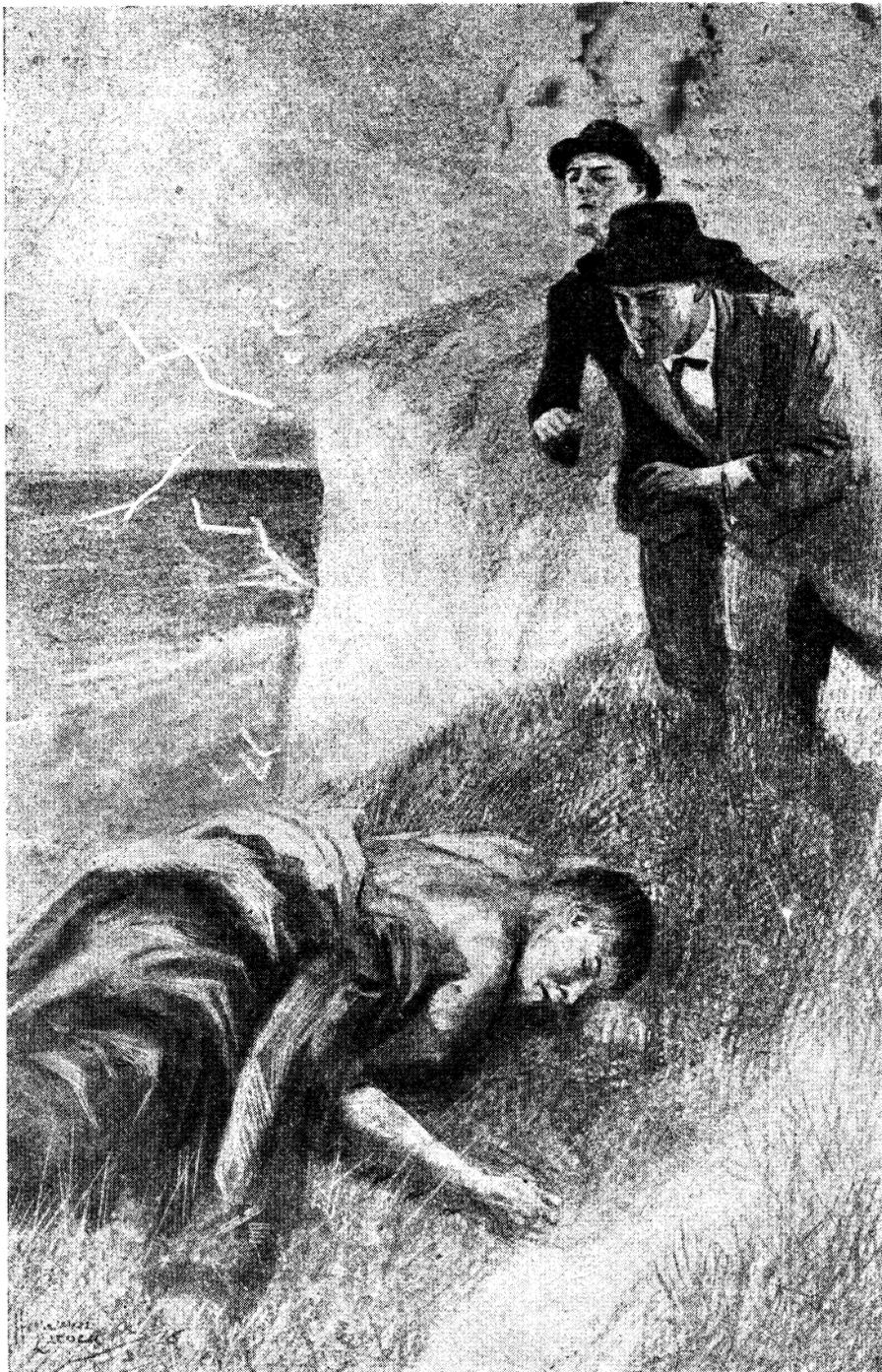
— Что за утро, мистер Холмс! Я был уверен, что встречу вас на прогулке.

— Я вижу, вы идете купаться.

— Вы опять за старую привычку, — засмеялся тот, похлопывая себя по оттопырившемуся карману. — Да. Макферсон вышел рано, и я надеюсь застать его там.

Фиррой Макферсон был преподаватель истории искусства. Он был

почений.

Мы с Стэкхерстом бросились к нему...

атлет по природе и отличался во всех играх, не требовавших особого напряжения. Жизнь ему отравляла сердечная болезнь, как следствие ревматизма. Но

и лето, и зиму он купался, и я, сам пловец, составлял ему часто компанию.

В это мгновение мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась

над скалой в том месте, где кончалась тропинка. Потом наверху вырисовалась и вся его фигура. Он качался, как пьяный. В следующее мгновение он взмахнул руками и с ужасным криком упал ничком.

Мы со Стэкхерстом бросились к нему, — он лежал в каких-нибудь пятидесяти ярдах от нас, — и повернули его на спину. Было совершенно очевидно, что он умирал. Глаза его стали стеклянными, а щеки мертвенно бледными. На мгновение лицо его ожило и он произнес два или три слова, точно желая нас предостеречь. Слова были неясны, но я уловил последние, вырвавшиеся криком с его губ:

— «Львиная грива»!

Это были совершенно бессмысленные, непонятные слова, но я услышал именно их. Макферсон приподнялся, взмахнул руками и упал на бок. Он умер.

Мой спутник онемел от неожиданности и ужаса. Но я, конечно, был уже весь настороже: перед нами был какой-то необыкновенный случай.

Макферсон был одет только в пальто, брюки и не зашнурованные полотняные туфли. Когда он упал, пальто, накинутое им на плечи, скользнуло и обнаружило его спину. Мы были поражены. Вся спина его была покрыта темнокрасными полосами, точно его исполосовали провололочной плетью. Орудие, которым производили эту экзекуцию, очевидно, было гибким, так как ребра и плечи Макферсона были охвачены длинными, извивающимися полосами. С подбородка его текла кровь. В мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Его искаженное лицо говорило, что агония эта была ужасна.

Я встал на колени, а Стэкхерст стоял возле меня, когда на нас упала тень и мы увидели возле нас Яна Мурдоха. Это был математик учебного заведения Стэкхерста, высокий, худощавый брюнет, такого сдержанного и мрачного характера, что никто не мог назвать себя его другом. Казалось, что он жил в каких-то абстрактных областях, далеких от жизни. Ученики смотрели на него, как на оригинала, и он стал бы для них

мишенью насмешек, но в нем была какая-то чужеземная кровь, проявлявшаяся не только в его смуглом лице и черных глазах, но и в странных вспышках, когда он бывал положительно свиреп. Как-то раз ему надоела собачка Макферсона. Он схватил ее и выбросил в окно. За такой поступок Стэкхерст, конечно, дал бы ему отставку, но он был очень ценным преподавателем, и это спасло его. Таков был странный человек, появившийся возле нас. Он казался искренно пораженным несчастным случаем, хотя по происшествию с собачкой можно было судить, что между ним и умершим не было особой симпатии.

— Бедняга! Бедняга! Чем бы я мог помочь?

— Вы были с ним? Можете вы рассказать, что произошло?

— Нет. Я опоздал сегодня утром. Я еще не был на берегу. Я шел сюда прямо из «Коньков». Чем бы я мог помочь?..

— Вы можете поспешить в полицию в Фулворсе. Надо сейчас же сообщить о происшедшем.

Он, не говоря ни слова, побежал в деревню, а я тотчас же взялся за дело, пока растерянный Стэкхерст оставался возле трупа. Первой моей задачей было установить, кто находился на берегу. С высоты тропинки я мог видеть весь берег, и он был совершенно пуст, если не считать две-три темные фигуры, двигавшиеся вдали к деревне Фулворс. Удовлетворившись в этом отношении, я медленно пошел вниз по тропинке. С мелом была смешана глина, и там, и сям я видел одни и те же следы, спускавшиеся и поднимающиеся. Этим путем никто больше не спускался сегодня к морю. В одном месте я заметил отпечаток раскрытой руки. Это могло только означать, что бедный Макферсон упал, поднимаясь по тропинке. Были и круглые следы, указывавшие на то, что он не раз падал на колени. Низу тропинки было порядочное озеро, образованное отливом. У этого озера Макферсон разделся, потому что там лежало на скале его полотенце. Оно было сложено и сухо, так что можно было думать, что он и не

входил в воду. Раза два я нашел на песке среди гальки отпечатки его туфель, а также голых ног. Этот последний факт указывал на то, что Макферсон приготовился к купанью, а подотенце свидетельствовало, что он не успел искупаться.

Передо мной была задача, не менее таинственная, чем любая из встречавшихся мне прежде.

Макферсон пробыл на берегу не больше четверти часа. Он разделся и собрался купаться. Потом вдруг кое-как накинуд на себя платье,—все на нем было растегнуто,—и побежал назад, не купаясь или, во всяком случае, не вытираясь. Причиной же этого было то, что на него напали, диким, бесчеловечным способом терзали, пока он не прокусил от страданий губу, и затем бросили человека, едва имевшего силы уползти и умереть. Кто совершил это варварское преступление? На берегу были, конечно, гроты в скалах, но солнце ярко освещало их и в них негде было скрыться. Были еще и отдаленные фигуры на берегу, но они казались слишком далекими, чтобы иметь что-нибудь общее столько что совершенным преступлением. Между ними и Макферсоном лежало озеро, подходившее к самым скалам. Невдалеке на море виднелись две-три рыбацьи лодки. Мы могли опросить рыбаков. Было несколько путей для следствия, но ни один не вел к цели.

Когда я вернулся к телу Макферсона, там уже собралась небольшая группа зевак. Стэкхерст все еще был там, пришел и Ян Мурдох с Андерсоном, полицейским чиновником из деревни. Это был большой, внушительного вида человек, скрывавший под молчаливой внешностью разумную голову. Он все выслушал, все записал и, наконец, отозвал меня в сторону.

— Я рад буду вашему совету, мистер Холмс. Это серьезная история и мне плохо придется от начальства, если я не справлюсь с ней.

Я посоветовал ему послать за его непосредственным начальником и за доктором. Кроме того, сказал, чтобы он не позволял ничего трогать на месте несчастного случая и чтобы тут было возможно меньше новых,

свежих следов. В это же время я осмотрел карманы умершего. Там был его носовой платок, перочинный нож и маленький бумажник. Из него выглядывал листок бумаги, который я развернул и передал полицейскому чиновнику. На нем было набросано женской рукой:

— Я буду там, можешь быть уверен. Моли.

Это было похоже на любовное свидание, но когда и где—оставалось неизвестным. Полицейский чиновник положил записку в бумажник и вместе со всеми остальными вещами—в карман пальто. Я не находил больше ничего достойного внимания и решил вернуться домой позавтракать.

Приблизительно через час ко мне зашел Стэкхерст и сообщил, что тело Макферсона перенесли в «Коньки», где будет вестись следствие. Он прибавил кое-какие серьезные новости. Он нашел в столе Макферсона некоторые бумаги, говорившие об его интимной переписке с некоей мисс Беллами из Фулворса.

— Письма я не мог взять с собой,—сказал Стэкхерст,—но нет сомнения, что тут была серьезная любовная история. Я не вижу только, что тут общего с этим ужасным случаем.

— Да, я не думаю, чтобы ему назначали запиской свидание на берегу, где все мы, обыкновенно, купаемся,—заметил я.

— По странному случаю,—сказал Стэкхерст,—никто из учеников не был с Макферсоном.

— Случай ли это?

Стэкхерст нахмурил лоб.

— Ян Мурдох задержал их,—сказал он.—Он настоял на занятиях по алгебре перед завтраком. Бедняга страшно подавлен этим.

— Но мне кажется, что они не были друзьями?

— Одно время—нет. Но уже с год Мурдох так сблизился с Макферсоном, как только был в состоянии сблизиться. Он, ведь, по натуре не очень общителен.

— Я это знаю. Помнится, вы рассказывали мне про какую-то историю с собачкой.

— Это кончилось вполне миролюбиво.

— Но, быть может, оставило какие-нибудь враждебные чувства?

— Нет, нет. Я уверен, что они были искренними друзьями.

— Тогда нам нужно исследовать, как обстоят дела с этой девушкой. Вы ее знаете?

— Ее все знают. Она — местная красавица, настоящая красавица, Холмс, которая везде обратила бы на себя внимание. Я знал, что Макферсон увлекался ею, но я и не подозревал, что дело зашло так далеко.

— Но кто же она?

— Она дочь старого Тома Беллами, которому принадлежат все лодки и купальные кабинки в Фулворсе. В былые времена он был рыбаком, теперь же он человек с весом. Он ведет дело вместе со своим сыном Вильямом.

— Не пойти ли нам к ним в Фулворсе?

— Под каким предлогом?

— О, мы легко найдем предлог. У бедного Макферсона был ограниченный круг знакомых. Проследим по всем направлениям, и мы, в конце концов, нападём на верный путь.

Дорога по дюнам, благоухавшим тмином, была бы очень приятной, если бы наши мысли не отвлекала происшедшая трагедия.

Деревня Фулворс расположена полукругом по заливу. Позади старых хижин в гору поднимались новые дома. К одному из них меня и провел Стэкхерст.

— Вот «Гавань», как называет свой дом Беллами. Вон тот, с башней на углу и черепичной крышей. Не плохо для человека, начавшего с... Взгляните-ка, взгляните!

Ворота «Гавани» раскрылись и из сада вышел человек. Нельзя было не узнать эту высокую, угловатую фигуру. Это был Ян Мурдох. Мгновение спустя мы встретились с ним на дороге.

— Алло! — крикнул Стэкхерст. Ян Мурдох кивнул головой, боком посмотрел на нас своими странными, темными глазами и прошел бы мимо, если бы директор не остановил его.

— Что вы там делали? — спросил он Яна.

Лицо Мурдоха покраснело от раздражения.

— Я подчинен вам под вашим кровом, сэр. Но я не нахожу нужным отдавать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стэкхерста были напряжены. Иначе он, может быть, воздержался бы. Но тут он окончательно потерял самообладание.

— При настоящих обстоятельствах — ваш ответ дерзость, мистер Мурдох.

— Ваш собственный вопрос можно было бы счесть тем же самым.

— Я не в первый раз наталкиваюсь на ваше непочтительное отношение. Это, конечно, будет последний. Вы потрудитесь возможно скорее найти себе новые занятия...

— Я уже намеревался это сделать. Сегодня я потерял единственного человека, который делал для меня возможной жизнь в «Коньках».

Он пошел своей дорогой, а Стэкхерст смотрел ему вслед рассерженным взглядом.

— Что за невозможный, невыносимый человек! — воскликнул он.

На меня произвело сильное впечатление то, что Ян Мурдох пользовался первым случаем, чтобы исчезнуть с места преступления. Нелюбое, туманное подозрение начинало принимать в моей голове более определенные формы. Может быть, посещение семьи Беллами бросит луч света на события. Стэкхерст взял себя в руки и мы подошли к дому.

Мистер Беллами оказался человеком средних лет с огненно-красной бородой. Он был в очень раздраженном состоянии духа и лицо его скоро так же покраснело, как волосы.

— Нет, сэр, я не желаю слушать никаких подробностей. Мой сын, — он указал на крепко-сколоченного молодого человека с упрямым, неприветливым лицом, — такого же мнения, как и я, что внимание мистера Макферсона к Мод было оскорбительно. Да, сэр, слово «брак» никогда не произносилось, и все-таки были письма, свидания и многое, чего мы не могли одобрять. У нее нет матери и мы ее единственные заступники. Мы решили...

Но слова его были прерваны появлением самой Мод. Не было сомнения, что эта девушка украсила бы собой любое общество. Кто бы подумал, что такой редкий цветок вырос

ни один молодой человек не повстречается с ней в жизни безнаказанно. Такова была девушка, стоявшая теперь перед Гарольдом Стэкхерстом.

— Я уже знаю, что Фицрой умер,—

— Приведите преступников к ответу, мистер Холмс,—сказала Мод.

от такого корня! Женщины меня редко привлекали. Мой разум всегда главенствовал над сердцем. Но, глядя на ее правильные черты лица, на нежную свежесть ее кожи, я понял, что

сказала она.—Не бойтесь рассказать мне подробности.

— Нет никаких оснований вмешивать мою сестру в это дело,—проворчал молодой Беллами.

Сестра окинула его угрожающим, строгим взглядом.

— Это мое дело, Вильям. Будь добр, не вмешивайся. По всем сведениям, тут совершено преступление. Если я могу помочь найти убийцу, это самое меньшее, что я могу сделать для умершего.

Она выслушала короткий рассказ моего спутника с таким спокойным вниманием, что я понял, что вместе с красотой она обладает и сильным характером. Она, очевидно, знала уже меня потому, что под конец обратилась ко мне.

— Приведите преступников к ответу, мистер Холмс,—сказала она,— моя симпатия на вашей стороне, кто бы они ни были.

Мне показалось, что она с вызовом взглянула на отца и брата.

— Благодарю вас,—сказал я. Но вы говорите:—«они». Вы думаете, что тут замешено больше, чем один человек?

— Я хорошо знала мистера Макферсона и знаю, что он был смелым и сильным. Один человек не мог бы так оскорбительно расправиться с ним.

— Не могу ли я поговорить с вами наедине?

— Я говорю тебе, Мод, чтобы ты не вмешивалась в это дело,—сердито закричал отец.

— Как же мне быть?—она беспомощно взглянула на меня.

— Весь мир скоро узнает эту историю, значит, не может быть ничего плохого в том, что мы публично обсудим здесь совершившееся,—сказал я.— Если ваш отец не желает, чтобы мы говорили наедине, мне придется покориться этому.

Я упомянул про записку, найденную в кармане умершего.

— Я не вижу тут никакой тайны,—сказала девушка.—Мы были обручены, но держали это в секрете, так как боялись, что дряхлый дядя Фицроя лишит его перед смертью наследства. Других причин не было.

— Ты могла бы сообщить нам,—пробурчал Беллами.

— Я бы и сделала это, отец, если бы ты когда-нибудь выражал нам симпатию.

— Я против того, чтобы дочь моя имела что-нибудь общее с мужчинами другого круга.

— Мы не говорили тебе про наши отношения потому, что ты был предубежден против него. Записка же была ответом на это...

Она вынула из кармана смятый листок бумаги.

— Дорогая,—гласило письмо,—в пятницу, на старом месте, на берегу. Я только в это время могу освободиться. Ф. М.

— Пятница—сегодня, и мы должны были встретиться сегодня вечером.

— Но эта записка, конечно, была получена вами не по почте. Как вы ее получили?

— Я бы не хотела отвечать на этот вопрос. Это совсем не касается совершенного преступления. На все, что нужно, я отвечу тотчас же.

Она действительно отвечала на все вопросы, но это нам ничего не разъяснило.

— Разрешите спросить, не был ли мистер Ян Мурдох врагом Макферсона?—задал я вопрос.

Она покраснела.

— Одно время я так думала. Но все изменилось, когда он понял, какие отношения между Фицроем и мною.

Снова стала сгущаться тень, окружавшая в моих глазах этого странного человека. Необходимо обыскать его комнаты. Стэкхерст охотно согласился помогать мне, так как и у него возникли сомнения.

Мы вернулись домой с надеждой, что один конец нити в этой трагедии уже в наших руках.

Прошла неделя. Следствие не бросило на дело и луча света. Стэкхерст секретно навел справки о своем подчиненном и был произведен обыск в его комнатах, но безрезультатно. Даже мое воображение отказывалось найти разгадку тайны. Тут произошел случай с собакой.

Первой услышала про него моя старая эконожка по тому удивительному беспроволочному телеграфу, который сообщает новости деревенским жителям.

— Какая грустная история с собакой мистера Макферсона, сэр,— сказала она мне как-то раз вечером.

— Что это за история?

— Собачка подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

— Кто вам это сказал?

— Да об этом все говорят, сэр. Она всю неделю ничего не хотела есть. А сегодня двое молодых людей из «Коньков» нашли ее подохшей. И на том самом месте, где умер ее хозяин.

— «На том самом месте». Эти слова произвели на меня сильное впечатление. Что-то подсказало мне, что этот случай имеет большое значение. Почему стал пустынный берег роковым и для собаки? Возможно ли, что и она пала жертвой какой-то мести?

Несколько минут спустя я уже шел по дороге к «Конькам», где попросил Стэкхерста дать мне возможность переговорить с учениками, видевшими труп собаки.

— Да, собака лежала на самом берегу,— сказал один из них.— Она, должно быть, искала следов своего хозяина.

В зале на полу лежал труп маленького, верного существа. Члены его были скрючены, глаза вылезали из орбит.

Из «Коньков» я отправился на берег. Солнце зашло и черная тень скалы падала на воду. Место было пустынное и оживляли его только две чайки, с криками кружившиеся над головой. Я задумчиво стоял у воды, а сумрак все сгущался. Голова моя была полна разнообразных мыслей. Наконец, я повернулся и пошел домой.

Я поднялся по тропинке наверх, когда меня вдруг осенило.

Пришедшая мне в голову мысль была невероятна и все же тут могла быть истина.

В моем домике есть большой чулан, полный книг. Я засел в нем на целый час. К концу этого времени я вышел с маленькой книгой в коричневом с серебром переплете. Я нетерпеливо переворачивал листы, отыскивая то, что меня интересовало. Я лег спать поздно, с нетерпением ожидая завтрашнего дня.

Но моей работе встретилась неприятная помеха. Не успел я напиться кофе, как мне нанес визит инспектор Суссекской полиции. Это был солидный, уравновешенный человек с задумчивыми глазами, которые смотрели на меня теперь с некоторым смущением.

— Я знаю ваш огромный опыт, сэр, и пришел к вам совершенно частным образом. Дело в том, нужно ли произвести арест или нет?

— Вы подразумеваете мистера Яна Мурдоха?

— Да, сэр. Больше не на кого думать. Кто же, если не он?

— Какие у вас улики?

Он шел по тому же пути, что и я. Характер Мурдоха внушал подозрения. Кроме того, он мог ревновать Макферсона к мисс Беллами и ссорился в прошлом с Макферсоном.

— Каково будет мое положение, если я дам ему скрыться?— Флегматичный человек переживал большое смятение.

— Проследите,— сказал я ему,— какие ошибки могут быть в ваших подозрениях. Утром в день преступления Мурдох был со своими учениками. Кроме того, он один не мог так оскорбительно расправиться с сильным Макферсоном. Наконец, представляется вопрос, каким орудием было совершено преступление.

— Это могла быть только какая-то плеть.

— Вы рассмотрели знаки?— спросил я.

— Мы оба с доктором видели их.

— Вы заметили некоторые особенности этих знаков?

— Какие, мистер Холмс?

Я вынул из своего бюро увеличенную фотографию.

— Вот, рассмотрим эту полосу, охватывающую плечо Макферсона.

— Я не вижу ничего особенного.

— Нет сомнения, что полоса эта не везде ровная. Вот тут и тут выступают капельки крови как от укула. Такие же капельки выступают и на другой полосе.

— Что же это значит?

— У меня есть свои соображения, но я буду молчать до поры до вре-

мени, пока у нас не будет более серьезных оснований для суждения.

— Когда же это будет?

— Через час, может быть и скорее.

— Не имеете ли вы в виду мистера Беллами и его сына?

— Нет, нет, я ничего не скажу, пока у меня не будет все подготовлено,— сказал я, улыбаясь.— Может быть, вы придете ко мне в полдень?..

Стэкхерст. Он был почти так же расстрепан, как и Мурдох.

— Да, да, водки!— крикнул он.— Мурдох умирает. Я едва его дотащил сюда. Он дорогой два раза падал в обморок.

Спирт произвел чудесное действие. Мурдох приподнялся и сорвал с плеч пальто.

— Умоляю,— дайте морфию или

Мы с инспектором невольно вскрикнули. На обнаженных плечах Мурдоха были огненные полосы, как и у Макферсона...

Слова мои были прерваны, и этим было положено начало концу всего следствия.

Дверь моя распахнулась настежь, в коридоре послышались спотыкающиеся шаги и в комнату вбежал бледный, расстрепанный Мурдох. Одежда его была в беспорядке, он хватался руками за мебель и кричал:

— Водки, водки!

Потом он со стоном упал на диван. Следом за ним, задыхаясь, вбежал

опиума —закричал он.— Что-нибудь, что избавит меня от этих адских мук.

Мы с инспектором невольно вскрикнули. На обнаженных плечах Мурдоха были те же огненные полосы, которые отпечатались и на спине Макферсона.

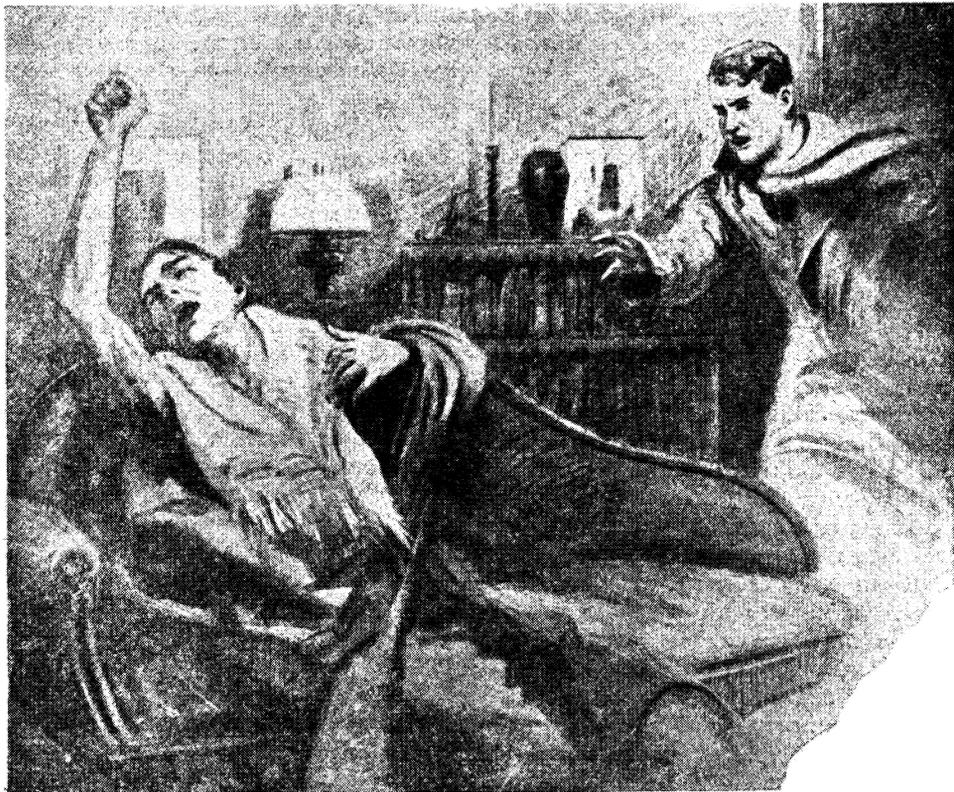
Боль была, очевидно, ужасная. Мурдох по временам переставал дышать, лицо его чернело. Он мог умереть каждую минуту. Ему вливали в рот водку, еще, и еще, и приложили к

плечам компрессы с оливковым маслом. Голова его, наконец, тяжело опустилась на подушку. Это был полусон, полубморок; но он все же облегчал его страдания.

— Где вы нашли его? — спросил я Стэкхерста.

— На берегу! На том же самом месте, где умер Макферсон. До «Коньков» было далеко и я привел его к вам.

гуськом следовали за мной. У берега было совсем мелко, но у скалы—фута четыре глубины. Конечно, сюда должен был направиться пловец. У подножия скалы вилась тропинка, и я пошел по ней, внимательно заглядывая в кристально-прозрачную глубину. Я дошел до самого глубокого и тихого места заливы, когда увидел то, что искали мои глаза.

Мурдох со стоном упал на диван. — Водки, водки! — кричал он...

— Вы видели его у воды?

— Да, он шатался из стороны в сторону, как пьяный. Я побежал вниз, накинул на него пальто и кое-как дотащил сюда.

— Я думаю, что мы, наконец, попали на убийцу. Идемте, Стэкхерст, и вы тоже, инспектор.

Оставив несчастного Мурдоха на попечении экономки, мы втроем отправились на берег моря. На камнях лежала одежда Мурдоха. Я медленно пошел по берегу, а мои спутники

— Суанеа! — воскликнул я. — Суанеа! Смотрите на «Львиную гриву»^{*}).

Странный предмет, на который я указывал, был, действительно, похож на спутанный пучок волос, вырванный из львиной гривы. Он лежал на

^{*} Примечание переводч.: Суанеа *Sarillata* — «Волосатая дианеа», вид медузы. Она немного тяжелее воды и во время пауз покоя погружается. Сокращение зонтика у медуз или акалеф, как их иначе называют в естествознании, — совершается беспрерывно в виде равномерных ритмических движений.

выступе скалы, фута на три под водой. Это было странное, развешивающееся, волосатое существо с серебряными нитями в желтых космах. Оно пульсировало медленным и тяжелым сжиманием и разжиманием.

— Оно причинило достаточно вреда, — крикнул я. — Дни его кончены. Помогите мне рассчитаться с убийцей!

На самом краю тропинки лежал большой камень. Мы столкнули его в воду и, когда поверхность воды успокоилась, увидели, что камень упал на выступ внизу. Желтые щупальцы, торчавшие из-под камня, указывали на то, что жертва наша под ним. Маслянистая густая жидкость выдавилась из под камня и медленно поднялась на поверхность, омрачая воду.

— Что это такое, мистер Холмс? — спросил инспектор. — Я местный уроженец, но никогда не видал здесь ничего подобного.

— Юго-западный шторм занес сюда это чудовище. Пойдемте ко мне домой и я познакомлю вас с ужасными переживаниями человека, имеющего основания помнить встречу с таким же ужасом морей.

Когда мы вернулись домой, Мурдох уже сидел в кресле. Но по временам от боли его сводили судороги. Он сказал нам, что не имеет понятия, что с ним случилось. Купаясь, он вдруг испытал невыносимые муки и бросился из воды на берег.

— Вот книга, — сказал я, — которая внесла свет в то, что навеки могло бы остаться во мраке. Это — «На свежем воздухе» знаменитого Ж. Р. Вуда. Автор сам едва не погиб от встречи с отвратительным существом — *Suanea Capillata*. Это чудовище не менее опасно, чем кобра, но причиняет гораздо более мучительную смерть. Вот, в коротких словах, что говорит автор книги:

— Если пловец увидит круглую массу, похожую на спутанную львиную гриву, то пусть он остерегается; это — страшная *Suanea Capillata*. Вуд говорит, что всякий, находящийся не дальше пятидесяти футов от смертоносного морского чудовища, рискует жизнью. Даже на расстоянии Вуд испытал ужасную силу его. Множество нитей прошивали на коже тонкие багровые

линии, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались усеянными кровавыми точками. В каждой такой точке была точно раскаленная иглолка, жгущая нерв. Местная боль все же была, по его словам, наименьшим страданием. Страшная боль пронизала ему грудь, и он упал, точно подкошенный пулей. Пульс остановился и сердце делало несколько таких скачков, точно хотело выскочить из груди.

Это чуть не убило его, хотя он и повстречался с чудовищем в волнующемся океане, а не в тесных водах тихого заливчика. Вуд рассказывает, что с трудом узнавал себя потом. Лицо его было искажено и совершенно бескровно. Он проглотил целую бутылку водки и это поддержало его. Вот книга, инспектор. Вы не станете сомневаться, что она разъясняет трагедию бедного Макферсона.

— И оправдывает меня, — с измученной улыбкой сказал Мурдох. — Я никого не осуждаю, но чувствую, что меня спасло от ареста только то, что я разделил участь своего друга.

— Нет, мистер Мурдох, — сказал я. — Я уже раньше напал на следы настоящего убийцы и спас бы вас от испытанных вами страданий, если бы вышел раньше из дому.

— Но как же вы узнали, мистер Холмс?

— Я очень люблю читать и у меня удивительная память на мелочи. Я все раздумывал над словами: «Львиная грива». Я помнил, что где-то слышал нечто подобное. Как видите, слова «Львиная грива» характеризуют ужасное морское чудовище. Я не сомневаюсь, что оно плыло в воде, когда Макферсон увидел его, и он только этими словами успел предупредить нас о том, что убило его.

— Так я во всяком случае оправдан, — сказал Мурдох, медленно вставая, — но я хочу дать вам некоторые пояснения, так как знаю, по какому направлению велось следствие. Это правда, что я любил мисс Беллами, но с того дня, как она избрала Макферсона, моим желанием было помочь их счастью. Я довольствовался ролью посредника между ними. Я часто носил ей от него записки и поторопился

сам сообщить ей о смерти Макферсона, чтобы другой не сделал этого более грубо. Она не хотела вам говорить про наши отношения, боясь как-нибудь повредить мне. Теперь я должен с вашей помощью вернуться в «Коньки» и лечь в постель.

Стэкхерст протянул ему руку.

— Простите меня, Мурдох. Мы вперед лучше будем понимать друг друга!

Они вышли, дружески взявшись под руку. Инспектор остался со мной и молча смотрел на меня своими бычачьими глазами.

— Я читал про вас,—воскликнул он,—но никогда не верил. Вы удивительный человек!

Я принужден был покачать головой.

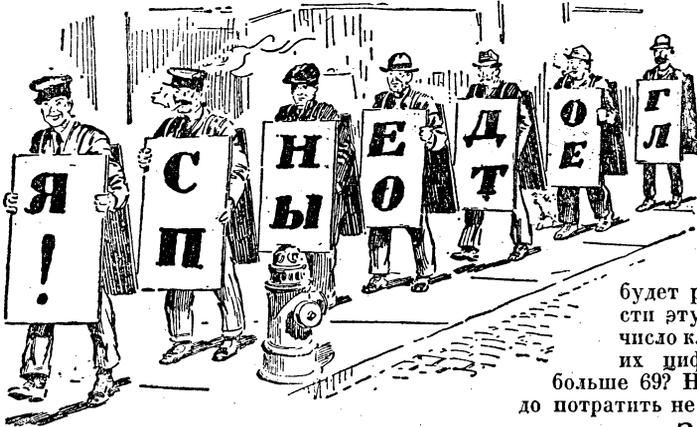
— Я был преступно медлителен в этом деле. Если бы труп нашли в воде, я бы скорее открыл истину. Меня смутило полотенце. Бедняга не мог и думать о вытирании, а я решил, что он не купался. Вот мне и не пришло в голову нападение какого-нибудь морского животного. Вот где была ошибка. Что ж, инспектор, я частенько смеялся над вами, полицейскими, а Суанеа Capillata едва не отомстила за вас.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 10.

Перепутанная реклама (испытание быстроты соображения).

Группа ходячих реклам с буквами, образующими два слова, перепутала свою оче-

редь. В каком порядке нужно их расположить, чтобы из букв на плакатах получилось два слова рекламы? (См. стр. 80).

Задача № 11.

Вот легкая задача на числа. Эта колонка слагаемых чисел написана неправильно, но сумма 99 верна. В колонке должно быть не 5, а 9 слагаемых, состоящих из тех же цифр. Как надо разбить напечатанные здесь цифры? Хороший математик должен ответить на это в 5 минут. (См. стр. 80).

1
23
45
67
89
99

Задача № 12

Как быстро Вы умеете считать? На этой задаче Вы можете проверить свои способности. Квадрат разделен на 16 клеток с цифрами. Через квадрат проведена прямая линия, задевающая 7 клеток, сумма цифр которых (8, 12, 14, 10, 16, 3, 6)

2	9	5	6
15	7	16	3
12	14	10	11
8	4	1	13

будет равна 69. Нельзя ли провести эту линию иначе, через любое число клеток, но так, чтобы сумма их цифр была по возможности больше 69? На решение этой задачи надо потратить не более 7 мин. (См. стр. 80).

Задача № 13.

Рисунок изображает морскую зону, испещренную рифами. Читателю предлагается 4 минуты, чтобы провести кратчайшую линию морского пути, идущую от вершины прямоугольника к одной из его сторон и спускающуюся к его основанию. Это дало бы возможность судну совершить два прямых рейса всего только при одном повороте (Решение см. на стр. 80).

СТРАШЛИВЫЙ ЗАГОВОР

Рассказ Вл. ФЕФЕРА

Иллюстрация М. Мазирнюка

Вапин бросил писать стихи и написал сценарий.

Директор кино-фабрики покопался в памяти:

— Вапин? Да, читал. У вас масса фантастики и ненужного авантюризма. Наше кино преследует не те цели, какие ставит себе западная Европа. Нам нужен революционный сценарий. Допустим и жизненный авантюризм, основанный на фактах, возьмите наши картины о бандитских выступлениях, контр-революционных заговорах и т. д. Ваш сценарий абсолютно некинематографичен. У вас, например, разговаривают дома. Как вы это передаете в съемке? Нет, не пойдет.

Вапин не меньше директора знал, как ценят хороший сценарий, к тому же имеющий реальное основание. Поэтому он лихорадочно обрадовался многообещающему сюжету, так неожиданно полезшему ему в руки.

Он — незаметный человек, не обладающий ни тонкой проницательностью, ни дьявольской хитростью, — оказался не только свидетелем, но и как бы невольным участником контр-революционного заговора.

Произошло это ночью 28 октября. Возвращаясь домой на окраину города, Вапин неожиданно натолкнулся на группу хмурых людей, подозрительно на него покосившихся из-за поднятых воротников.

Обрывки разговора при его приближении смолкли, но успели долететь несколько подозрительных, злобных слов:

— Скоро конец нашим мученьям!

— Будем надеяться.

Лица совсем ушли в воротники. Одна из фигур что-то быстро спрятала под пальто.

Смутные догадки Вапина подтвердились, когда ветер донес шопот: Давно пора.

Вапин представил себе выигранный кусок фильма:

«Заговорщики назначают время выступления, районные штабы ждут сигнала. Охрана города ни о чем не догадывается. Охрана может быть играет в карты, после обхода, когда ничего подозрительного, кроме свистящего ветра, не обнаружено».

А ветер давал себя чувствовать, он боролся с поднятыми воротниками, грозил разнести слова и открыть тайну так же, как помог Вапину подслушать разговор.

Ветер баламутил чернила блестящих луж и кожано поскрипывал деревьями.

Колючая вода так и норовила пробраться внутрь сапог и, если ей это не удавалось, оставляла злобные слезы, рассеивалась в сером воздухе, чтобы опять быть подхваченной бешеным ветром.

Группу заговорщиков могли выгнать на бушевавшую улицу только серьезные события. Вапин решил, хотя бы с опасностью для жизни, разведать все, что возможно.

Он зашел в переулок и, постояв в подмоченных воротах у старчески трясущегося желоба, отвернул воротник, изменил походку, форму шапки, и решительно подошел к группе, как свой человек.

Решительность эта видимо обманула заговорщиков.

— Вы тоже к нам? Ну, как?

— Ничего нового, — ответил Вапин.

Послышались ругательства. Видимо ждали прибытия главаря и терпели терпение.

Вапин запомнил куски фильма:

«Главарь, огромный человек с большими усами и пистолетами за поясом, бывший генерал, перехвачен. Борется, как тигр. Заговорщики ждут.

Срок выступления наступает. Главварь побеждает, но дороге ему преграждает поток. Размыло мост. Генерал борется с волнами».

Заговорщики, давно уже договорившиеся обо всем, действительно, теряли терпение:

— Чорт возьми, неужели же?.. — многозначительно спросил один.

Ужасная догадка передалась остальным.

Протестовали слабо.

Часы, чуть не выбитые порывом ветра из темных рук, показывали, что срок давно истек. Деревья поскрипывали еще жалобнее, казалось — они жалели этих обманутых людей.

— Довольно бесплодных ожиданий!

— Может быть без него?

Вапину хотелось удержать от выступления хотя бы на несколько минут.

— Ни за что — закричал он, — пождем. Я сейчас узнаю по телефону.

— А номер?

— Знаю, будем надеяться, что вязь не порвана.

Он рванулся вдоль улицы, ветер свистел в ушах, бросался под ноги, луна мчалась повсклокоченному небу.

На посту милиционера нет.

«Сообщники сняли. Поздно».

В голове Вапина сценарий мешался действительностью и мысли мча-

лись, как зловещая луна по обрывкам туч.

«Герой, попавший к злодеям, не может предотвратить катастрофу. Поздно, Предводителю не доверяют. Надежда на раскол внутри самих заговорщиков. Герой решается передать ложные сведения».

Вапин бросился обратно.

— Ну что? Что?

— Все потеряно. Негодяй предал нас. Он — провокатор. Надо предотвратить бесплодное кровопролитие. Дело проиграно. Мы должны предупредить товарищей. Он — провокатор.

Заговорщики онемели. Машинально они переспросили:

— Кто?

— Тот, кого вы ждете, — решительно произнес Вапин.

Дьявольские возгласы послышались в ответ.

Потрясенная, одна из фигур, та, что боязливо спрятала при его приближении сверток под пальто, подошла вилотную к Вапину так, что он попятился, и с сумасшедшим хохотом произнесла:

— Мы ждем не того, что вы думаете.

— Кого же? Кого?

— Мы ждем трамвая...

И, вынув из-под полы шляпу,

темная фигура проверила, не намочла ли она окончательно.

Объявление о Литературном Конкурсе
на 3.150 руб. (первая премия—1.000 руб.)

см. в №№ 8 и 9 за 1926 и в № 1 за 1927 г.

„Мира Приключений“.

ХОРОШАЯ ДЕЛОВАЯ ГОЛОВА

Рассказ П. Ж. ВУДХАУЗА.

У каждого народа—свой юмор, и юмор английский или немецкий сильно отличается от русского не только внешними чертами, но и характером, и глубиной. Даже самые приемы авторов различаются, отражая в известной мере национальные свойства.

Имя Вудхауза, как писателя юмориста, делается очень популярным на его родине. В каждом почти номере лучших английских ежемесячников появляются его рассказы. Многие считают его конкурентом прославившегося Джекобса. И в России начали переводить модного в Англии писателя.

Здесь мы даем один из последних рассказов Вудхауза, типичный для его жанра.

— Я ничего не понимаю, — сказал я. — Как случилось, что я сижу здесь и чуть не лопаюсь от великолепного обеда, который устроен на счет твоей тетушки?

— Очень просто, голубчик. Я выразил желание провести с тобой сегодня время и она сразу же согласилась.

— Но почему? Она никогда не позволяла тебе приглашать меня в свой дом. Она, ведь, не выносит меня.

Экридж сделал глоток портвейна.

— Да суть-то дела в том, Корки, — сказал он в порыве откровенности, — что за последнее время произошли события, в результате которых у нас с тетушкой Юлией занялась заря новой жизни. Я не преувеличиваю, если скажу, что тетушка ест теперь из моих рук и превратилась меньше, чем в пыль под моими колесами. Я расскажу тебе эту историю. Она может тебе пригодиться на твоём жизненном пути. Все это только показывает, что как бы ни были черны тучи, ничто не может причинить вреда человеку с хорошей деловой головой...

— Да говори же скорее, в чем дело. Что произошло?

Экридж задумался, потом сказал:

— Я полагаю, что все началось с того момента, как я заложил брошь...

— Ты заложил брошь своей тетушки?

— Да.

— И вот почему ты стал ей так дорог?

— Не торопись. Дай мне начать с самого начала. Ты встречал когда-нибудь человека, прозванного Джо Законник?

— Нет.

— Здоровый парень с лицом, как решето?

— Никогда не встречал такого. Но что же он делает? Принимает в заклад чужие броши?

— Мне неприятно слышать, когда друг говорит таким тоном, — обиженно сказал Экридж. — Когда мы дойдем в моем рассказе до этого места, ты увидишь, что с моей стороны было вполне естественно и честно заложить тетушкину брошь. Как бы я мог иначе купить полсобаки?

— Пол какой собаки?

— Ах, я тебе еще ничего не сказал про собаку? Я все путаю. Не с того конца начал рассказывать. Ведь все дело-то тут в собаке. Ну, слушай. Этот дубина Джо Законник — букмэкер, с которым я иногда имел дело. Но до того дня, с которого начинается рассказ, мы с ним никогда близко не сходились. В тот день я случайно заглянул в Бедфорд-Стрит бodega *), застал его там и он предложил мне стакан старого красного вина.

Ты сам знаешь, голубчик, что значит иной раз выпить стакан старого вина. Ну, я и согласился с большим удовольствием.

*) Кабачек.

— Хороший денек! — сказал я.

— Да, — говорит эта дубина, — хотите разбогатеть?

— Конечно.

— Так слушайте, — говорит он. — Знаете кубок Ватерлоо? Я получил от одного из своих клиентов собаку, которая выиграет кубок. Про эту собаку умалчивали, но можете положить на меня, что она выиграет кубок Ватерлоо. А тогда что? Тогда она кое-что получит! Это будет ценная собака. Она будет стоить денег. Слушайте! Хотели бы вы войти со мной в пай и

купить пол-собаки?

— Очень хотел бы.

— Так половина собаки ваша.

— Но у меня нет денег.

— Вы хотите сказать, что не можете затратить 50 фунтов?

— Я не могу затратить пяти.

Джопосмотрел на меня взглядом

отца, который оскорблен в своих лучших чувствах, допил вино, встал и ушел. Я тоже пошел домой.

Можешь себе представить, что я не мало размышлял по дороге. Никто не откажет мне в том, что у меня есть широка взгляд, ведущая к обогащению. Я сразу чувствую, где может быть хорошее дело, и я понял это. Но вопрос был в том, где мне найти нужные средства? Это всегда было для меня камнем преткновения.

Я стал спрашивать себя, какие у меня имеются источники дохода.

Если, например, умело подойти к Джорджу Тепперу, у него можно заполучить пять фунтов. Ты бы тоже не отказал мне в нескольких шиллингах. Но пятьдесят фунтов!

Странно сказать, тетушка Юлия была единственным источником, о котором я не думал. Ты знаешь, что у нее особый взгляд на деньги. Она меня кормит,

одевает, дает мне возможность жить у нее в доме, но никогда не подарит мне ни

одного цента. И все же вопрос разрешила именно тетушка Юлия. Так было суждено, Корки.

Когда я вернулся домой, тетушка укладывалась. Она собиралась в турне читать свои лекции.

— Стэнли, — сказала она мне, — я чуть было не забыла. Зайди завтра к Мергетройду на Бонд-Стрит и возьми там мою бриллиантовую брошь. Она у них в починке. Привези ее сюда и запири в ящик моего бюро. Вот ключ. Ты запрешь ящик и пошлешь мне ключ заказной посылкой.

Как видишь, все очень хорошо разрешалось. Кубок Ватерлоо будет выигран задолго до возвращения тетушки. Все, что мне нужно сделать, это заказать второй ключ, чтобы положить в бюро брошку, когда я ее выкуплю. Мой план был безукоризнен.

Я проводил тетушку на вокзал, прошел к Мергетройду, взял брошь, отнес ее в заклад и в первый раз за много недель очутился в хорошем финансовом положении. Я вызвал по телефону Джо Законника, покончил дело с собакой и встал, таким образом, одной ногой уже на ступень лестницы фортуны.

Но в этом мире, Корки, никогда ничего нельзя предвидеть. Два дня спустя меня вызывают к телефону. Я всю жизнь буду помнить эту минуту.

Это был Джо Законник.

— Слушайте... Помните собаку, которая должна была выиграть кубок Ватерлоо?

— Да.

— Так она уже не выиграет.

— Почему?

— Потому, что она подохла.

Мне не стыдно сказать тебе, Корки, что я чуть не упал в обморок.

— Подохла! — воскликнул я, наконец.

— Подохла!

— Не может быть?

— Подохла!

— А как же мои пятьдесят фунтов?

— Они остаются мне.

— Как?

— Конечно, мне. Раз покупка состоялась, дело уже конченное. Я законы знаю. Меня потому-то и прозвали Джо Законник. Но я вот что могу для вас сделать. Пришлите мне письмо, в котором вы отказываетесь от всех прав на собаку и я вам дам пять фунтов. Я обворую себя самого, но уж такой я человек. Я Джо — доброе сердце, и больше не будем об этом говорить.

— Но отчего же собака подохла?

— От воспаления в легком.

— Я ни за что этому не поверю.

— Не верите моему слову? Так приходите ко мне в конюшню и посмотрите сами!

Я отправился и увидел остаток собаки. Сомнения быть не могло. Я тогда написал письмо, получил пять фунтов и вернулся домой, раздумывая о том, как бы поправить свою разбитую жизнь.

Тетушка скоро вернется и спросит брошь. И хоть я плоть и кровь ее, и она качала меня на коленях, когда я был ребенком, она вряд ли выслушает с христианским терпением новость о том, что я заложил ее брошь для того, чтобы купить пол-дохлой собаки.

На следующий день утром ко мне впорхнула мисс Анжелика Вининг, поэтесса.

Это существо женского рода, сухопарое и с лошадиными зубами. Она два раза обедала при мне у тетушки. Они были закадычными подругами.

— С добрым утром, — говорит эта холера вся в улыбочках. — Что за божественный день! А я приехала за брошкой вашей тетушки.

Я схватился рукой за роаль.

— Вы приехали зачем? — сказал я.

— Сегодня бал в клубе «Пера и Черил» и я телеграфировала вашей тетушке, могу ли я надеть ее брошь. Она ответила, что могу. Брошь у нее в бюро.

— Которое, к несчастью, заперто.

— Ваша тетушка прислала мне ключ. Он у меня в сумочке.

Она открыла сумочку, Корки, но счастье вдруг пожелало мне улыбнуться. Дверь открылась и в комнату вбежала одна из собачек тетушки.

Собаченка вытаращила глаза на мою гостью, а ту разорвало, как бутылку с содовой водой.

— Ах, ты моя прелесть! — зажурчала она.

Она положила свою сумочку на стол и схватила на руки собачку. Та попробовала ускользнуть от нее, но гостья крепко вцепилась в нее.

— Ах, душка! — восклицала мисс Вининг.

Она повернулась ко мне спиной, Корки, а я схватил сумочку, нашел ключ, спрятал его в карман и встал в позу номер первый.

К этому времени моя гостья снова вернулась к действительности.

— Мне нужно торопиться, — сказала она, — я поскорее возьму брошку и побегу. — Она стала шарить в сумочке.

— Ах, боже мой, я потеряла ключ.

— Это плохо, — заметил я. — Но зачем нужны девушке драгоценности? Самая большая драгоценность для девушки — ее молодость, ее красота.

Это имело хорошее действие, но все же недостаточно хорошее.

— Нет, — заявила она, — мне нужна брошка. Я уже привыкла к мысли, что надена ее. Мы должны взломать замок.

— Мне это никогда бы и не пришло, — твердо возразил я. — Я доверенное лицо моей тетушки и не могу ломать ее мебель.

— Ах, но...

— Нет.

Тут, голубчик, мой, последовала довольно неприятная сцена. Ужасна ярость женщины, когда она не может получить брошь, которую ей хочется иметь. Атмосфера была напряженная.

— Я напишу мисс Экридж и в точности передам ей обо всем происшедшем, — сказала портесса, останавливаясь у выходной двери.

Она умчалась, а я остался взволнованный и обессиленный.

Я понимал, что надо что-то предпринять, не теряя времени. Мне необходимо было откуда-то достать пятьдесят фунтов. Но где? Во всем мире был только один человек, которого можно было бы заставить дать мне такую сумму, и это был Джо Законник. Я не очень-то надеялся на него, но, когда хочешь занять денег, надо прежде всего наметить кого-то, у кого имеются деньги. Я знал, что у Джо они имеются, потому что я сам дал их ему. И я надеялся, что сумею уговорить его выручить компаньона, который попал в такое безвыходное положение.

Я позвонил ему по телефону и, узнав, что он будет на следующий день на скачках в Льюисе, поехал туда с ранним поездом.

Что ж, Корки, я должен был знать это вперед. Уверяю тебя, что если у человека есть хоть какие-нибудь проблески чувства, он не делается букмекером. Я стоял возле Джо Закон-

ника от двух часов до финиша в половине пятого и видел, как он набивал деньгами свою сумку.

— Одолжить вам пятьдесят фунтов? — сказал он удивленно. — Это я-то должен вам одолжить? Да меня все засмеют!

— Такой человек, как вы, не обращает внимания на то, что говорят другие, — настаивал я. — Вы слишком сильный, вы можете позволить себе это.

— Нет, этого я не могу. Меня просто извели бы потом. Но вот что я все таки сделаю для вас. Я доведу вас завтра на своем автомобиле до Сэндоуна.

Он говорил таким тоном, точно делал мне величайшее одолжение. Я хотел было с возмущением отказаться от такого предложения, но меня остановила мысль, что если в Сэндоуне его дела пойдут так же хорошо, как здесь, лучшее в его натуре может, в конце концов, проснуться. Даже букмекер может иногда оттаять.

— Я выезжаю завтра ровно в одиннадцать часов. Если вы не будете готовы, я поеду без вас, — с этими словами Джо ушел.

Этот разговор, Корки, происходил в кабачке. Я остался, чтобы выпить еще стаканчик. Мне необходимо было подкрепить силы. Мужчина за стойкой разболтался со мной.

— Этот Джо Законник — ловкий паренек, — хихикнул он. — У него подохла собака, которая должна была взять Кубок Ватерлоо.

— Знаю.

— Да, только вы верно не знаете, что он тогда проделал. Он стал разгрывать эту собаку по двадцати фунтов за билет.

— Но, ведь, собака подохла.

— Конечно, подохла, да никто этого не знал. Он тут и заработал не одну сотню фунтов. Ловкий парень этот Джо!

Ты когда-нибудь испытывал, Корки, чувство, когда весь мир кажется тебе мрачнее ночи и теряешь доверие ко всем людям? Этот враг рода человеческого — Джо Законник — не удовольствовался тем, что выманил у меня пятьдесят фунтов. Он еще обманом

заставил меня отказаться за пять фунтов от всех прав на дохлую собаку, которая принесла ему после этого несколько сотен. Ну, было ли это честно? Было ли это справедливо?

На следующий день утром мы с Джо мчались на автомобиле. На небе сияло солнце, в кустарниках по сторонам дороги пели птицы. Мотор нашего двухместного автомобиля равномерно стучал.

Но вдруг я заметил, что звук перестал быть равномерным, что-то зашипело и откуда-то пополз дымок.

Джо пробурчал что-то про человека в отеле, который забыл налить воды в радиатор.

— Вы можете взять воды в том доме, — сказал я.

Недалеко от дороги, среди деревьев, стоял домик. Джо остановил автомобиль и вылез.

— Я останусь сторожить вашу сумку с деньгами, — сказал я. Не было смысла отказать ему в такой любезности.

— Нет, я возьму сумку с собой.

— Она вам будет мешать, когда вы понесете ведро с водой.

— Я не так глуп, чтобы оставить вам сумку.

Что это был за человек!

Домик был окружен железной оградой с калиткой. Джо распахнул калитку и вошел в сад. В эту минуту из-за дома выбежала собака. Джо остановился, остановилась и собака.

Уверю тебя, что в этой собаке не было ничего страшного. Конечно, она была большая и глаза у нее были на выкат. Но я сразу понял, что она из тех ласковых псов, которых спокойно можно поглядить мимоходом. Но Джо, очевидно, было не по себе.

Собака сделала шаг вперед. Она, вероятно, хотела понюхать Джо. Но он замахал на нее руками и собака прыгнула вперед и подозрительно залаяла. Тут Джо совершенно потерял голову. Он пронзительно вскрикнул и швырнул в собаку больше, чем двумястами фунтов. Сумка ударила собаку в грудь и застала ей ноги. Пока она выпутывалась, Джо выскок из калитки и захлопнул ее за собой.

И только тут он сообразил всю глупость своего поступка.

— Что теперь делать? — сказал он растерянно.

— Крикните хозяев, — посоветовал я.

В это время собака освободилась от сумки, просунула морду между прутьев загородки и производила носом шум, точно саксофон.

Джо крикнул, но никто не отозвался. Хозяин коттеджа, верно, был в поле.

Джо начал волноваться.

— Хорошая история! — говорил он со слезами в голосе, — если я не попаду в Сэндоун к первым скачкам, я потеряю сотни фунтов.

Дело в том, Корки, что Сэндоун был полон людьми, которые были обречены на проигрыш и они все ждали только возможности передать свои деньги Джо. Но что же случится если Джо не попадет на скачки? Они передадут свои деньги другому букмекеру, сопернику Джо. Меня вдруг осенило:

— Послушайте, — сказал я, — если вы мне одолжите пятьдесят фунтов, я вам достану вашу сумку.

Он молчал. Потом покосился на меня, покосился на собаку. Но в эту минуту счастье изменило мне. Собаке надоела эта история, она повернулась и побежала обратно к дому. И не успела она исчезнуть за углом дома, как Джо прошмыгнул в калитку и галопом побежал к своей сумке.

Ты знаешь меня, Корки. Я не терплю в такие минуты. На дороге валялась какая-то палка. Я схватил ее и застучал ею по забору. Собака сейчас же прибежала назад, точно ее потянули за веревку. Тут Джо пришлось не терять ни одной минуты и опять бежать из сада. Он ужасно обозлился и позволил себе несколько сильных выражений.

— Пятьдесят фунтов, — сказал я, когда он немножко успокоился.

Он взглянул на меня. Потом кивнул головой. Не скажу, чтобы приветливо, но кивнул. Я открыл калитку и вошел.

Собака с лаем бросилась на меня. Но я спокойно наклонился к ней и

— Я постучал палкой по забору. Собака бросилась на Джо и он опять бежал из сада.

похлопал ее. Я хорошо знаю собак такого сорта. Пес положил мне лапы на плечи и лизнул меня в лицо. Я взял в руки его голову и покачал ее из стороны в сторону. Собака схватила мою руку и начала ее слегка

покусывать. Я опрокинул добродушное животное на землю и стал похлопывать его по груди. После всех этих любезностей я встал и оглянулся на сумку.

Ее не было. За калиткой стоял Джо Законник, ласково прижимая ее к

себе. Он вбежал в сад, пока я занимался собакой, и забрал сумку. Я притворился простодушным.

— Крупными бумажками, — сказал я.

— А? — переспросил Джо.

— Я предпочел бы пятьдесят фунтов крупными бумажками. Они занимают меньше места в кармане.

— Какие пятьдесят фунтов?

— Которые вы мне обещали за то, что я вам достану сумку.

— Вот это мне нравится! Да кто достал сумку: вы или я?

— Я успокоил собаку.

— Ваше дело, если вам нравится забавляться с собаками. Но, если вы хотите, вы можете еще с ней поиграть, пока я схожу за водой.

У него было черное сердце. Он дал мне заглянуть в свою душу и в ней было темно, Корки, как в погребке в безлунную ночь.

Я остался один, а Джо пошел за водой в видневшийся в отдалении соседний дом. Вся моя надежда была, что там окажется другая собака.

Тут послышались шаги. Я оглянулся. К коттеджу подходил крестьянин.

— Это ваш дом? — спросил я.

Он выпучил глаза на автомобиль, потом посмотрел на меня и снова на автомобиль.

— А? — спросил он. Он, кажется, был глуховат.

— Это ваш дом?

— А?

— Мы остановились здесь, чтобы взять воды.

— А!

— Только моего спутника напугала собака, и он пошел за водой в другое место.

— А?

— Его напугала ваша собака.

— Я вам отдам ее за пять шиллингов.

Пока он говорил, Корки, меня снова осенила блестящая мысль.

— Готово! — крикнул я.

— А?

— Вот пять шиллингов. Свистните собаку.

Он свистнул, и собака сейчас же прибежала. Помассировав ей снова

ребра, я поднял ее, сунул в автомобиль и защелкнул дверцу.

В эту минуту на дороге показался Джо с ведром воды. Он уже подходил к автомобилю, когда на него залаяла собака. Джо остановился и от неожиданности облил себе водой брюки.

— Кто посадил собаку в автомобиль? — спросил он.

— Я. Я купил ее.

— Выбросьте ее сейчас же вон!

— Но я везу ее домой.

— Только не в моем автомобиле.

— Послушайте, — сказал я, — я продам ее вам, а вы делаете тогда с ней, что хотите.

— Мне ваша собака не нужна. — Джо начинал терять терпение.

— Да и мне она не нужна. Это вы меня заставили купить. Я, собственно, не понимаю, на что вам жаловаться! Эта собака — живая. Вы же продали мне дохлую.

— Сколько вы хотите за нее?

— Сто фунтов.

— Сто фунтов? — Джо был вне себя.

— Всего-то сто фунтов, — повторил я. — Но теперь уж я не возьму меньше ста пятидесяти. Цена растет.

— Вы только послушайте его! — воскликнул Джо.

— Вот что, — сказал я. — И это окончательно: сто фунтов, если вы заплатите сейчас. Потом будет дороже.

У Джо была короткая и толстая шея. Одно мгновение я думал, что он не вынесет такого прилива крови. Губы его тряслись. Но, в конце концов, он все же нырнул в свою сумку и вынул деньги.

— Благодарю вас, — сказал я. — До свидания.

Он как будто еще ждал чего-то от меня.

— До свидания, — повторил я. — Я не хочу вас обижать, но принужден отказать от вашего общества. Мы приближаемся к цивилизованным местам, меня могут увидеть с вами, а это плохо отразится на моем общественном престиже. Я дойду до ближайшей железнодорожной станции.

— Но возьмите же вашу собаку, чорт побери!

— Мою? Но, ведь, я же продал ее вам. Моя роль в нашей сделке кончена.

— Но как же я поеду в Сэндоун, если я не могу сесть в автомобиль?

Я взял в руки кочергу и усердно принялся за бюро...

— Зачем вам ехать в Сэндоун?

— Я уж и без того опаздываю, а это—сотни фунтов вон из моего кармана!

— Ага!—сказал я,—тогда вы, конечно, согласны заплатить тому, кто поможет вам поскорее попасть в Сэндоун? Я мог бы вам тут пригодиться, если найду, что это стоит труда. Извлекать собак из автомобилей—работа специального характера. Назначим за нее и подходящую оплату. Скажем—пятьдесят фунтов?

Джо поднял крик, но я оборвал его.

— Как хотите,—сказал я,—мне все равно!

На это он извлек требуемую сумму, а я вытащил собаку из автомобиля.

Джо молча сел и поехал, а я его с тех пор не видел и не хочу видеть. Таких людей всегда лучше избегать!

Я повел собаку обратно к дому и позвал хозяина.

— Возьмите собаку,—сказал я,—она мне больше не нужна.

— А?

— Мне собака не нужна.

— А! Ну, я вам не отдам пяти шиллингов.

— Оставьте их у себя с моим благословением,—сказал я, похлопывая его по плечу,—такие сумы я разбрасываю на все стороны. Он сказал:

— А!—И ушел вместе с собакой.

А я отправился искать железнодорожную станцию. Я шел и шел, Корки, заливался в поле, точно коноплянка.

На следующий день я выкупил брошь и запер ее в тетушкино бюро. А на следующее утро приехала те-

тушка, позвала меня в кабинет и окинула горящим взглядом.

— Стэнли,—сказала она.

— Что скажете, тетушка?—спросил я.

— Стэнли, мисс Вининг сообщила мне, что ты отказался выдать ей мою брошь.

— Совершенно верно, тетушка. Она хотела взломать замок вашего бюро, но я не допустил этого.

— Сказать тебе почему?

— Все произошло потому, что она потеряла ключ от бюро.

— Ты знаешь, что я не про это говорю. Сказать тебе, почему ты не хотел, чтобы она взломала замок?

— Потому, что я слишком уважаю вашу собственность.

— Неужели? А я склонна думать, что ты это сделал потому, что броши в бюро не было.

— Я вас не понимаю!

— Я же, напротив, сразу поняла, когда получила письмо мисс Вининг. Ты заложил брошь, Стэнли, я хорошо тебя знаю!

Я встал во весь рост.

— Вы не можете меня знать,—сказал я холодно,—если думаете обо мне такие вещи. Подобные подозрения недостойны родственных отношений.

— Об этом ты не беспокойся. Открой лучше бюро.

— Взломать его?

— Взломай! И сейчас же, в моем присутствии!

Я высокомерно взглянул на нее.

— Тетушка,—сказал я.—Вы желаете, чтобы я разломал ваше бюро?

— Да!

— Подумайте хорошенько...

— Я уже давно все обдумала.

— Пусть будет так, как вы хотите.

Я взял в руки кочергу и усердно принялся за бюро. Под обломками крышки лежал футляр с брошкой.

— Тетушка,—сказал я,—немножко доверия и этого можно было бы избежать.

— Стэнли,—проговорила она сквозь слезы,—я была несправедлива к тебе.

— Это правда, тетушка.

— Мне... мне... мне очень жаль.

— Я вас понимаю, тетушка.

Пользуясь своим преимуществом, я довел тетушку до полного сознания вины. Она осталась в таком настроении и по сегодняшний день. Не знаю, сколько времени это будет продолжаться, Корки, но пока я снова в ее глазах мальчик с невинными голубыми глазками, и она готова исполнить мое малейшее желание. Вот почему она даже улыбнулась, когда я сказал, что хочу пригласить тебя сегодня на обед. Пойдем, старина, в кабинет, выкурим сигару. Там есть несколько особых сигар, которые я ведел прислать мне из этого магазина на Пигадилли.

В 3-м номере „Мира Приключений“ будет напечатан.

„БУНТ АТОМОВ“

большой научно-фантастический рассказ В. Е. Орловского,
автора книги „МАШИНА УЖАСА“.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

Атлантида и теория Вегенера

Кого не увлекали окутанные таинственностью, полные трагизма предания о гибели в водах Атлантического океана целой страны, сильного государства и древней, но высокой культуры (см. № 6 «Мира Приключений» за 1925 г.). Эти легенды свыше двух тысячелетий владеют мыслями многих людей, но только сравнительно недавно новые открытия человеческого ума позволили подойти к этому вопросу, основываясь на научных данных. Кроме Атлантиды теперь имеются некоторые указания, позволяющие думать и о возможности былого существования тоже погибшей страны — Пасифиды, покрытой ныне могучей толщей Тихого океана (см. № 7 «Мира Приключений» за 1926 г.).

Конечно, былое существование таких легендарных затопленных стран во многих отношениях представляется спорным, совершенно так же, как вызывает многие возражения наделавшая столько шума теория Вегенера о происхождении современных нам материков и океанов, теория, стоящая в непосредственной близости с преданиями о затонувших странах.

Профессор Вегенер считает, что в отдаленнейшие времена, еще в период юношеских лет земного шара, вся суша на нем (не считая, конечно, островов вулканического и кораллового происхождения) составляла единый материк, впоследствии расколовшийся на отдельные части, последние постепенно начали отходить друг от друга, пока не остановились на определенных пределах. Есть косвенные указания, что некоторые из таких частей продолжают свое движение и поныне.

Хотя эта теория не обосновывает определенно причин первоначального растрескивания материка и хотя она горячо оспаривается многими авторитетами, все же вполне несомненно, что ученый мир отно-

сится к ней с полной серьезностью. Это подтверждается богатой литературой по затронутому вопросу и тем большим вниманием, которое уделяется Вегенеру и специальными научными, и широкими кругами читающего общества.

Конечно, сама мысль, что материки как бы «расползаются» в разные стороны, что земля, если не уходит из-под наших ног, то увозит нас или увозила наших предков вместе с собой — может казаться невероятной.

Такая мысль требует допущения, что материки и острова, подобно гигантским кораблям, вернее глыбам льда, перемещаются по какой-то жидкой поверхности. Уже установлено, что внутренность земли представляется не расплавленной массой, как думали раньше, но состоит из некоторых металлов (железо и никель — так назыв. «нифе», подтверждение этого — расчет

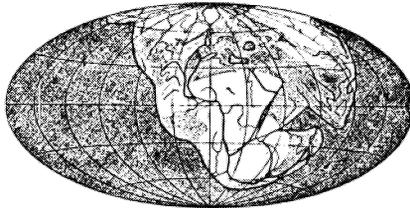

Рис. 1. По Вегенеру, в Юрский период вся суша Земли составляла единый материк, в центре которого находилась Африка.

удельного веса земли и характер распространения колебательных движений при землетрясениях); ядро находится в «футляре» из тяжелых минералов, преимущественно соединений кремния и магния (например, базальты, так наз. «сима»); наконец, земная суша с прилегающими к ней частями дна, образовавшимися от размывов, выветривания, словом от той же суши, состоит преимущественно из того же кремния и алюминия (напр., граниты, гнейсы и пр.; так наз. «саль» или «сиаль»). Дно океанов, отбросив осадочный ил, состоит непосредственно из сима.

Удельный вес сая немного меньше, чем у сима, почему предположено, что саль как бы «плавает» на сима. Лабораторные опыты показали, что, под громадными давлениями, скалы начинают «плыть» по более плотным скалам же. Вегенер полагает, что при громадной тяжести суши «саль» в течение длительного времени,

измеряемого астрономическими масштабами, части материков под влиянием различных сил (притяжение Солнца и Луны и некоторых других) двигаются с чрезвычайной медленностью по равнодействующей всех

Америка. Для нее, наприм., барьером явилось глубокое и сильно охлажденное дно «сима» Тихого океана; движение западной границы было остановлено, а инерция массы Южн. Америки проявилась в образовании на за-

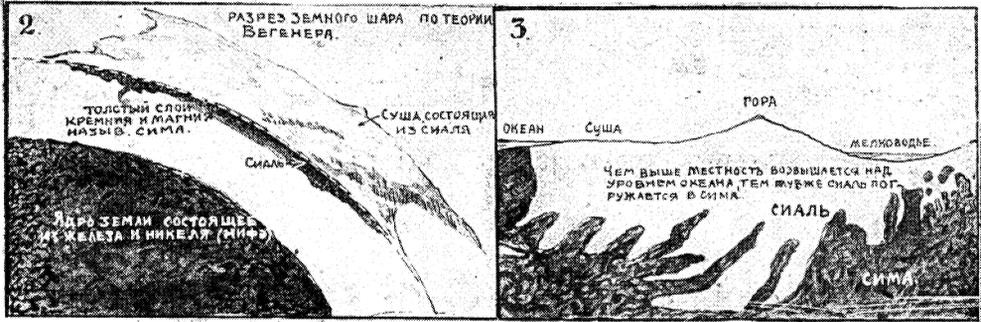

Рис. 2. Предполагаемый разрез земного шара. Рис. 3. Предполагают, что материки состоят из «сима», как бы плавающего на более плотном слое «сима»; сима углубляется в симу выдавленными от тяжести вниз «корнями» из сима же.

сид и по линии наименьшего сопротивления. Движение продолжается до тех пор, пока корни сима, погруженные в верхние слои сима, не встретят какого-либо задерживающего барьера.

По Вегенеру, в Юрский период, когда на земле уже существовала довольно развитая жизнь, Австралия с Новой Зеландией, Антарктика, Индия и Южная Америка лежали в одном куске с Африкой и Европой; Азия и Сев. Америка были несколько удалены от общего центра — Африки, хотя тоже составляли с ней одно целое.

В течение Мезозойской эры (расцвет

паде ее громадных морщин, известных под именем Анд... Сев. Америка дольше оставалась связанной через Гренландию с Европой; относительно недавно, может быть «только» один миллион лет назад она отделилась и образовала постепенно расширявшийся Атлантический океан.

Имеются данные предполагать, что Гренландия и теперь еще не закончила своего движения и продолжает его со скоростью от 20 до 30 метров в год. Это величина, которая уже поддается измерению современными точными приборами и способами. Можно предпола-

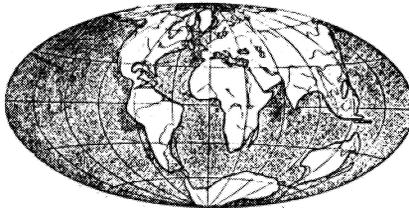

Рис. 4. Расхождение растрескавшихся частей земли в Мезозойскую эру и третичный период.

Рис. 5. Вот где был, вероятно, материк Африки в доисторические времена. На рисунке показана известная детская игра — складывание картин из отдельных кусков. Здесь эта картина — распластанный земной шар.

пресмыкающихся) и в третичный период (развитие млекопитающих) началось указанное расхождение растрескавшихся частей земли. Первой ступнула и задержалась Ю.

гать, что движению подвержены и некоторые другие части земли.

В минувшем году Международный Геодезический и Геофизический Союз решил

учредить сеть наблюдательных пунктов для периодического точного определения долгот посредством радиосигналов, т. е. способа, допускающего наибольшую точность. Возможно, что через какие-нибудь 10 лет человечество получит данные, позволяющие признать справедливость или, наоборот, отбросить теорию Вегенера.

В связи с катастрофой, когда-то постигшей нашу старушку — Землю, можно поставить и предания о погибнувших странах. В связи жес последними, естественно, стоят и легенды об исчезнувших культурах. Об Атлантиде говорили во времена расцвета

сравнительно молодой древнегреческой культуры. Седая старина стран Дальнего Востока, немые свидетели — археологические остатки, — находясь на некоторых островах далекой Океании и в джунглях Америки, все совершенствующиеся технические средства исследования, а может быть скоро и «рассматривания» океанского дна, вероятно, в недалеком будущем уже откроют нам многие тайны прошлого и Земли, и жизни наших отдаленнейших предков.

К. Н. Левицкий.

==== Автоматический лотман для судов и аэропланов ====

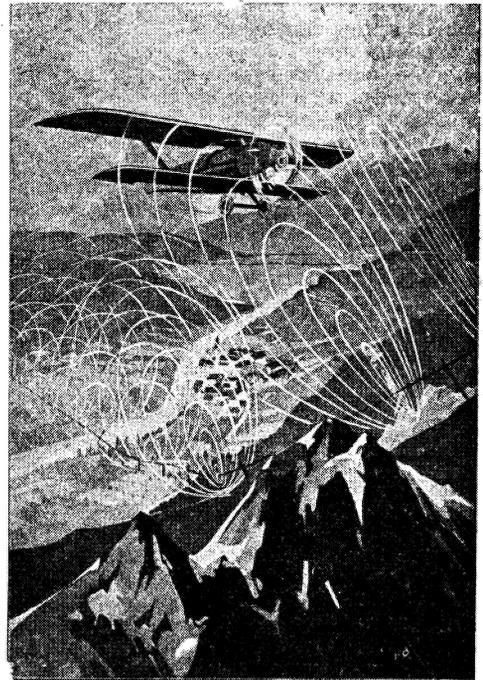
Новому изобретению французского инженера Лота, построившего прибор для автоматического указания направления курса, вне зависимости от состояния погоды, по-видимому, суждено будет сыграть немаловажную роль в современной авиации и лотманском деле. Сущность нового способа заключается в следующем: на дно моря (напр., при входе в порт или в устье реки) кладется изолированный электрический кабель, по которому пускают переменный ток порядка нескольких сот периодов в секунду, возбуждающий вокруг себя ряд электромагнитных волн. Последние, при помощи телеграфного приемника с двумя небольшими рамочными антеннами, могут улавливаться на судне, идущем неподалеку от кабеля. Это то же явление «гудения», слышимое в телеграфной трубке, когда телеграфная линия проходит поблизости от линии электропередачи. Рамки с антенной установлены вдоль обоих бортов парохода и соединены с телефонным аппаратом. Если, напр., судно идет слева от кабеля — звук слышится от левой рамки, т. к. правая рамка закрыта корпусом судна, играющего роль экрана. Если переключение с одной рамки на другую дает одинаковый эффект, это значит, что электромагнитные волны действуют одинаково на обе рамки — иначе говоря, судно идет как раз над самым кабелем. Рулевой с телефонной каской на голове по слуху узнает о правильном курсе и может вести свое судно более надежно, чем самый опытный лотман.

Для воздушных кораблей необходимо рамки поставить под прямым углом друг к другу.

Пилот, не видя земли и своей воздушной дороги, пользуясь новым прибором Лота, может теперь ощущать ее подобно птице, делающей это чисто инстинктивно.

Новое изобретение показало полную

свою практичность. Так, на опытной линии длиной в 3 километра, вдобавок очень извилистой, аэроплан мог получать отчетливые сигналы уже на высоте 2000 метров

над полосой земли шириной в 4 километра. Для спусков на аэродромы предполагается установить сигнальную линию в виде кольца, окружающего место спуска, так чтобы пристающий самолет мог бы всегда выбрать себе направление для посадки против ветра

Тайна портрета, раскрытая лучами Рентгена

Многим из тех, кто интересуется жизнью искусства, наверно памятно наделавшее много шума открытие под слоем красок одной старинной картины, принадлежавшей д-ру Погорельскому,—замечательного художественного произведения кисти самого Рафаэля. Открытие это удалось сделать, произведя несколько фотографических снимков с картины при помощи рентгеновских лучей. Оказывается, что различные краски, в зависимости от входящих в них солей, неодинаково пропускают эти лучи, давая на снимках тени различной яркости. Особенно отчетливо видны заgroundки, сделанные при помощи свинцовых белил и наброски свинцовым карандашом. Лучи Рентгена как бы обострили глаз человека, позволив ему увидеть под позднейшими слоями красок подлинную работу великих мастеров, а также дали возможность во многих случаях обнаружить подделку.

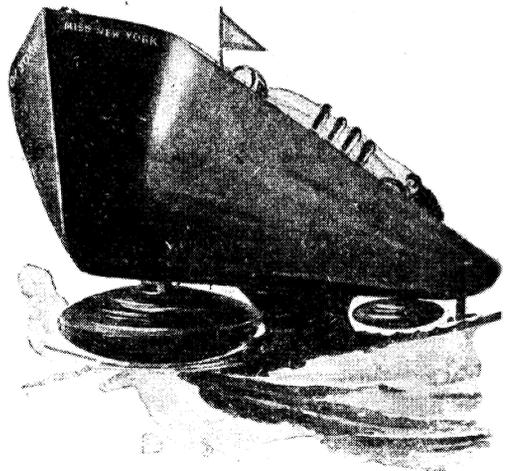
Интересный случай подобного рода

пришел недавно в музей Гарвардского университета. Один из портретов, приписывавшийся кисти голландского художника XVI века Франца Пурбуса, носил явные следы более поздних исправлений (см. фот. слева). Снимки, сделанные с портрета рентгеновскими лучами (средний снимок),

сразу же обнаружили, что под верхними слоями находится портрет с несколько иными чертами лица; кроме того выяснилось, что доска, на которой был нарисован портрет, в свою очередь наклеена на более прочную деревянную решетку, искусно затем замаскированную. Тогда решено было приступить к осторожной очистке картины, после чего портрет явил истинные черты изображенного на нем лица молодой женщины (см. правый снимок), значительно более соответствующие типу женской красоты XVI столетия, чем «подправки», сделанные позднейшими невежественными художниками.

Прыгающая лодка

Американский конструктор Ганс Бешам спроектировал недавно моторную лодку, основанную на совершенно новом принципе. Бешам использовал одно любопытное физическое явление: чечевидеобразный легкий диск, погруженный в воду, стремится подниматься из нее, если этому диску придать быстрое вращательное движение. Бешам предполагает установить под дном своей лодки два таких диска диаметром около 1 метра и заставить их быстро вращаться при помощи зубчатой передачи от мотора. Между этими дисками будет находиться глубокий киль, напоминающий собою плавники акулы, а сзади будет помещаться руль и гребной винт. При достаточно быстром вращении дисков они должны выйти из воды, приподняв всю лодку, которая при этом будет как бы прыгать с волны на волну. Рисунок изображает такую лодку на полном ходу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше—напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать марки. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

ПРИНЯТ К ПЕЧАТИ РАССКАЗ: „Полосатые“.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Пляска ледяной смерти“.—„Утөр Поветкин“.—„Укридж и старый фронт“.—„В ногтях“.—„Кисет“.—„Старухи просыпаются“.—„Хутор кошмаров“.—„Исповедь“.—„Морской призрак“.—„Воинские сунусы“.—„Стражи золота“.—„Страшные кошки“.—„Рукопись сумасшедшего“.—„Узоры жизни“.—„Канарейка на пенсии“.—„Одно из похождений разбойника Лбова“.—„Саблинские ковбои“.—„Планеты солнечной системы“.—„Веглец“.—„Две сестры“.—„№ 18“.—„Тринадцатый“.—„Цыганский узел“.—„Осколки китайского зеркала“.—„Кто он, откуда и в чем дело?“.—„Неизгладимое“.—„Бывает“.—„Волки“.—„Ларь“.—„Чумные разбежались“.—„Конец дядюшки Генри“.—„Четверо в полночь“.—„Дело Соколовой“.—„День наступил“.

Авторы рассказа «Раки кошевого», помещенного в № 6 журнала, В. Клейзмер и Л. Попов просят сообщить, что третьим соавтором рассказа является еще и М. Милютин.

Подписчик № 2942 любезно указывает нам на корректурную ошибку в рассказе «3 состязания». У нас напечатано «а к а», что на тюркских наречиях значит брат, старший, вместо «а т а» — отец. Охотно даем место и филологической справке. От «ата» пошло и название города «Алма-ата» — отец яблок. В Семиречье, а по-киргизски Джеты-су, в окрестностях Алма-ата очень много великолепных яблок.

Р. Б. (Одесса) и некоторым другим авторам. Чтение поступающих рукописей никогда не задерживается редакцией, и в очередном номере журнала немедленно отмечается, принята рукопись или отвергнута. Задержки бывают только в том случае, если содержание рассказа вызывает необходимость специальной научной консультации или наведения справок. Следите за почтовым ящиком. Там найдете ответ. Писать всем авторам письма — немисливо: к 1-му августа у нас зарегистрировано уже более 1.000 рукописей. Если к рукописи приложена оплаченная открытка с адресом для ответа — ее всегда посылают по прочтении рукописи. Вам, гр. Р. Б.; ответ дан своевременно в почтовом ящике № 7. Отдел «Почтовый Ящик» — и есть основная форма сношений редактора со всеми, кто так или иначе заинтересован в журнале. Однако в течение года редакция пишет и несколько сот писем, когда это вызывается необходимостью. — Будьте требовательны сначала к себе, а потом уже к другим.

С. Х. (С.-Петербург): «Чумные разбежались» по теме могло бы подойти, если бы автор дал скатую, страшную и красочную картину ужаса чумы и уже на этом фоне анекдот, который расплывчатое занимает теперь сполна весь рассказ. От литератора вовсе не требуется дословно воспроизводить все ругательства действующих лиц и рисовать без нужды грязные сцены. Ведь не в этом суть и действительность рассказа.

О. А. З. (Баку). Ответим Вам начальными словами Вашего же рассказа: «вы слишком молоды и слишком мало знаете жизнь». А написано довольно грамотно.

В. К. (Ленинград) «Канарейка на пенсии» — очаровательная темка для бытового эльбетона. Вы это и написали.

В. В. ШАВОНОВ ПЛАНЕТА МАРС в свете новейших исследований I. Жизнь на далеких мирах. II. Планета Марс. III. Климат Марса. IV. Каналы и их строители. V. Загадка Марса. VI. Марс и судьба Земли. С оригинальными рисунками. Цена 40 н., с перес. 50 н.	Н. А. РЫНИН МЕЖПЛАНЕТНЫЕ СООБЩЕНИЯ I. Мечты о полетах. II. О-ва межпланетных сообщений. III. Фантазии и легенды. IV. Полеты на птицах, конях и пр. V. Полеты по древним и средневековым мифам. VI. Полеты в сказках. С 90 рисунками. Цена 1 р. 70 н., с перес. 1 р. 95 н.
Издательство „П. П. СОЙКИН“, Ленинград, 25, Стремянная, 8. Мелкие суммы можно высылать почтовыми марками в заказном письме.	

ИЗДАТЕЛЬСТВО „П. П. СОЙКИН“ ОСНОВАНО В 1885

Телеграфный адрес ЛЕНИНГРАД—ИЗДАТСОЙКИН. Почтовый: Стремянная,

Мелкие суммы можно высылать почтовыми марками в заказном письме.

Можно выписывать наложенным платежом.

ПРИКЛ
ЦЕНА
50
коп

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ПЛАНЕТЫ.

ПОЛЕТЫ В МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО И ДОСТИЖЕНИЕ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ

Мысль о полетах в глубины вселенной и достижении иных миров автор не считает праздной мечтой. Было время, когда признавалось невозможным переплыть океан; нынешняя всеобщая вера в недостижимость небесных светил в сущности столь же безосновательна, как и убеждения наших предков в недостижимости антиподов.

Цена книги 90 коп., с пересылкой 1 руб.

Потапенко, Д. Н. Человек из проруби. (Из хроники южно-русского села). Ц. 80 к.

Свирицкий, А. И. На костре. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

— Из мрака прошлого. Рассказы. Ц. 1 руб.

— Искатели янтара. Сборник рассказов. Ц. 75 к.

Грин, А. С. Сердце пустыни. Сборник рассказов. Ц. 75 к.

Ашукин, Н. С. Декабрысты. Историческая повесть. Ц. 45 к.

Мейринк, Г. Лиловая смерть. Рассказы. Ц. 35 к.

Песни труда, борьбы, воли. Сборн. под редакцией Г. А. Белоусова. Ц. 35 к.

Осболь, Андрей. Люди.

прохожие. Сборник рассказов. Ц. 90 к.

Шевченко, Т. Г. Запретный Кобзарь. Изд. 2-е, Ц. 45 к.

Чулков, Георгий. Вечерние зори. Рассказы. Ц. 50 к.

Вейнланд, В. Ф. Руламан. Повесть из времен каменного века. Ц. 65 к.

Современники. Альманах художественной прозы. Ц. 1 р. 20 к.

Фомин, Семен. Земная зыбь. Рассказы. Ц. 60 к.

Кузница. Литературный Сборник. Ц. 2 р. 25 к.

Гумилевский, Лев. Слепая ночь. Рассказы. Ц. 1 р. 20 к.

Носкович, А. Бурелом. Рассказы. Ц. 85 к.

Рол. Сборник I. Ц. 1 р. 25 к.

— Сборник II. Ц. 1 р. 25 к.

Демидов, Алексей. Жизнь Ивана. Повесть. Ц. 1 р. 75 к.

— На шахте. Рассказы. Ц. 75 к.

Волков, Михаил. Райское житье. Ц. 30 к.

— Дубье. Сборник. Ц. 40 к.

Фатов, Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. Ц. 1 р. 75 к.

Эренбург, Илья. Трест Д. Е. Ц. 1 р. 40 к.

ПОЛНЫЙ НОВЕЙШИЙ ОТ А ДО Я ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

3.000 столбцов текста. 2.500 фотоиллюстраций, рисунков, красочных таблиц, диаграмм, составлен на основании последних научных данных под редакцией: проф. М. Я. Брейтмана, проф. Г. Г. Генцеля, проф. А. С. Грибоедова, проф. С. О. Грузенберга, проф. Р. В. Иванова-Разумнина, проф. М. П. Каменского, проф. Б. Я. Нурбатов, проф. И. В. Палибина, проф. В. Н. Пескова, проф. А. Н. Римского-Норсикова, проф. Я. И. Руднева, акад. Е. В. Тарле, проф. В. В. Томашевского, поч. члена Акад. Наук проф. О. Д. Хвольсона, проф. П. Ю. Шмидта, проф. П. И. Штейнберга и мн. др. видных ученых и общественных деятелей.

В ДВУХ ТОМАХ, В ИЗЯЩНЫХ КОЛЕННОВЫХ ПЕРЕПЛЕТАХ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ВЫПУСКА
„СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ“

ДАЕТ 1928 году популярно-научный ЖУРНАЛ

„ВЕСТИНИК ЗНАНИЯ“
наука, искусство, литература, техника.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ“ и вышедшие №№ журн. с № 1-го высылается сразу по получении подшивки платы.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журн. „Вести. Знан.“ с „Энцикл. Слов.“ 15 р.
Подписные деньги адресовать: Гл. К-ре журнала „ВЕСТИНИК ЗНАНИЯ“, Ленинград, Стремянная, 8.

НОВЕЙШИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
РЕДАКЦИОННОГО КОЛЛЕКТИВА
Вестник Знания

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА ЛЕНИНГРАД

Образец переплета.